

62.3
120
Моя малая родина

Харина Татьяна Фёдоровна

***Черепаны, Черепаны...
Болью сердца говорю...***

Троицкостроитель
центральный суднобаз
от авторя

Л. В. Давидов

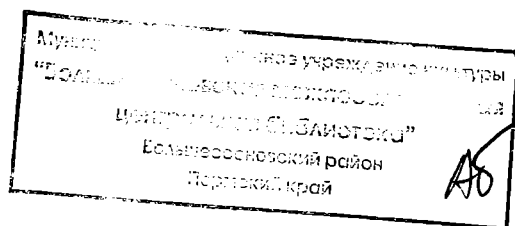
63.3
X20

Харина Татьяна Фёдоровна

12+

182704

Черепаны, Черепаны...
Болью сердца говорю...
(Рассказы, сказы, были, небылицы)

Харина Татьяна Фёдоровна
Черепаны, Черепаны...
Болью сердца говорю...

Подписано в печать 04.10.2019
Бумага ВХИ 80гр/м²
Гарнитура Times New Roman
Корректурa авторская
Печать цифровая, ризография.
Формат 60х84/32
Тираж 80 экз. Заказ № 19275

Отпечатано в ООО Типография «Кириллица»
614042, г. Пермь, ул. Ласьвинская. 78
Тел./факс: (342) 250-42-63

Уважаемые читатели, дорогие мои земляки. Уходят в небытие наши деревни. Ушедшие и уходящие: сколько их? Какие названия они носили? Кто в них жил? Тихо и незаметно уходят они и из памяти нашей... Много причин, по которым они исчезают: иногда так складывается жизнь, что спасти их некому... И всё же боль потери сильна. Ведь с каждой исчезнувшей деревней теряется часть духовности, часть культуры, изменяется исторический облик нашей Родины. А когда - то деревни стояли веками. Их защищали, в них жили, любили, рожали детей... А уходят они при полном молчании, словно в чём - то провинились перед нами. За последние десятилетия в России исчезло более 20 тысяч деревень. Не обошла эту участь и наша деревня - Черепаны. Этот сборник написан для вас, дорогие земляки, чтобы вы могли погрузиться в атмосферу детства, юности, узнать что-то новое из жизни своих дедов и прадедов. Все события и исторические факты не искажены. Герои рассказов также реальные, не вымышленные люди. Но не пытайтесь найти конкретного человека: каждый герой - образ собирательный и плод моего воображения. В шутовой, юмористической форме эти рассказы, сказы, были - небылицы легче воспринимаются, чем реальные события и будни деревни Черепаны. Каждодневный тяжёлый труд жителей скрашивали такие радостные, смешные, а порой и грустные истории. Юмор, шутка и смех всегда помогали и помогают жить и выживать даже в самые трудные моменты жизни. Кому-то этот сборник, надеюсь, понравится, кто-то посмеется, а может и ностальгически погрустит, но как говорится "Не любо - не слушай, да врать не мешай".

Благодарю за помощь в работе над сборником Петра Ивановича Семушина, Тамару Киприяновну Идрисову (Черепанову), Леонида Фёдоровича Григорьева, Александра Гордеевича Селеткова, Веру Аркадьевну Ивакину (Черепанову), Агрипину Гордеевну Басманову (Селеткову), Ульяну Илларионовну Глушакову (Сальникову), Татьяну Прохоровну Черепанову, Ивана Фёдоровича Сальникова, Леонида Семеновича Сальникова, Евдокию Фёдоровну Силукову (Сальникову).

Татьяна Харина (Черепанова)

**В России только ли гармони
Началом были всех начал?
И в колокольном перезвоне
Наш праздник в древности звучал.
Мы верим. Он ещё возможно
Вернётся вновь, наш лучший день.
Мы вновь идём по бездорожью,
К истокам русских деревень.
Чтоб ты опять окрепла верой,
Коль суждено тебе восстать,
И чтоб воскресла полной мерой,
Деревни вековая стать...**

Вехи истории деревни Черепаны

Деревня-то наша Черепаны, глубоко в историю корнями уходит, словно дуб трехсотлетний, али баобаба африканской какой. В ту пору царь батюшка наш, Петр Алексеевич (Петр I) окно в Европу рубил, да все больше по заграницам ездил под другой фамильё, инкогнито. Обучался там военному, мореходному делу и кораблестроению. Всё за Россею матушку радел, а что в его отсутствие - то делается и не доглядел. А тут сразу смутное время наступало, "бунташным веком" потом его историки назвали. То "соляной бунт" (1646г.), то "медной" (1950г.), а то вдруг откуда-то с Дона казак Стенька Разин объявился, да и без того подневольной народ смущать стал, призывал войной идти на дворян, бояр да царских чиновников (1667г.) А потом уж и веру христианскую переделывать стали. Патриарх Московский и Всея Руси Никон большую власть заимел, в мирские дела вмешивался, да "великим государем" себя объявил. Во время очередной отлучки царя-батюшки, Петра I, государевыми делами управлять начал, хотя сам-то без роду и племени был, нижегородским крестьянским сыном Никитой, по отцу Мининым, родился. Вот и натворил тогда делов-то: до сих пор разгрести не можем. В 1654 году церковную реформу провел: заменили двуперстие трёхперстием, земные поклоны поясными, двукратно пение "Аллилуйя" трехкратным, писание слова "Иисус" вместо дневнерусского "Исус"; да изменились некоторые

правила богослужения и каноны. А дальше - больше: книги церковные исправлять стали по греческим да византийским образцам, а не по древнерусским. "В них-де множество ошибок да неточностей накопилось, переписывали их не совсем грамотные писари". Старые книги да иконы в кострах запылали. Не принявших Никоновскую реформу отлучили от церкви, обвинив в расколе, стали раскольниками, старообрядцами, староверами да кержаками звать. Так начались гонения наших прародителей. Среди раскольников много и церковнослужителей было, да богатых людей из знатных семей. Так и их не щадили: в тюрьмы да в ямы земляные садили, пытали, да отречься от веры заставляли. Боярыня Морозова, та, что художник Василий Суриков с натуры рисовал, повела за собой крестьян посадских из Московии да Центральной России в глухие уральские леса да Сибирскую тайгу. По пути раскольников-то излавливали, в ссылку ссылали, в нову веру перекрещивали... Долго шли наши прадеды семьями, с малыми ребятами, кто пешком, кто на подводе, кто с обозом, скотиной да скарбом маломальским. Иногда заночёвывали у человека доброго в ямских избах, на станциях, куда реформа-то Никоновская не дошла. А больше отдыхали подальше от дорог, в лесу да тайге дремучей, скрываясь от чиновников царских и зверя лютого. Но звери их не трогали - сами гонимы были. Питались по дороге подножным кормом: грибами, ягодами, корой да кореньями деревьев, травой, водой из родников запивая. Когда до места добрались, до Урала - половины не досчитались: по дороге стигнули от голода, холода и болезни всякой. Тут уж отделяться стали: кто дальше тронулся в Сибирь, а кто тут, на Урале свои починки, деревни обустройства начал. И было это примерно, грамоты-то не разумели, в 1657-1660 годах...(362-360 лет назад). Три семьи Черепановых тоже себе место облюбовали: низину. Она, словно чаща со всех сторон лесом непроходимым поросла, да угорами, холмами крутыми огорожена. Стали лес раскорчевывать под избы, хозяйственные постройки и пастбища для скота своего: двух лошадок тощих с жеребенком, корове с годовалым бычком, овечке с барашком, да пятком куриц с петушком. В плетеной корзинке, с завязанными глазами кошку с котятками, чтоб по дороге не убежала где, привезли. Да еще собачонка с щенятами по дороге прибилась - тоже скотина в деревне нужная: с собой взяли. В центре

низины, на земле крест начертили, да сразу тут три избы с надворными постройками возвели. Каждое хозяйство под одной крышей, вплотную друг к другу построили, чтобы в межсезонье под дождь не попасть, а в холодную зиму в сугробе не замерзнуть. Из местной красной глины в избах печи русские битые поставили, бабы сразу их побелили: известью богата земля была. Мужики скорёхонько помочью, вместе значит, столы, лавки вдоль стен поставили строганы; для ребятишек соорудили полати над печкой; для хозяек полки, полочки да полочки под утварь кухонную сделали. На улице стайку срубили для живности, конуру для собачьего племени, выгон для скота да баньку по-чёрному. Да сразу деревню в три дома частоколом обнесли. На воротах амбарной замок навесили и табличку "Деревня Черепаны, по фамилии значит нашей. Принимаю только старообрядцев с этой фамилией, как мы. Остальной люд, у кого фамилия не наша - мимо проходи, свои деревни или починки образывай". На горе высокой сторожевую башню возвели да мальчишек по очереди часовыми при ней поставили, чтоб докладывали деревне не идет ли кто: человек ли лихой, беглой али свой, черепановец. Когда на месте-то основно все сделали, сход собрали, всех трех хозяйств. На сходе том решили план-карту деревни нарисовать, разметку улиц произвести, места под будущее строительство определить да и помечтать. Перекресток, где уже три избы стояло, назвали Крестами, от них в две стороны по улице наметили (безымянными они пока значились), от этих двух улиц главных - три Заула с проулками. В конце одного-то Заула рябины росли, так конец этой Рябиновкой окрестили, и тоже на карте обозначили с проулками. Потом водными артериями занялись. По деревне речка протекала: Черепановкой называли, она из подземных ключей образовалась - чистая да холодная вода в ей была. Из рыб только карасей, ленка, да мариугу (пескаря по-русски) мелкую увидали. Рыбы да рыбки резвились, ныряли аж до самого дна, на все полтора метра. Поселенцы-то, Черепановы, сразу речку в оборот взяли: решили три прудика - для трех хозяйств по одному, запрудить в самой деревне; один сразу за ней, а пятой поодаль. Два пруда общими сделать, чтобы дети малые купаться да моржевать могли, бабы воду для всяких нужд брать, а мужикам забава - рыбная ловля на кырбасах (лодка така из бревна выдолблена, как у индейцах

американских), плотях с удочками, мордами до бреднем. Дальше - больше, разухарились: места под будущие постройки определять стали, под жилой фонд, объекты социальной значимости значит. Мечтали конечно, но на карту-схему наносили. За деревней при въезде пушай мельница ветряная с крыльями стоит, да жерновами зерно на хлеб, отруби да мякину мелет. А другу мельницу ближе к горе построим, механическу. Из других деревень окрестных приезжать будут - муку молоть и нам прибыль. А тут пожарку поставим - мало ли што. К пожарке лошадку прикрепим. Бочку надо туда поставить, а воду-то руками качать будем, да багры, вилы и лопаты на щиток повесить надо бы, да ишо ведро. Кузня, кузница - сердце деревни обязательно нужна, лошадок подковывать, да орудия труда, утварь каку сделать: скобы, гвозди, вилы опять же и лопаты, топоры и ковши для бань. И будут в ней Феофаны, Феопены, Автомоны да Илларионы работать, а по наследству пушай ремесло свое передают. Столярка - бондарка необходима тоже: другие-то черепановцы придут, так чтоб не с гола места зачинали строительство. Да и самим со временем новая мебель потребуется: шкафы всякие, шифоньеры, да горки; а пока пусть мастерят: лавки, табуретки, ведра, бочки да коромысла гнутые, сундуки да корыта. Конечно пилорама нужна: лес корчем да выдергивам, а шкурить и на доски пилить да обтёсывать - пусть механизма работают. Для баб: 2-3 фермы, телятник, свинарник и птичник. Конюшня, конный двор уже сейчас необходим, поголовье увеличивать надо бы, как без лошадок. Для хранения запасов зерна, сена и ишо какой сельскохозяйственной продукции построим амбары, сушилку, молотилку, овощехранилище с сусеками да ларями. Избу-читальню организуем, ликбез проведем: ликвидируем неграмотность в нашей деревне. Для деток малых черепановское начальное училище али школу четырехлетку поставим. Учителей на квартиру определим. (1900-1967 года - время существования школы в д.Черепаны), Для молодежи клуб откроем да вечерами кино будем казать. Пусть движком сами мотор заводят, а генератор ток вырабатыват, чтоб лампочка Ильича горела. В жару экран на улицу - и там фильмы пусть смотрят, за 5 копеек билет, для своих. А после кина пусть танцуют фокстроты, играют в игры разны "Глухие телефончики", "Передай булавку", "Садовника", «Пары воровать» да пристойные

поцелуйные игры и забавы всякие. А вот тут лавку мелочную поставим, а потом магазин сделаем и пушай тут по очереди Черепанова Фаина Автомоновна, да две Марии Нелюбина и Сальникова, Григория дочь работают, товарами деревню обеспечивают. Да ишо телефон надоть поставить: для связи с волостным, уездным да губернским начальством. Вдруг надобность какая организуется али смута. И наконец: организуем Черепановское сельское вольнолюбивое общество во главе с нашей деревней Черепаны. Примем в него три деревни: Селетки, Лежебоки да Малиновку (Башку), когда они уж отстроятся. Да пожалуй и в свою деревню немного люда примем со временем, со стороны, парням да девкам жениться да замуж выходить ведь надо. На том и порешили... Посидели так на сходке-то, карту-план нарисовали, помечтали да за работу взялись... А ведь все сбылось!.. Хотя и через 300 с лишним лет, а сбылось!

А земли-то, где наши прадеды жить стали, принадлежали землевладельцам и промышленникам Строгановым, так сразу все их крепостными сделались. Хотя долгое время никто из властей не знал, что в глухомани деревня Черепаны появилась. А черепановцы с башни своей сторожевой много видали да слышали: в 1698 году московские стрельцы бунт против царя организовали да, по проторенной раскольниками дороге, на Урал и в Сибирь бежали; в том же годе на Урале первый металлургический завод построили, а потом еще 25 таких заводов выстроил тульской крестьянин Никита Демидович Алтуфьев. Петр I дворянское звание ему подарил и нову фамилию - Демидов. От тяжелого труда, копоты да жара на заводах экология стала портиться и по дорогам-то много беглых, лихих людей и разбойников появилось. Черепановы дозором уж на вышке своей стали, на горе Подкаменное. А тут новая беда: батюшка-то наш Петр I, по заграницам поездил, так и плохому там научился, в неметчине-то энтой. Указы друг за дружкой стал издавать: перво-наперво "всем лицам мужского пола, будь то младенец али старик немощной, брить бороды. Штраф 1 копейка с бородатого крестьянина а за богату бороду 100 рублѐв". Второй указ: "Садить и есть голландскую картошку", а в деревне даже фрукту таку в глаза не видали да и будет ли она родиться-то? Указ №3 - "Всем домочадцам пить привозной чай, да кофе!" Указ №4 - "Мужикам

курить табак, можно и нюхать. Бабам - ежели захотят." Указ №5 - "С 1 января 1700 года повсеместно отмечать Новый год, ровно 14 дней с танцами, весельем, пирушками, потехами с переодеванием да колядками по - западному образцу, чтобы всё в России было, как в Европах!" Указы-то эти царёвы до старообрядцев почти два века шли: не могли они по вере своей безбородыми ходить - неприлично это. Большие окладистые бороды все носили. Картошку не сразу есть стали, «бесовским яблоком» её звали. Вместо чая - квас на Руси отродясь пили да гороховой кисель. Привозной-то чай да кофей не по карману бедному крестьянину. А про табак да новогоднее веселье како - даже слышать не хотели. Одно и спасало, что далеко жили. В 1718 году государь Перепись населения учинил, а через 6 лет проверку, да ввел подушную подать с мужского населения по 1 рублю 14 копеек. Тогда-то и обнаружили деревню и все тяготы крепостных крестьян легли на их плечи, да и притеснения как старообрядцев. 108 без малого лет были гонения по вере, пережили 5 правителей (Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанна, Елизавета Петровна): одного царя, одного императора и трех императриц. И только в 1761 году государь Петр III, внук Петра I отменил своим Указом преследования старообрядцев и розыск староверов, предложил жить им "...без всякой боязни и страха, - объявляет, - о веротерпимости в России". Да, для наших прадедов событие это было и радостным и грустным одновременно, почти два поколения не дожили до этого. По вере объявили о свободе, но крепостное право никто не отменял. Еще ровно сто лет староверы оставались крепостными. Вокруг, одна за другой, возникали деревни и починки: Селетки, Солоды, Башка (Малиновка), Вязовка, Луговая, Ларята, Кряжевая, Запасы, Кособаны, Лежебоки, Починок (Малые Черепашки). История деревенок этих как две капли воды похожа на нашу. Основали их также старообрядцы, кто раньше, а кто и позднее, во время запрета на веру: старообрядчество. Да во всем деревня хоть и единоверцы, но жили обособленно. И хозяйство вели единолично. Суровое время и характер-от у всех суровой был, неулыбчивой, немногословной. Во главе каждой фамилии, хозяйства, семьи один, самой старшей, хозяин стоял. Что уж он скажет, на какую работу ни пошлет: никто перечить не смел. Слушались беспрекословно, даже взгляду боялись. Молодежь правда иногда

заглядывалась друг на друга, если случалось где, когда. Но решали все отцы. Кто-то их батей, кто тятей называл. Они и сговор вели и выбирали невесту аль жениха для своих деток. Девочек старались в первую очередь замуж отдать, в 13, 14 лет они уже деток своих на руках качали, да мужу были верны. А парням больше свободы давалось - они даже иногда от жен своих могли и на гулянку какую сходить, али в гости. Хотя такое в те времена редко случалось: все работали, рук не покладая, да больше на барина, но клочок земли у каждой семьи имелся. Нарезали его только на лицо мужского полу, девки были не счет. А в деревне и други фамилии появились Сальниковы, Селетковы, тож старообрядцы, род-от Черепановых понемногу перемешиваться начал. А имена какие красивые давали, но словно древние, могучие да как тайга, дремучие: Автомон, Афанасий, Артамон, Амбросий, Аполлинарий, Влас, Гордей, Демьян, Елизар, Ефим, Евстафий, Евлампий, Ермолай, Иосиф, Изосим, Игнат, Исаак, Илларион, Кирилл, Лазарь, Монтий, Нестор, Осип, Панфил, Родион, Садофий, Савелий, Селиверст, Севастьян, Тит, Федос, Феофил, Фокий, Филипп, Филимон, Федос, Федул, Да и женские имена, им под стать - непростые были: Акулина, Агрипина, Агафья, Глафира, Гультенея, Ефросинья, Евлампия, Евдокия, Матрёна, Маланья, Марфа, Олёна, Парасковья, Прасковья, Павлина, Раиса, Степанида, Тиза, Феоксинья, Феклинья, Фаина, Финия, Феклиция, Феодосья, Феодора, Харитонья, Харита, Устинья, Ульяна.

Шло время, но для черепановцев, оно словно на месте стояло. Где-то на Урал реке, она тогда Яиком звалась, донской казак Емельян Пугачев восстание поднял против правительства и дворянства (1773 год). Доносились до них разрывы снарядов русско-турецких, Кавказских, Крымских войн да Отечественной войны 1812 года. Забирали тогда в царскую армию и старообрядцев наших, служили они подолгу: некоторые по 18-20-25 лет. Стариками - калеками домой возвращались с царскими орденами - георгиевскими крестами на груди. Да рассказывали деревенским про ужасы войн, что на землю русскую идут. Варварам своей-то земельки мало, так вот и зарятся на Россию. Да перевороты всяки государственные учиняют. Царям-то нашим все худых да тощих принцесс немецких поставляют в жены. Те веру нашу принимают, русско имя берут, отъедаются до размеров наших женок, да Россией управляют. Наших царей да царевичей в

тюрьмах гноят, а уж иностранцам-то всегда все ворота да окна настежь. Они во дворцах теперича живут, свои законы устанавливают. А крестьяне спины на их гнут, а товар-от зерно, муку да лес с мехами соболей сибирских, ондатр уральских за границу везут. Вот и волнуется простой-то люд, восстания поднимат. В 1825 году восстание декабристов случилось, так по Уралу Сибирский тракт проложили, да ишо больше местности-то окрестные заселять стали. Вот и к деревне Черепаны уже не тропы, а дорогу проторили. Да тут и крепостное право (1861г.) отменили. Но опять жизнь-то не лучше стала. Земельны наделы выделили, а где скот пасти, воду брать, грибы, ягоды собирать - оброк плати, али ишо землю прикупай. Барщина продолжалась, а которы с барином договора заключали на 49 лет, чтоб угодыями-то барскими, лесом да водоемом с лугами пользоваться. В 1895 году последний император наш Николай II объявил о первой Всеобщей переписи населения Российской империи. Черепановское сельское общество относилось тогда к Петропавловской волости, Сарапульского уезда, Вятской губернии и перепись в Черепанах проводилась в 1897 году и ее окрестностях, соседние деревнях. На момент переписи в деревне Черепаны насчитывалось 77 крепких старообрядческих хозяйств и проживало в них 450 человек мужского да женского полов. Вероисповедание у всех - старообрядец, а род занятий "землевладелец", кто хозяин, а кто землевладелец или землевладелица при отце, или муже. У многих проживали на тот момент и временные рабочие. В летний сезон черепановцы нанимали помощников, сами не всегда справлялись, хотя очень экономно да рачительно хозяйствовали. Чужого человека редко за порог пускали, а ежели воды просили напиться, так для такого случая отдельну посудину держали и считали ее поганой. Сами уже ей никогда не пользовались. У всех домочадцев своя ложка и кружка была. А ели из общей посуды хоть щи, хоть кашу размазню, хоть селянку с травой какой.

Прошло три столетия. Наступил 1900 год, а с ним революция да новые войны, которы уже не обходили и деревню Черепаны. Заметно поубавилось мужского-то населения сразу: кто в гражданскую (1917-1922 гг.); кто в Финскую (1939-1940 гг.). **Феофил Филиппович Черепанов** не вернулся с той войны, жену Ульяну Никитичну

вдовой оставил да сына малолетнего, Петра, сиротой. На Дальнем Востоке (май - сентябрь 1939, август - сентябрь 1945): у озера Хасан, на реке Халкин-Гол, в Китае, а затем и в Японии небольшой «конфликт» произошёл, да даже не конфликт, а так... «инцидентик маленькой» случился из-за непонимания сторон... Правда в этом «конфликте» много русского народу полегло, в том числе и черепановцев. Но как говорится: «пане дерутся, с холопов шапки летят»... Не стали уж тогда международной скандал раздувать... А в семидесятые годы - снова инцидент, с Китаем... Тогда один остров, Даманский, потопили, в острастку, и успокоились... В Великую Отечественную (1940-1945гг.) самые большие жертвы были. На фронт ушло почти все мужское население деревни, а вернулись единицы, половину инвалиды. Много осталось черепановцев на чужбине, в земле сырой лежать, освобождая отчий край, да землю русскую от фашистов проклятых. А матери и похоронок на своих деток не получили. 18-22 летние парни не шибко военному-то делу обучены были, так и пали сразу на полях сражений в первые годы войны - 23 человека. В войну бабы одни работали, да дети малые в колхозе "Труженик", своим трудом помогая фронту, Участвовали в государственном займе: приобретали лотерейные билеты денежно-вещевой лотереи; вязали шерстяные вещи; катали валенки, выращивали табак, сушили и квасили овощи (морковь, свёклу, капусту), грибы, ягоды; сдавали масло, молоко, яйца, стряпали и морозили пельмени. 19 февраля 1943 года колхозники Солодовского сельского совета собрали 32 500 рублей на строительство самолётов, в сборе денег участвовали и черепановцы. Ударно трудились в годы войны рядовые колхозники: Дементьев Иван Петрович (1888 г.р.), Жаренова Анастасия Исааковна (1883 г.р.), Жужгов Иван Ефимович (1885 г.р.), Жужгова Елизавета Павловна (1918 г.р.), Семушина Матрёна Ивановна, Черепанова Анна Лазаревна (1918 г.р.), Черепанова Наталья Ивановна (1920 г.р.), Шадрина Татьяна Ивановна (1907 г.р.), Щелкунов Фёдор Иванович (1908 г.р.). От 560 до 350 трудодней наработал каждый из них только за 1941 год, под руководством председателя **Сальникова Панфила Владимировича** (1906 г.р.).

А после войны вновь отстраиваться начали, но в конце 50-х годов укрупнять начали колхозы. В 1969 году в деревне Черепаны

проживало 60 человек, было 21 хозяйство и 24 жилых строений. Колхозы объединили, вначале называли "Смычка", а затем "Солодовский", с центральной усадьбой в селе Солоды. Начали закрывать и другие объекты: школу, магазин и люди постепенно, семья за семьей стали покидать родные места... Плач стоял, словно в лихую годину военную... Первыми Тихон и Демьян Сальниковы уехали, за ними Автомон Черепанов, Савелия сын с семьей. Люди-то во время отъездов, все из домов выходили, плакали навзрыд, хлебом - караваем душистым провожали (нельзя из дому-то было без хлеба выходить староверу), да так сквозь строй людской и уезжали одна подвода за другой в неизвестность... Мальчишки только долго еще за подводами бежали, да слезы, будто от пыли, рукавом рубашонки вытирали. В 1967 году в деревне родился последний младенец у Сальниковой Екатерины Елизаровны. В 1972 году уехали последние коренные жители, а в 1973 году - Романюк, Григорьевы. Деревня опустела... На погосте остались заросшие холмики, кое-где с покосившимися крестами, бывших жителей деревни Черепаны. Только ветер да земля холодная знает сколько и кто лежит тут: Сальниковы, Селетковы, Семушины, Струнины, Жужговы, Жуковы, Карнауховы, Каракуловы, Тюриковы, Шадрины, Щелкуновы, Нелюбины и их прародители Черепановы, основавшие эту деревню...

А какие они были, прародители, предки наши? Наверно таких богатырей художники Виктор Васнецов да Илья Глазунов на своих картинах изображали: крепких, сильных, широких в плечах, с мозолистыми и мускулистыми руками, окладистыми бородами, обветренными лицами и твердых духом. Про таких в народе говорят "породистые мужики, сейчас таких не делают..." Все пережили, сдюжили, на коленях никогда не стояли, за веру, да за Отчизну свою живота не жалели, не сломались, сразу с крепким стержнем рождались и детей таких же, как они воспитывали. Вот какие наши прародители-то были. А деревня только в сердцах наших осталась... Никто никогда уж и не узнает сколько поколений она вырастила, сколько лет и столетий минуло, сколько пота и крови земля черепановская впитала. Может деревне исполнилось бы сегодня 360 лет, но 340 с небольшим лет она точно стояла, пока не канула старообрядческая деревня Черепаны в лету...

А потомки, как и прародители в далёком прошлом, навсегда покинули обжитое место, разлетелись по всему белу свету, землю-то родимую из под ног у них вышибли, корни отрубили, да крылья поломали... Только дух-от никто в черепановцах сломить не смог... Хоть и далеко все от малой родины живут, но родная деревня Черепаны, как и матушка родима - в памяти живет...

**Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве.
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.
И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.
И два горшка на частоколе,
И пядь невспаханной земли, -
Как символ брошенного поля,
Давно лежащего в пыли.
Пусть рядом робко встанут дети,
Что в деревнях ещё растут.
Наследство их на белом свете -
Всё тот же чёрный рабский труд.
Присядут бабы на скамейке,
И всё в них будет, как всегда -
И сапоги и телогрейка,
И взгляд потухший в никуда.
Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час...
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи, помилуй!»
И вера в праведность судьбы...
Поставьте ж памятник деревне!..**

Николай Мельников

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат ...*

А он не вернулся из боя ...

Жужгов Александр Степанович 1917 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в сентябре 1942 года (25 лет)

Жужгов Андрей Степанович 1919 г.р.

Рядовой. Погиб 28 апреля 1945 г. (24 года)

Жужгов Степан Иванович 1916 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в марте 1943 года (27 лет)

Жуков Степан Иванович 1914 г.р.

Рядовой 52-го отд. стр. батальона. Пропал без вести 28 августа 1941 г. (27 лет)

Каракулов Сергей Нестерович 1910 г.р.

Пропал без вести 1941 г. (31 год)

Каракулов Федор Сергеевич 1917 г.р.

Мл. лейтенант. Погиб 10 декабря 1943г. Похоронен в д. Кировка, Знаменского района Кировской области (26 лет)

Каракулов Яков Петрович 1908 г.р.

Пропал без вести в октябре 1941 г. (31 год)

Карнаухов Абрам Федорович 1913 г.р.

Пропал без вести в декабре 1941 г. (28 лет)

Нельзин Николай Алексеевич

Сержант. Погиб. Похоронен в д. Борщеве Калининская обл.

Сальников Андрей Исакович 1902 г.р.

Рядовой. Погиб 25 апреля 1945 г. Похоронен в д. Дизе, Германия (43 года)

Сальников Ефим Финогенович 1914 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в сентябре 1942 года. (28 лет)

Сальников Михаил Сергеевич 1922 г.р.

Рядовой. Погиб под г. Ржев, 1942 год (20 лет)

Семушин Александр Сергеевич 1907 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в ноябре 1942 года. (34 лет)

Семушин Евсей Фарамонович 1910 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в августе 1942 года. (32 года)

Струнин Федор Яковлевич 1915 г.р.

Пропал без вести в октябре 1941 г. (26 лет)

Тюриков Дмитрий Иванович 1918 г.р.

Рядовой. Погиб 26 января 1943 г. Похоронен. Рабочий поселок №1 Ленинградской области (24 года)

Черепанов Григорий Диянович 1912 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в декабре 1941 г. (29 лет)

Черепанов Григорий Иванович 1908 г.р.

Рядовой. Погиб 6 июля 1942 года. Похоронен в д. Коровитчино, Старорусского района, Новгородской обл. (34 года)

Черепанов Григорий Иванович 1912 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в марте 1942 г. (30 лет)

Черепанов Игнатий Иванович 1922 г.р.

Рядовой. Пропал без вести в августе 1942 года. (20 лет)

Черепанов Павел Устинович 1925 г.р.

Рядовой. Погиб 26 июня 1944 г. Похоронен в д. Ковали, Режицкого района, Латвия (19 лет)

Черепанов Тихон Егорович

Лейтенант. Погиб 6 апреля 1943 г. Похоронен в д. Ступино Великолукского района Калининской области

Черепанов Павел Кириллович 1901 г.р. Рядовой. Погиб в 1943 г..

Они сражались за Родину

Жужгов Киприан Иванович

(1909 - 1994 гг.)

Призван Большесосновским РВК в 1942 году. Рядовой, шофёр 53 - й стрелковой дивизии. Воевал на 1 Украинском фронте. На машине полуторке подвозил боеприпасы (мины, снаряды, гранаты, патроны) к передовой линии фронта. Участвовал в Советско - Японской войне. Демобилизован в 1946 году. До войны работал в д.Черепаны шофёром; в Автоколонне (Автотранспортное предприятие), село Большая Соснова. После войны трудился на пилораме и в столярке-бондарке колхоза «Труженик». Проживал в деревне Черепаны, селе Петропавловск. Награждён медалями: «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Жужгов Степан Иванович
(1907 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Ефрейтор. Воевал на 3-м Белорусском фронте. Награждён медалями: «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». Проживал в с. Большая Соснова, работал сторожем.

Каракулов Сергей Нестерович
(1910 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Рядовой. Награждён медалью: «За победу над Германией». До войны работал учётчиком, счетоводом-бухгалтером колхоза «Труженик». Проживал в деревне Черепаны. После войны - в селе Большая Соснова.

Нелюбин Афанасий Степанович
(1922 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Рядовой. 1239-го стрелкового полка 313-й стрелковой дивизии. Воевал на Калининском фронте. 2 ранения. Награждён Орденом Красной Звезды, медалью: «За победу над Германией». До войны работал в колхозе «Труженик». Проживал в деревне Черепаны. После войны работал председателем Большесосновского сельпо, проживал в селе Большая Соснова.

Петрунин Фёдор Васильевич
(1900 - 1972гг..)

Рядовой. Участник 2-х войн: Гражданской и Великой Отечественной. До войны работал в Удмуртской республике. После войны - разнорабочим, конюхом колхоза «Труженик». Проживал в деревне Черепаны. В 1966 году переехал в с. Большая Соснова.

Сальников Анатолий Васильевич
(1917 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в 1943 году. Рядовой. Ранение. Награждён медалью: «За победу над Германией». До войны проживал в д. Черепаны.

Сальников Илларион Андреевич
(1906 - 1977 гг.)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Рядовой. 53 - й стрелковой дивизии. Воевал на Ленинградском, Прибалтийском фронтах. Служил в хозвзводе: ремонтировал военную технику, для сапёрной роты миноискатели, подковывал лошадей. Награждён медалью: «За победу над Германией». Был участником 3-х войн: Финской, Великой Отечественной войны, Советско - Японской. В конце Великой Отечественной войны был переброшен на Дальний Восток. Демобилизован в 1945 году. До войны работал в д.Черепаны кузнецом-молотобойцем колхоза «Труженик». После войны, при переезде в село Большая Соснова (1963 год) трудился разнорабочим в Большесосновской средней школе.

Сальников Семён Родионович
(1908 - 1989 гг.)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Рядовой. Был участником 3-х войн: Финской, Великой Отечественной войны, Советско - Японской. Служил в хозвзводе. Награждён Орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью: «За победу над Германией». Демобилизован в 1946 году. До войны работал механизатором-трактористом колхоза «Труженик» на американском тракторе «Фордзон». После войны, там - же, скотником, сторожем при фермах и телятнике. Проживал в д.Черепаны. Переехал в село Большая Соснова в 1967 году, трудился разнорабочим в Большесосновской средней школе.

Селетков Александр Семёнович
(1914 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. Старшина 546-го стрелкового полка. Воевал на Центральном Фронте. Награждён Орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Контузия. До войны работал разнорабочим колхоза «Труженик». Проживал в д.Черепаны, При крещении ему дали имя Садофий. После войны, переехал в село Большая Соснова, трудился слесарем в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ).

Селетков Фёдор Семёнович
(03.08.1908 - 08.04.1973гг..)

Призван Большесосновским РВК в 1941 году. На войне был связистом: налаживал связь и устранял прорывы. До войны работал разнорабочим колхоза «Труженик». Проживал в д.Черепаны, При крещении ему дали имя Фокий. После войны, переехал в село Большая Соснова, трудился связистом при Б-Сосновском узле связи.

Селетков Гордей Семёнович
(1907 - 1952гг..)

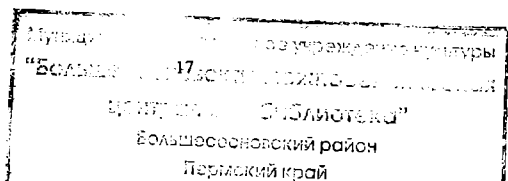
1882704
Призван Большесосновским РВК в 1941 году (июнь). Рядовой. 53-й стрелковой дивизии. Воевал на Ленинградском, Прибалтийском фронтах. Служил в хоззвезде: ремонтировал военную технику. Был участником 3-х войн: Финской (1939г.), Великой Отечественной войны, Советско - Японской. Демобилизован в 1945 году (декабрь). Награждён медалью: «За победу над Германией». До войны и после работал в д.Черепаны учётчиком колхоза «Труженик».

Семушин Фёдор Александрович
(27.02.1925 - 07.11.2014гг..)

Призван Большесосновским РВК 04.01.1943 года. Старший сержант. Воевал на Воронежском. 4-м и 2-м Украинском фронтах. Воевал связистом (устранял прорывы связи). После ранения воевал в трудармии, понтонёром: строил и наводил мосты. Был участником 2-х войн: Великой Отечественной войны, Советско - Японской. Проходил срочную воинскую службу. Демобилизован 11 апреля 1950 года. Награждён медалью: «За отвагу», 12 благодарностями за ВГК. После войны работал продавцом, заготовителем. Ветеран потребкооперации. Проживал в Очёрском районе, селе Токари.

Черепанов Виктор Никифорович
(1923 - 2001гг..)

Воевал в пгтрафном батальоне. 1941-1945 года. Дошёл до Берлина. Пулемётчик. Поэт и Журналист, работал в областной газете г.Пермь.

Черепанов Автомон Савельевич
(25.09.1901 - 22.09.1981гг.)

Призван Большесосновским РВК 04.01.1944 году Ефрейтор. Воевал на 3-м Белорусском фронте, в трудармии, понтонёром: строил и наводил мосты. Был участником 3-х войн: Гражданской (красноармеец), Финской, Великой Отечественной. Демобилизован в 1945 году. Награждён Орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». До войны работал кузнецом-молотобойцем колхоза «Труженик». Проживал в д.Черепаны. После войны, при переезде в село Большая Соснова (1960г.), трудился на «Молокозаводе» бондарем, столяром (делал бочки под сметану, ящики под масло, мороженное, сыр). В последние года - конюхом (обслуживал цеха, развозил молочную продукцию по магазинам).

Черепанов Илья Кириллович
(1923 года рождения)

Призван Большесосновским РВК в сентябре 1944 года Рядовой. Воевал на Центральном Фронте, в лыжном батальоне под Москвой. Получив тяжёлое ранение, демобилизован в конце 1942 года. Награждён Орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями. До войны работал в колхозе «Труженик». Проживал в д.Черепаны. С 1944 по 1948 года учился в педагогическом институту г.Пермь, с 1948 года работал учителем истории в Большесосновской средней школе. Был заведующим районо, зав.отделом пропаганды и агитации РК КПСС. 16 лет - директором Большесосновской средней школы, 9 лет - в комитете народного контроля исполкома. В 1989 вышел на пенсию, и 19 лет возглавлял районный совет ветеранов. Почётный гражданин Большесосновского района.

Черепанов Михаил Автомонович
(18.09.1926-27.06.1990 гг.)

Воевал на Черноморском флоте. Был военным корреспондентом (фотографировал с самолёта вражеские тылы). После войны проживал в Крыму, с 1960 года в Удмуртской республике, в городе Воткинск. Работал на военном заводе.

Наш земляк и поэт Виктор Черепанов

Виктор родился (1923г.) в простой деревенской семье Никифора Петровича и Агафьи Егоровны "в глухую ночь под Рождество". Виктор - победитель, по имени. Времена сложные: революция, гражданская война только оттремела. Повсюду разруха, голод, болезни. У родителей из 12 детей, выжили только трое. Виктор со дня рождения не таким, как все рос: задумчивым, молчаливым, любопытным да мечтательным: "...В какие-то дали мысли улетали..." Грамотой еще до школы овладел и сразу стихи полились:

...Я пульсирую словом своим...

Пером по бумаге плутаю

Стихами бумагу кроплю...

... Слова эликсир выделяют,

И дарят живой кислород...

Никифору с Агафьей не нравилось увлечение сына, не понимали, баловством да дурью считали занятие это. Работой загружали, да и сами на ферме «дневали и ночевали». Чуть подрос - с собой брали, и дома хозяйство всё на нем было, да еще и водился с братиком Федей да сестренкой Анисьей. А в свободную минуту писал:

Лишь стоит нам освободиться

Из пут текучки и забот,

Как сердце к песне застремится

Душа рванется в небосвод...

Даже соседи удивлялись: "Откуда у парня мышление такое, не по годам рассудительным растет". А в разговоре не всегда понимали, где он находится и что, да о чем говорит. Виктор думал, в голове рой мыслей шумел, слова в стихи наружу просились. Красотой обычной любовался и с восторгом писал.

Какие колки - рощи процветали!

Как полыхал над рощами закат!

Какие в рощах враны рокотали!

Какой был сад для крохотных зайчат!

В школе, когда учительница знакомила с временами года - он свои стихи читал. И класс, одноклассники слушали и не верили, что это их одноклассник, Витька сам написал.

Осенний стишок

Встанешь утром - что за диво!
Все курчавится кругом.
Молодой морозец живо
Кроет лужицы ледком.
У туманного востока
Тучи скопищем сошлись:
Поднимайся, лежебока,
Соня - солнышко, проснись.
И оно встает, зевая,
Сонно, нехотя встает,
И капризно тучек стаи
Опахалом алым бьет.
А вокруг на всю природу -
На ромашки, васильки,
Накидала осень сходу
Сероблечные мазки.

Зимняя ночь

Я люблюсь волнующим дивом,
Я не в силах волшебья превозмочь...
Темной шалью с лиловым отливом
Кроет мир звездоструйная ночь.
Дед Мороз вездесущий и строгий,
Ходит, полный задора и сил,
В небе ёжится месяц двурогий,
Тлеют скопища хладных светил.
Свет их чистый, как капли слезинок,
К нам летят миллиарды веков,
Зажигая все грани снежинок,
Строя пляски живых огоньков.
Все горит, все наряжено в иней
И вокруг - фосфорический блеск...
Это- царство Зимы, это зимний
Маскарадный стихийный бурблеск.

Романс весне

Меж пышных лип роились тени
Червонной бронзой тлел восток,
Застряв немножечко в сирени,
Ворчал пугливо ветерок.
И месяц май гудел цветеньем,
Тонул в реке небесный свод,
Луна соломенным свеченьем
Чертила путь по гляncy вод.
И в знойной дымке роща млела,
И стайки тучек мчались прочь,
И птица где-то жарко пела,
И зрела в синих далях ночь.

Виктор очень много читал, буквально "глотал" книги, которые ему в школе давали. Сам размышлял и о жизни, о своем предназначении. Школы черепановскую (4класса), солодовскую (7 классов) экстерном закончил. Учителя его любознательности дивились и порой на все вопросы ответить не могли. Но жизнь оказалась не такой романтической, как ему казалась. Мать болела и в 14 лет Виктор осиротел, брату шел 9 годок, а сестренке всего 3 исполнилось. Отец, Никифор, другую жену привел, Павлу. Надеялся, что она сироткам матушку родную заменит. У нее детей своих не было. На людях Павла приветлива, заботлива с ними была, а уж дома словно личину другую одевала: в злую, недобрую мачеху превращалась. Виктора да и Фёдора с Анисьей невзлюбила. Как только 7-й класс окончил, она его в Воткинск в ремесленное училище отправила, с глаз долой: так вот и пошел он в люди с пустой сумой.

Когда ветер в карманах свистит
Когда ботинки просят каши...
В дыры фуфайки лезет снег,-
Как неуютны думы наши
Как замедлителен их бег...

Так вспоминал годы учебы в ремесленном, о голодном желудке.
...Хлебом опильным питался, ей богу.
Потом... А потом... О никто не поймет,
Какие мученья терпел мой живот!..

Детство кончилось, но терзали душу стихи, воспоминания...

...В избе - холодина, в печи - ни полена,
Угнали отца заготовливать лес,
А мама больная - у тетки Елены,
У тетки, в вотяцком селе Балянес.
Один я в дому, без тепла и вниманья
И страх мое тело когтями когтит.
От мрака и холода рать тараканья
Запрыталась в щели и в щелях молчит...
... Мне мило все, что уже отошло,
Отпелось, откашлялось, травой поросло.
Я полон нежнейшей тоски о былом,
О матери, бабке, о детстве моем...

Когда наступали каникулы, он не шел, а словно на крыльях в свою
родную деревню Черепаны летел.

...Я в прошлое еду с утра,
Я мчусь в свое детство - ура!
Все также как в старые дни,
Березы и ели, и пни.
Вхожу я в покинутый дом,
Волнение и трепет уняв.
Кот Мур с вертикальным хвостом
Как встарь, не встречает меня.
В столе не лежат калачи
И бабушки нет на печи.
И мамы с отцом не видать:
Уехали в гости, видать...

Но дома никто его не ждал. Мачеха с порогу, как ножом по сердцу,
от ворот поворот давала. В соседях заночует, кто приютит, братика с
сестренкой по головке погладит и уходит, в никуда...

... Ненастье, голод, темень, стынь и грязь,
Сырой бетон, душевная поруха...
Родился я у бога не спросясь,
Вот оттого такая невезуха...
... Я мать и отца не ругаю в вине,
Хоть гены их горестной жизни во мне...

Романтизм, восторженность детских и юношеских лет разбились о реалии жизни. Он работает, видит и оборотную сторону жизни.

... Я в СМУ и СУ тружусь прорабом,
Но только без приставки ПРО...

С несправедливостью, безнадежностью, нищетой, горем, обманом властей столкнулся Виктор и в городе, и в своей деревне. Видел как разоряли его деревню, обкладывая продналогами, штрафовали за любую провинность, раскулачивали хозяев что были трудолюбивее остальных; в ссылку ссылали, в Сибирь, Алтай за подобранную гнилую картошку и колосок с убранного колхозного поля.

...За рекой свинцевела заря.
Источалась тоской молчаливо.
Предпоследние дни октября.
Поле хрустко и льдинисто стыло.
Евдокия на шее с мешком
На жнивье колоски собирала.
Затупелым корявым ножом
Их из мерзлой земли вырезала.

За рекою закат догорал,
Еле тлел за полями - лесами...
Председатель ее убивал,
Убивал, как садист сапогами...

И взревел... Я на страже стою
Всенародного нашего хлеба!..

В своих стихах он обличает, горит гневом, пишет в серых тонах.

...Когда в обманах путают народ
Пока господствуют проклятые идеи,
Пока у власти злыдни - прохиндеи -
Не будет нам ни кайфа, ни свобод...

Жизнь сурова к нему и уже не так радостна, как когда - то казалось...

Жизнь - не песня в поле у ручья,
Жизнь казённа, кодексна, сурова
Жизнь горька, как конская шлея.
...Подо мною плещется бездна,
Бездна плещется черной волной.
Мир бетонный, холодный, железный
Наступил на планете родной...

Печатался в районных газетах, где жить приходилось, но не всегда мог на кусок хлеба заработать. Беды, да невзгоды, испытания словно по пятам за Виктором шли. Нельзя было в то время против власти идти, да такие стихи крамольные писать, про политику, власть.

...Многа лета вождам не глаголил
Славу партии басом не пел...
...Умогибкость Ленин уважал
Спиногнугнутелей - бетонный Сталин...
...Зачем смаковать злодеяньям папизма -
Костры инквизиций, ярость ножей?
Один только Сталин, дыша сатанизмом,
Сгубил миллионы невинных людей.
Один лишь Лаврентий - Горгона - Медуза -
С зарядом коварства в сто торквемад
Устроил из всех регионов Союза
Сплошной, не описанный Дантами ад...

За стихи и непримиримую жизненную позицию сослали Виктора, как политически неблагонадежного человека сроком на 10 лет по 58 статье УК РСФСР «за контрреволюционную деятельность, против государственного строя». В тюрьмах разных: Колыма, Магадан, Тюмень, Коми прошел он через горнило и ужасы каторжного труда. Да и закалку, как поэт получил, общаясь с такими-же неблагонадежными "политическими". В одном бараке с Осипом Мандельштамом «баланду» хлебал. Но и там продолжил писать, не мог молчать.

... В годы железного шатанья
Летели брызги, кровь текла
Всей массой сталинского зданья
Искривлена страна была...
...Катушку ниток девушка украла,
На вахте обнаружил контролер.
За двести метров пошматериала
Отвесил ей червонец прокурор...

1941год. Война. Добровольцем пошёл в штрафбат, служил пулемётчиком, прошел всю войну. Воевал за землю, за отечество и за... Сталина. Но не любил говорить и писать про это время. Дошел до Берлина, а потом - снова ГУЛАГ...

Эхо

Приказ из глубинного штаба
Меня под снаряды погнал,
Войны смертоносное лихо
Вплотную в лицо увидал.
Дымилась от крови Вуокса.
Кипела волна от огня.
Все силы шального металла
Обрушились враз на меня.
Прибился я к скалам Суоми
Живым на ничтожную треть...
Ведь надо же было кому-то
В том диком огне уцелеть...
Я дошел с пулеметом до Праги
А вернувшись в родные края,
Испрошел все курорты ГУЛАГА
В романтистах ходил у воря...

Не один раз Виктор сбежал из лагерей, но его ловили, и по этапу отправляли в другое место: тюрем тогда много для политических понастроено было: всем места хватало. Задумывался он и о значении поэзии, поэтах.

Какая, однако, досада:
Поэт - не поэт, если он
Не чувствовал в ребрах приклада,
Не лез на запретный рожон...

...В моих стихах букашковости нет
И побрякушек - аксельбантов нет...

...Слова - проявления могучей природы,
Слова, как магический яркий кристалл.
Как тихие воды, как бурные воды,
Как острые пули, что бьют наповал.

... Все говорят башка моя с мозгами,
Но говорят, досталась — дураку...

...Поэты чуть-чуть априорны,
Чуть-чуть легковёрны во всем.
Нередко их помыслы вздорны,
Их "бури" навеяны сном.
Стихи свои, яко монеты,
Бросают в горнило страстей...
Ну, что же, ведь они есть поэты -
Барометры эры своей...

Освободившись, Виктор, не имея угла, побродил, поездил по союзу: Челябинск, Добрянка, Воткинск, Москва, Ленинград, Пермь. Одно за другим и стихи появлялись о перемене мест: ...Брожу придуманным бродягой; ...Я рыцарь сплошных неудач; ...Я любил без устали шагать.

...Я враг любого постоянства...
Мне ветры новые нужны,
Другие улицы, пространства,
Другие стены, лица, сны.
И пусть при смене декораций
Израню дух и тело вновь...
Но как сказал поэт Гораций,
Пусть новь страшна, но это новь.
..Когда угла ты не имеешь...
Неся лопатовый свой крест,
Увы, невольно заболеешь
Охотой к перемене мест.

«... Моя отчизна - Западный Урал - других отчизн я просто не приемлю...» Кем он только не работал во время своих странствий: охранником, сторожем, строителем, разнорабочим.

Ныне нет ни семьи и не хаты,
Лишь закут у бабуся слепой.
Да для выгрузки угля лопата
И спина для чувалов с мукой...

И тут судьба впервые улыбнулась Виктору: приняли журналистом и поэтом в областную газету г. Пермь. Он выпустил сборник своих стихов в типографии "РЕАЛ" (1998г.). Стихи автобиографичны: все жизненные перепутья автора в его стихах. Есть стихи и о любви...

... Мне слишком солнечно любилось,
Играли зори впереди.
И сердце пело, сердце билось
В сто тысяч вертелов в груди...
...Один лишь час ты провела со мною,
Один лишь час была у тополей,
Но этот час легендой золотою
Живет в архивах памяти моей...

Поэт всегда очень любил деревню, сочувствовал ей.

... Обломки старых поколений
Еще не вымерли, - живут,
И дух России от крушений
В своих подворьях берегут.
Мне домостроя бы не надо,
Но об одном прошу страну:
В названьях улиц, весей, градов
Вернуть живую старину...

...Верни нам всё, что было:
Бабе прялку, а мне - граммофон,
Захиревшей деревне кобылу,
Селам - троек серебряный звон...

...Когда устаю от себя и людей,
Иду я в леса и разливы полей.
Я кланяюсь соснам, целую лопух -
И доктор Природы врачует мой дух...

С болью и горечью говорил о проблемах экологии...

...Я гигантским городом иду,
Пью из труб непорченную воду.
Я живу в асфальтовом аду,
Наплывает город на природу.
Исчезают в битумах луга,
И над жизнью нависает брэнность.
Чтоб спасти от гибели себя,
Человек, уйми антропогенность.

...Ползут на леса лесогубы,
Идут криминальной ордой.
Заводов гигантские трубы
Плюют ядовитой слюной.
О люди, ведущие громко
С природой и жизнью войну,
Оставьте грядущим потомкам
Хотя бы осинку одну...

Память о матери Виктор всегда в сердце хранил.

Фантазии о матери

... Я приехал на недельку
Повидать родимый дом.
Угощала мать корейкой
И рябиновым вином
Угощала ворковала,
Свой передник теребя...

... Керосинка свет бросала,
Сумрак вечера гоня.
Мать довольная стояла
И смотрела на меня...

... Кого-то во сне проклиная,
Забитая тяжким трудом.
Спала моя мама родная
С извечно подбитым отцом.

Встреча с детством

Я встретил детство в песнях мая,
Из тучи солнце золотит,
Я только тополь обнимаю,
Где мать моя, уставши, спит.
За старым кладбищем - поляны
И взгорье: здесь мой дом стоял.
Была деревня Черепаны,
Была, да ветер разметал.

Бродил я долго по бурьяну,
На детство мертвое смотрел.
Я выпил водки с полстакана,
Потом в слезах на камень сел...

Матери

Пусть давно ты природной квартире
И ее уж свели зелена.
Но одна ты, одна в этом мире,
Дорога и жива для меня.

И когда я к тебе на свиданье
Прихожу, затуманив глаза, -
Только ветер да птиц щебетанье,
Только я да еще небеса...

Вспоминал Виктор Никифорович и прародителей своих.
... Мой предок без Бога не шел до порога.
Дивуюсь величию боговых дел.
И небо назвал он обителью бога,
И в небо всегда с уваженьем глядел...

Подводил итог жизни, говорил и о себе самом.
Я вундеркиндом не был никогда,
И мудрость разных буквосочетаний
Далась мне не без жаркого труда
В годы нелад, ошибок и исканий...
... А я искал, искал но былям ада
Свое, весьма простое Эльдорадо...
...Пусть еле заметный, как штрих по песку,
Мечтал я оставить свой след на веку...

...Хочу умчать себя со звоном
В кипенье звездных облаков,
Хочу залить мечту фотоном
И перепрыгнуть сто веков.
Хочу найти себя у входа
В мой первый день и колею,
Перегодить былые годы,
Перевеснить весну мою...

Сложную, трудную жизнь прожил наш земляк, Черепанов Виктор Никифорович, но никогда не унывал, не обозлился, не зачерствел душой.

Не унывайте!

Годы, богом данные,
Разве их ругать?
Были б "деревянные",
Можно распевать.
Коль копейка дерзкая
Улетит в кабак -
Рядом на ша Пермская
Фабрика Гознак.

Живи, пока живется

...Живи, пока живется,
Дыши, коль воздух есть
И пей вино, коль пьется
И ешь, коль есть, что есть...
 ...Радости делят наши годы,
 Хмурость - уродует их.
 В самую хмарь непогоды
 Смейся, мой друг, за троих!..

Виктор свято верил в будущее, в светлое и счастливое завтра...

...Светла, как вечная весна,
Моя фантазия - страна.
В ней сотни солнц, селен, провалов,
Богинь, кумиров, идеалов...

...Так баско в селе заживем,
Что в каждой доярке найдем Нефертити,
А в скотнике - Феба найдем!...

...Промчатся столетья, другие настанут
Удары судьбы запрещенными станут.
Тогда-то, поверьте в фэнтэзью мою,
Улыбисто будет в кажинном краю...

Виктора Никифоровича Черепанова не стало в 2001 году.

Молитва

О небесный отец Всеблагой,
Я твой раб и сочувственник твой
Я не верил в тебя, но теперь
Я стучусь в твою светлую дверь.
И когда я умру, Всеблагой,
Светлым раем меня удостой.

Но поэзия, стихи его живут и сегодня...

...Поэт рождается поэтом
Тогда, когда его схоронят...

**Истории названия деревень: Черепаны,
Починок-Малые Черепашки, Башка-Малиновка,
Лежебоки, Вязовка, Селетки, Луговая, Кряжевая, Солоды,
Запасы, Кособаны, Ларята.**

Каждый год в деревню, к деду Феногену да бабке Федосье, внушки приезжали. И всё-то их интересовало, повсюду лезли. Глаз да глазоньки за ними надо было. То под избой, кур с насиженных гнезд с кудахтаньем сгонят, то с чердака голос подадут, бабку да деда зовут. Только и успевай их от какой-либо проказы отвести: то по ягоды с ними в садок бабка Федосья идет, то за рыжиками дед Феноген на угоры собирается, а то, в деревню с ребятами местными побегать отпускают. Но больше всего они были да небылицы деда Феногена слушать любили. Он большой мастак был сказки сказывать. Вот набегаются внушки-то, придут уставшие, раскрасневшиеся и к деду: "Деда, ну деда, расскажи, да расскажи..." Феноген усаживался поудобней на завалинку, подле дома, хитро прищурился и зачинал. Вот и на этот раз с распросами: "Деда, а почему ваша деревня так называется: "Черепаны?" Да тут совсем просто, - отвечает дед,- Первые жители таку фамилию носили, Черепановы, вот и деревню так называли «Черепаны». А внушки не унимаются: "Не деда так не интересно. Ты нам другу историю расскажи. Да не совсем чтоб по правде, а как будто сказка и быть. И про други деревни тоже". Дед Феноген задумался, погладил внуков

по вихрастым головкам, усадил их рядом да баять начал, рассказывать значит.

Деревня Черепаны

Давным давно в этих местах чудище огромное появилось. Морда звериная, на ногах копыта, на голове рога, а росту он был агромадного. Леса-то ему по пояс были. Все чудище это боялись: птицы из гнезд птенцов под крыльями прятали да улетали подальше. Зверье лесное: медведи, волки, лисы да зайцы хоронились в берлогах да норах своих; когда он на водопой, к речке Мельничной шел. Но он на зверье лесное, да птиц крылатых вниманья не обращал: по натуре добрым был, хотя и страшным с виду-то. Ягодами питался, да травой душистой. Сядет на угор, где клубника растёт, да обеими лапами загребат её вместе с листьями, в пригоршню да и в рот. В лесу ветку малины нагнёт, да снизу до верху и объест всю, вместе с корой. А когда траву мяту, аль душицу - блошнику ел, аж глаза, от удовольствия, зажмуривал. Но однажды в эти места птицы гигантские прилетели, клубникой полакомиться. Да тако сражение тут случилось. Птиц-то много было, целая стая кровожадная, да и заклевали они чудище-то. Всю клубнику тогда они поели, да больше потоптали, много трав и ягод с кореньями повыдергивали. Чудище на солнцепёк бросили, где оно и высохло. Кости-то потом волки да лисы обглодали, а череп с горы Подкаменной вниз скатился. Через како-то время люди селиться здесь стали, избы рубить, земли пахать. А женщины: две Анны, траву вдоль дороги да под горой обкашивали: череп-от и обнаружили. Еле подняли, несут: показать всем хотят. Мужики увидали, страшилище да в голос: «Череп?...Анны?!...» Вот и назвали деревню "Черепаны", сложив два этих слова.

Починок, Починок Чертёжинский, Малые Черепашки. В деревню Черепаны, на местожительство, много приходящего и проходящего люду просилось. Аж неведомо было иногда черепановцам их домогания выслушивать, не хотели они свою фамиль с другими путать. Отнекивались по всякому: "Мы-ж, - говорят, - вам не Москва резиновая, у нас уже все улицы и Заулы с проулками заняты". А тут на горе вновь народ толпится, с белым флагом переговорщиков шлёт и этим отказ. Так они что удумали: когда стемнело, на головы - то чулки капроновы натянули с

прорезьями для глаз; на колени да спину зеленые листья лопухов нацепили, да на четвереньках, по - пластунски, в Черепаны и поползли, как черепахи. Так аж до центра, до Крестов всё добрались, тут молодежь их и арестовала. Повязки-то с глаз у них сняли, стыдить начали: "Ну и лазутчики же вы! Точно, как черепашки, Ниндзя. Вас в дверь не пустили, так вы в окно лезете!.." А те стоят: маленькие, жалкие, безобидные такие, но - хорошие... Пожалели их черепановцы, да в версте от своей деревни селиться разрешили: «А починок свой можете «Малыми Черепашками» назвать». Вот и появилась ещё одна деревня с тремя названиями: «Починок», «Починок Чертёжинский» или «Малые Черепашки». Кому как нравится - так и называют...

Башка - Малиновка. В этой деревне бабы мужиков сразу грамотными рожали, башковитыми значит. Он родиться не успеет ребенок-то, а уже сразу ходить зачинат. По хозяйству отцу аль матери помогают, в поле ходит, узелок с едой на сенокос да жатву носит. К двум годам уж азбуку осиливат. Соседни-то деревни к ним с письмами, аль ишо какими бумагами казёнными идут: неграмотны были все в округе. А башковитые мужики читали, да даже и переводили, если по - иностранному писано было. Бабы-то в деревне, как и все в округе, неграмотными были и поэтому малину любили, да в садок однажды ягоду эту, кустовую, посадили. А она возьми да и разростись везде, вместо бурьяну. Так мужики-то башковиты кажинно утро топорами тропку от избы к избе прорубали, и дорогу к другим деревням прокладывали. Бабы варенье малиново шибко любели, ароматно варили, да всегда с пенкой у рта ходили... Мужики деревню стали Малиновкой звать, а бабы Башкой. Прохожие поначалу долго путались: мужиков встретят - одно название, баб - другое. Так потом уже одну вывеску сделали, через тире написали: "Башка - Малиновка". Ежели к мужикам идешь - так в «Башку», а к бабам - значит в «Малиновку».

Лежебоки. Парни да девки здесь сразу крупными рождались, здоровыми, да породистыми. Девки: краснощеки, конопаты, полногруды, аж скрипели все от спелости-то. Да и парни как на подбор, к осьмнадцати годам пудов по 10 весили. Силушкой природа никого тутюка не обделила. Работали, словно ломовые. Мешки по 3-4 пуда на себе таскали; подковы, словно перышки гусиные гнули и

ели конечно за семерых. А в те времена все на лавках спали, иногда на полу, если сон не хорошей приснится и вдруг свалишься. Лавки все по стандарту делались: на них особо не развалишься. Вот и спали всегда на одном боку: одна семья на правом, а друга на левом. С вечера договаривались. Иногда бока то болели - так местами менялись, да и на работу просыпали. Тогда соседи уж в окна стучали да кричали: "Вставайте лежебоки!.." Так деревню «Лежебоками» и назвали. Да и сама деревня, когда все спать ложились: люди и скотина, тоже засыпала, лежа на боку...

Вязовка. В одно время модным занятием было вязание. Вязали почти все, но в этой деревне поголовно и что угодно: зимой вещи, летом травы да кусты. Мужчины вязали рукавицы, варежки, иногда сети, если разрешала рыбоохрана. Дети - кукол из льняных ниток и макраме всяко; бабы: носки, тапочки, половики, да коврики круглые как солнышко. Зимние-то вечера длинные, сидут все в кружок, песни поют да вяжут кто спицами, кто иголками, а то и руками - накидом. А летом травы жали да на чай, напитки разные готовили. Душицу, мяту, смородину, ботву морковну да свекольну, кипрей, чабрец, тимьян, новомодну монарду: вязали охапками. Крапиву да иву - для скотины домашней и колхозной. А в начале лета даже деревья связывали: для бань веники из березы, дуба, пихты, ели. А березке в косы ленты атласные вплетали, ввязывали, да вокруг, попарно связанными за пояса, парни с девками хороводы хороводили, да песни пели: "Ой свяжу, я, ой свяжу я на голову веноч..." Да так завязались все, что дома-то снаружи и изнутри вязанками трав обвешивали, только в окне маленькой глазок оставляли, чтоб видать было: кто по улице идет свой ли человек, аль сосед... Летом деревню и не видать было. Избы все в вязанках и непонятно было издаля: что это, сена стог али копна кака, али строение жилое, соломой крытое. Вот деревню «Вязовкой» и прозвали. А вязов там отродясь не было, не росли.

Селетки. Деревня Селетки, вначале то иначе называлась "Селёдками", да и фамилии были не Селетковы, а Селёдкины. В прудах у их селёдка водилась, да не одна, а во множественном числе. Бабы её дуршлагом с плотиков черпали, брали котора пожирней на уху, пирог если блюдо друго каково, а остальну обратно - в пруд, на дорачивание. А мужики да парни, бреднем да мордами с

плотов селедок выловят, на ивовый прутик нанизят, да в други деревни продавать идут. По улицам, Заулам да проулкам ходят да кричат: "Селёдки! Селёдки! Кому надоть налетай! Нашу селедку - рыбу покупай! А пока ходют - селёдка бьется об их, да чешую-то с себя всю и счищат, убирает значит.. Селёдка к покупателю уж очищена доходит, на радость бабам, а продавцы все в чешуе, словно сами селёдками стали. В деревнях-то посмеивались над ними, говаривали: " Вон селёдки идут и селёдок несут". А когда селёдок-то всех выловили - оказалось разводить их трудновато. Им уже други условия потребовались. "Не хотим, - они говорят, напоследок, - жить по старинке, нам теперича окиян большой нужен! Надоело в ваших лужах плескаться!.." Так и расстаться пришлось, обнявшись на прощание. А деревне сразу и название поменяли. Скотину разводить стали, котора большого окяна не требовала. Мясом да мясопродуктами сейчас торгуют, свои магазины, столовые пооткрывали повсюду. Но пироги иногда пекут, только не с селедкой, а так, с рыбой привозной морской. Деревня вновь стала называться "Селетки".

Луговая. Заночевали как-то в этих местах переселенцы, а скотину выпустили попастись в ночное. Утром едва проснулись: "Красота-то какая!.. Лепота!.. Луга да луга!.. Ва!.. Травы зеленые по пояс, да разнотравье всяко цветочное." Тут и речка чистая журчит, а в ней небо синее с облачками кучерявыми отражается. По берегам рогоз да камыш шелестит, с ветерком о чем то беседует. А скотина-то: коровы, лошади да овцы с козами в камышах от людей схоронились: дальше идти не хотят. Приглянулись видать им местности здешние. Вот и остались жить тут пришедшие, вначале в шалашах, а потом избы построили, да крыши-то соломой, травой рогозом да камышом покрыли, вместе с куликами да цаплями водяными и лилиями-кувшинками. Птицы у их заместо аистов стали. Сидят курлыкают, да ишо младенцев приносят, доставляют прямо ко крыльцу, из соседних деревень, там перебор всегда был... А местным рожать некогда было - всё на красоту луговую любовались. Да и деревню-то Луговой назвали, в честь лугов-то зеленых.

Кряжевая. Изначально, в местности этой чужь жила, предки зырян, коми да вотяков-удмуртов. Народности такие были. Неповоротливостью, коренастостью, толщиной, да прижимостью и

скупостью чудь отличалась. Сами росточком махоньки, но крепкие, жилистые, словно чурки каки. Да русскую - то речь не шибко разумели, а может и приставлялись. Вокруг деревни, заместо забора, пучеглазых чучел одноногих понаделали да наставили и чурок набросали. Чурались, сторонились других людей, даже общаться и разговоры говорить не хотели. А уж когда русских-то увидели - так эмигрировали сразу к себе, на север, к морю поближе, окияну Северно-Ледовитому. А пришедшие, в память о чуди, название решили деревне дать. Полистали Словарь русского языка С.И.Ожегова и нашли значение слов: «Чудь, чурка, кряж - чурка деревянна, короткий обрубок дерева, крепкий коренастый человек». Понравилось последнее - сами-то тоже невелики были. Ну кряж - кряжевой. Вот и назвали деревню «Кряжевая», значит крепкая да коренастая.

Солоды. В каком-то годе, а может и веке, лето жаркое, как на югах, случилось. Ручейки, да речки, ключики да прудики пересыхать повсеместно начали, истощаться. Все живое от жары в тени пряталось, маялось от жажды и зноя. Даже скотина вся деревенская: коровы, телки, бычки да свиньи с овечками, словно утки каки из водоемов не вылазили - плавали с капустными листьями на голове, да подорожника листом на мордах. Все пить хотели, воду пили, да напиться не могли, шатались даже. А в этой деревне - словно и никакой жары нет. Все весёлые, бодрые, да и работают, как ни в чем не бывало... Делегация в волость отправилась. А в то время три человека волостью Петропавловской руководили: старшина, писарь и земской начальник от полиции. Так и они от жары-то не знали как спастись. И порешили: от каждой деревни по одному человеку выделить, да вместе с волостным начальством отправиться ходоками в эту деревню с вопросом, как по Чернышевскому: "Что делать?" Деревенька приветливо ходоков встретила, чудодейственным напитком угостила да и рецептом поделилась. Оказывается: они солод делали из незрелых зерновых культур ячменя да овса! А на основе солода - напиток жаждоутоляющий - квас. Солодовцы всем по мешочку солода отсыпали, от запасов своих, на первое время. В благодарность ходоки деревню «Солоды» назвали. На другой день уже в каждой деревне в округе на столе глиняный кувшин али корчага стояла с

квасом и на жажду больше никто ни жаловался. Да и на работу все вышли, а скотина на луга пастись отправилась - пруд ребятишкам предоставив.

Запасы. В деревушке этой уж больно карманы любили. Вся одежда, сверху донизу, спереди, сзади и даже с изнанки карманами обшита. Рубаху баба сошьет, да из лоскутков разных сразу карман, да на нём ишо один прицепит. Да и красиво: рубаха хоть мужска, хоть женска - словно одеяло како лоскутно, с карманами-то. Вышагивают таки парни да девки с большущими карманами по деревне, словно Арлекины каки. А в карманы, про запас, всякую мелочь складывают. Девки: семечки, бусинки; парни: винтики, шпунтики, гвоздики; бабы утварь всякую кухонну да хозяйственну: ковши, сковороды, чашки, ложки, поварешки да обязательно и скалку; мужики - топоры, пилы, грабли, крючки, ножи да ножички. Карманы-то от тяжестей рвались часто - так бабы, на энто место, другу тряпицу пришивали да приговаривали: "Своя ноша кармана не тянет!" А мужики добавляли: "Запас карман не рвет, шею не трет, да есть пить не просит". Да и молодежь парни с девушками вторили: "И мышшь в свою норку тащит корку. И хомячишка на зиму припасат". Они тогда В. Даля цитировали, поговорки любили. Деревню в «Запасы» и окрестили.

Кособаны. В двух с половиной верстах от Черепан, а може и боле маленькая деревушка стояла. Люди там рождались, росли, жили, даже умирали иногда, а названья деревне придумать не могли. К кому только не обращались, даже к начальству волостному: везде отказ. "Дерёвня, - говорят, - вы, дерёвня". Так и жили безымянно. В центре деревни пруд большой был, а вокруг него бани, да баньки стояли. Бабам, опять - же, воду носить недалеко, мужикам после парилки охладиться есть где, да и тушить, если что. Банны дни поначалу по дням недели делали: день мужской, день женской, а потом и попережку. А тут к местным охотникам гости нагрянули - уездное начальство. После удачной охоты решили господа-то в баньке попариться, их проводили, да жару на каменку, из галек да валунов придорожных сложенную, поддали. Только охи слышатся, да ахи и шлепанье веничков березовых. Да вдруг визг бабий и переполох. Оказывается гости-то половины перепутали: в мужско отделение вошли, а после купания - в женско нырнули, да в чем мать

родила, нудистами значит. Потом конечно разобрались, так деревенских-же и обвинили, попало им под первое число. "Зачем, - гости говорят, - вы косо бани-то поставили, вот ошибочка и вышла". С тех пор у деревни и название появилось: косо-бани "Кособаны".

Ларята. В деревне этой одни Ларионы жили по мужской линии, а бабы Ларионихи. С малых лет все Ларионы плотничали. Еще пешком под столярным станком младенец ходит, а уж какой-нибудь ларчик для сестрёнки мастерит. А подрос, так с братьевыми да тятками, дядьками у верстака стоит в бондарке. Бондарка - изба така, где плотничали, столярничали, да молодежь обучали строительному мастерству. А в то лето, в соседних деревнях, урожай зерновой большой случился. Зерно девать некуда стало: все амбары, дворы да и избы зерном завалены стояли: одни трубы наружу торчат. Вот и обратились соседи к Ларионам: "Нам де, посудина больша нужна, чтоб зерно да ишо каку культуру хранить. А в амбарах наших мышей развелось - так даже кошки не справляются, излавливать их серых уже не хотят. Обьелись, да и обленились сразу, встать не могут - пузо перетягиват. Вот и валяются повсюду под ногами вместе с мышами, словно поросята усаты." Ларионы заказ-от приняли, да и давай лари делать, по своему имени посудину-то назвали. Все деревни вскорости ларями завалили: большие мастера дак. В каждый дом - ларь, да не один поставили. Зерно-то сразу и спряталось, на радость людям, да кошкам, а мыши с голоду, сдохли сразу. Тут уж деревню изобретательну назвали "Ларята", а до этого её по - простому "Ларионовкой" обзывали. А в посудине той - ларях, до сих пор зерно хранят, да Ларионов благодарят.

Не один день дед Феноген сказывали про истории деревень рассказывал. После второй, третьей истории внучата засыпали. Да во сне видели, словно наяву деревеньки эти старообрядческие: Черепаны, Починок - Починок Чертёжинский - Малые Черепашки, Башку-Малиновку, Лежебоки, Вязовку, Селетки, Луговую, Кряжевую, Солоды, Запасы, Кособаны да Ларята. Из двенадцати деревень только две остались в живых: Солоды да Селетки. Остальные канули в лету, исчезли и с карты. Поодаль ишо деревни были с названиями интересными: Развилы, Семенкас, Можевая, Жарёны, Медведки, Голодаи, Симаны, Соколы, Кукушкино, Зяблы, Косотуры, Паклино, Плоска, но о них вдругорядь, не сёдня.

На душе полегчало

Очень уж любили черепановцы всему, что их окружало и живому и неодушевлённому названия, имена да клички давать. «Так, - говаривали, - жить интересней. Мы же не индейцы какие, Гайаваты, чтобы рисунками пещерными да знаками объясняться и письма узелковые «Кипу» писать.» Впрочем опять сход собрали, одних мужиков конечно, баб ведь не переслушаешь, да и не переупрямишь, и для лёгкого и быстрого общения названия придумывать зачали. Перво - наперво с имён: да такие выдумали, конечно старообрядческие, но уж больно заумно получилось да и длинно: перемудрили малость. Садофия переименовали в Сергея, Евлампия в Леонида, Феногена в Григория, Панфила в Алексея, а Киприяна стали по - простому Колей звать.

Только имя Павла Игнатьевича переименовывать не стали, потому как он детей маленьких, деревенских угощать ягодами любил. А ежели имя-то ему поменять, так робята тогда его не найдут, заблудятся в трёх соснах... В огороде да садке у его цельный сад: и «ах, черёмуха белая», и «ягода малина», и «калина красная», и «вишня белоснежная цвела» и даже яблони с «яблоками на снегу». А вот арбузов у него не было. Они в другом месте росли, не у него... Правда, для взрослых, имя ему второе дали: «Тарзан». Он чем-то на него даже походил. Только не по лианам, да пальмам лазил, а иногда по девкам, ну по тем, которы зазеваются, конечно. Из-за них, да хмельного вина, бражки аль самогонки, дурь в голову ему ударяла. (Да и не только ему одному, похожие ситуации в нашей деревне, к слову сказать, случались, но крайне редко: когда кто - нибудь из мужиков с кулачищами, с кувалду величиной, по деревне бегал, да не известно кому грозил...) В таки моменты Павел Игнатьевич, он же «Тарзан», даже иногда, на жену свою руку поднимал, а то и две сразу, если на дороге стояла, проход в улицу заслоняла. Другой бы, конечно сказал по-мирному, дескать: «Подвинься, Наденька, золотко, солнышко ненаглядное моё...», но такое поведение жены его обижало, раздражало даже, что не уходила вовремя... А так-то он смирной мужик был и душой нараспашку. Детей своих у него не было и поэтому пчёл держал, даже разговаривал с имя, с рабочими пчёлами. А ребятишки ему помогали медогонку крутить и мёд ись.

По шесть - восемь махоньких человечков с соседних проулков прибегут к нему, даже цыганки две, Вера с Катей: «Дядя Тарзан, пойдёте ягодной или медовой урожай сымать!» Ребяток Павел Игнатьевич никогда уж не ругал, и пчёлкам наказывал не трогать: «Маленьких обижать нельзя, а взрослых, хотите дак кусайте, жальте: им это только для пользы, терапия эта. Хорошо от всяких нервных болезней помогают, да языков сварливых, насмешливых и злых...»

А женские имена тоже переиначили: Гультенея в Галю превратилась, Агрипина в Людмилку, Лукерья в Ксюху, Офимья в Нюрку, Степанида в Фёклу, а Фёкла в Аришку. Девочек решили молодками звать, чисто всех, а когда замуж, по своду, выйдут, звать как баб. А баб проще простого: по имени мужа ейного: Федосиха, Феопениха, Елизариха, Демьяниха, Олёшиха, Власиха, Малафеиха. Поговорили, друг дружку по-новому имени позвали: вроде ничего получилось, даже красиво, а главное: быстро. Особенно женски имена приглянулись: вдруг, нечаянно своё забудут, а как жену кликнут - сразу вспомнят.

Потом скотине клички зачали давать, с маленькой начали. Ежели пушиста и мяукает - значит Муська, а мяukat - кот Мур, а ежели хвост не пушистой - значит хомяк. Лает да кусается - значит собака али пёс Барбос, а если только лает - значит баба соседа. Хрюкает - Хавронья и боров Борис Борисыч; мычит значит корова али бык. А уж мелочь всякую: курей, уток, гусей да индюков по именам хозяек кликать стали: «Опять эти куры, собаки Дормидонтихи, напакостили. Неделью назад только мосты сполоснула, а оне уж тут, как тут!...»; «Эти утки, Ермолаихи, ну чисто свиньи, все половики мне отвозили, что на плотике висели, сохли! Опять перестирывай всё, чтоб вас...»; «Ах, паразиты, каки, гуси и индюки Филимонихи, проходу не дают, поперёк дороги стали, щипят, утки драные!...»

Осмотрелись вокруг: чего бы ышо наименовать? Угоры увидали: коль прямо стоит, так мужско имя дали, а пологи, мягки да рыхлы - женско. Чей огород-от в какой угор опирался, так и звать стали: Гришин угор, Титов, Анисьин. Кому не хватило угоров: за деревню вышли, всю местность прочесали, и каждому, кто хотел своим именем что-то назвать, дали по угору, склону, холму, оврагу, кочке... А фамиль у всех одна: Черепановские угоры. Местности прародителями уже названы были: самое высокое место - гора

Подкаменное. Там ещё от снега, талой воды да дождей два озера весной образовывались, ребятам по колено, но они там плавать учились по-лягушачьи, пукались, барахтались в грязи-то. Место, где рябины растут - Рябиновка. При въезде в деревню раньше много логов было: раз - лог, два - лог, три - лог, четыре... А как скотину выпустили попасись, лога они все повыващивали и только один лог-от остался. Считать стали: раз-лог? А больше и нет! Место Разлогами называли. Безымянными деревья остались, кусты: за них гурьбой взялись, подустали уж все, перетрудились эдак-то. Чёрную ягоду с косточкой черёмухой звать стали, а без косточки: черникой, смородиной, ежевикой; рябиной - красную ягоду с рябинкой; облепихой - облепленный ягодами куст кусачий. А ирга из Крыма привезена, так прежде имя оставили: ирга - крымская ягода, из уважения к крымчанам. С деревьями особо не мудрствовали. Белая: так берёза русская; синяя, и трясётся: так осинка; зелёная: так ёлка новогодняя, её так сам царь Пётр I в 17 веке назвал. А ежели пыхтит, во рту вяжет - пихта или вяз, колется - клён, на ветру верещит и тоже колется - вереск или можжевельниковый куст...

Головы у мужиков после деревьев затрещали от перенапряжения: «Надо было нам сразу башковитых мужиков из Башки - Малиновки позвать, подмогли бы... Зачем сами, свои, черепановские, головы ломали, опухли ведь даже!...» Да вдруг вспомнили про науку и своих учёных мужей. У Фёдора Родионовича Сальникова все дети, все пятеро, высшее образование получили: им и карты в руки, да чтоб не играли в их, карты-то, а названия придумывали. Василий никак биологом стал, вот и пуцай вместо нас цветочки называть: хоть по - нашему, хоть по латыни. Да чтоб не перепутал: полевые цветы с городскими. Называет да пусть напевает: «...Полевые цветы, полевые цветы. как простые мечты... Городские цветы...словно добрые духи земли...» А травы поручим Александру Гордеевичу Селеткову и дочкой евоной, Светланкой именовать. Они в сельском хозяйстве лучше всех разбираются, да и в травах разных, в тех, что созрели и от «росы серебрянной гнутся». Травы они сами выращивают: природных мало дак.

Вот и названия у всего живого и неодушевленного появилось. Так сразу у мужиков черепановских будто и на душе полегчало,

отлегло... Успокоились. Дальше стали жить - поживать, да на содеянное любоваться...

**Защемило сердце почему-то
Хочется до боли и до слёз
Хоть на миг попасть,
Хоть на минуту
В ту деревню - остров моих грёз...
Где друзья, соседи, всё родное,
Где тепло в метели и в мороз,
Где вода, как молоко парное,
Где светло от зелени берёз.
Где у школы тополя до неба,
На завалинке родня сидит...
Как давно на родине я не был,
А она мне душу бережит...**

Сэкономила

У нас в деревне, в ту пору, баба Ульянка жила, Монтия жена. Да уж больно рожать-то любела: кажинной год по робенку, а то и по два. И все парни - Монтию в радость, а Ульянка-то помощницу хочет, да и опять рожат. Вот уж и девять парней получилось, а девки всё нет... А тут царь наш Петр Алексеевич перепись населения учинил: "...Хочу, - говорит, - знать, сколько в моем царстве - государстве подданных живет мужского и женского полу, да сколько отроков можно будет на будущем годе на войну с турками брать. А ишо через 6 лет проверить: сколько вновь народилось али убыло народонаселение моё... Да ишо подать надоть ввести: с мужского лица, включая младенцов месячных и стариков столетних по 1 рублю 14 копеек ежегодно брать, дабы казну государеву увеличить, а с девок подати не брать - пушай бесплатными живут"...

Вот и пошли переписчики по городам столичным, губернским, волостным да уездным, а потом и деревням в казну царску подать собирать на войну очередну... Очередь и до деревни дошла, где Ульянка с Монтием да девятью парнями погодками проживат. Переписчики уж у ворот, а у бабы переполох: денег ни гроша, окромя заначки, а муж в командировке - охотится на кабана под

Солодами. Вот Ульянка возьми да и переодень всех парней в женское платье. Бантики на уши прицепила, будто стрижены все под ноль от болезни какой заразной, али насекомых тифозных. Щечки, губки ягодой малиной подрумянила, бровки угольком печным подвела. Да на подоконник, словно кукол, по росту, по ранжиру значит, выстроила. Переписчики зашли, полюбовались на "девок-то", да и не переписали мужское население, девок только. Под подолы-то ведь не заглянешь: кто там парень, аль девка. Про отца Ульянка сказала, что мол солдаты на постое стояли. "Какие солдаты? - удивились переписчики, - в вашей глуши никаких воинских частей отродясь не стояло!" Ульянка и тут выкрутилась: "Так государь, то наш, - говорит, - кажинной год на службу рекрутов набирает, вот они и стояли: солдаты-рекруты". Да добавила "Одна я, как есть одна, мать-одиночка. Похлопочите уж там, перед царем-то батюшкой, может мне пенсию каку назначит"... Вот так Ульянка 10 рублей 26 копеек сэкономила на детей да ишо на мужа - 1 рубль 14 копеек...

Шесть лет прошло, день в день и снова перепись повторна: узнать не народился ли кто ишо. А Ульянка плодовита шибко была, дак еще пятерых парней Монтию родила. Снова переписчики у ворот стучатся - аж дверь ходуном ходит. Ульянка первых - девятерых огородами, на отшибе жили, в лес за грибами отправила. Да наказ дала: домой, чтоб не возвращались, покуда ревизия по деревне ходит. А пятерых такжо нарядила и на подоконник, словно в витрину, выставила. А муж опять в командировке - охотился на кабана под Солодами. А переписчики те-же оказались и с распросом к бабе подступают "Эти-то откудава взялись, мать ты, одиночка? Царь за последние 6 лет рекрутов не набирал". А Ульянка в ответ: "Так соседи заходили, иногда..." - "А давешние девки-то где? " - "Так замужем все". "Да вроде малы ишо были". Тут уж Ульянка на них наступать стала, осмелела баба: "Да что вы, батюшки родимые, - говорит, - экология то у нас кака хороша, не порчена. Да и овощ свой, доморощенной, безо всякой химии и нитратов каких. Вот девки, как на дрожжах, и вызревают споро. А парни-то уж у ворот ожидают, глядят "Поспели!" Переписчики уже уходить собрались, бумаги, переписные листы теребят, со стола убирают. А тут переодета девка одна, что посередке, третья по центру значит, плохо ишо на ногах держалась, возьми да и соскользни. Упала нечаянно с

подоконника-то да прямо на стол перед переписчиками и шлепнулась, да на переписны листы... А подол платяя возьми да и задерись... А оттуда фонтанчик бьет... Офурился ребенок с перепугу... Штанов-то в деревнях тогда не носили, все голоштанными бегали. Вот переписчики всё имущество-то парнечье и углядели. Так не постеснялись под други подолы посмотреть и вновь перепись произвели. На Ульянку штраф наложили за такую утайку, за каждого парня по тройному тарифу. Ульянка оправдывается "Я же их как девок растила, с детства слеповата на оба глаза..." Но переписчики уже не слушают бабу, подать требуют. И пришлось Ульянке раскошелиться, выложила она тогда 17 рублёв 10 копеек. А тут ишо муж Монтий из командировки вернулся - на кабана охотился под Солодами... Ишо 6 рублёв 84 копейки доплачивать пришлось за мужа, да за два раза, да по тройному тарифу... Вот така печальная история случилась. Подать Ульянка "сэкономила", всю заначку: 23 рубля 94 копейки уплатила в государствену казну ...

Вера

В были-то времена тако бездорожье у нас в деревне было, тако бездорожье, особенно в распутицу. Бывало запряжешь лошадку-то, да и поедешь, будто по целине хоть в Башку, хоть в Починок, хоть в Кряжевую, хоть в Вязовку. Везде дороги-то одинаковы. Бедная лошадка плетется еле-еле, помогали даже тогда ноги ей вытаскивать, да переставлять на место поровней. А уж как увязнет по самое брюхо - и мы с возу. На себе вначале лошадь из ямы, колдобины вытащим, а потом телегу поднатужившись, на себе тащим. Да в любую погоду, хоть криком кричи, никто не услышит. Мужики все на войне были. Кто по 18, а кто и по 25 лет служили. Вначале конечно царю батюшке, потом Отечеству. Немца всё - прогоняли с земли русской, да никак прогнать не могли. Потом уж в гражданскую-то, и сами не знали с кем и за кого воюем... Вот дороги тогда все и перелопатили. В деревню то красные придут, с ними как-то поспокойнее было: свои мужики-то деревенски, а то внезапно на рысях белые во главе в Колпаком въедут. Так семь месяцев деревня Черепаны из рук и руки переходила!.. Пули с утра до ночи свистели:

можно было урожай в каждом огороде собирать. Ребятишки под материны подолы прятались, девки да бабы в ямах, в голбцах, подпольях, да в огородах отсиживались, ну а старики, да старухи так на печи участи своей и ждали. Много народу тогда невинного в братских могилах полегло. Почитай у каждой деревни в леске или ложке расстрел производили, несогласных с властью. Шибко темные люди-то были, неграмотны - вот и шли брат на брата, а сыновья на отцов своих. В начале-то будто за волю воевали, дали волю-то. Потом за власть стали воевать - пришла и власть Советская. За землю схлестнулись - отвоевали: наделы всем нарежали, колхозы организовали. А уж напоследок придумали за Веру воевать. А девка, Вера-то, у нас в деревне одна была... Да никому в итоге и ни досталась: ни красным ни белым... Приглянулся ей паренек из соседней деревни, пастушком работал. Семья у него большая и бедная была: братьев да сестер не сосчитать. да родители - старики больные. И по малолетству в армию тогда не подошел - да и пожалели: скотину-то некому пасти будет. Шибко полюбил паренёк Веру нашу, свадьбу скромную сыграли. Вот тогда-то война и закончилась: делить-то нечего стало. Воля, власть, земля общие, да и личные, каждый мог сам распоряжаться. Ну а Вера? Вера - у всех своя была. Кто по божески живет, да в любви и в согласии, а не в войне и унынии. А дороги тоже налаживают, асфальтом покрывают - удобства для машин создают. Гужевой-то транспорт канул в лету. Лошадок-то сейчас только на скачках, да в цирке можно увидеть. Цивилизация...

Мастера. Кузница. Бондарка.

В любой мало-мальской деревушке своя кузня, кузница была. А как без неё? Без кузницы и деревня не живёт. Кузница - сердце деревни! Про неё ещё в древности писали: «Кузница - мастерская по ручной обработке металла. В ей все первичные операции при работе с металлом производят: плавка металла, заливка в форму, да и последующи; свободнаяковка, кузнечная варка и горновая пайка меди. А термическая обработка изделий подразумевает, то бишь, что можно с металлом делать: закаливать, штамповать, волочить, гнуть,

скручивать, ковать и чеканить. Человек, выполняющий операции эти и в кузнице - есть кузнец».

В Черепанях кузница неподалеку от прудика и речки стояла, чтоб работающие в ней, кузнец да молотобоец смогли охлаждаться от жара летнего и горна пылающего. Была она деревянной, тесом крыта. Степы кузни ежегодно обмазывали глиной, но всё равно они от копоти и гари чёрными были, вытяжки не было. Пол земляной. Напротив двери - горн, в центре наковальня да верстак у стены; вот и всё имущество кузницы. А дым от горна через трубу в маленько окошечко выходил, в стене, а всё больше в отворены двери. Для работы в кузнице отбирали мужиков самых ловких, жилистых, крепких и здоровых, обладающих недюжинной силой.

В 50-е годы в кузнице нашей, черепановской, работали два мастера: Автомон Савельевич Черепанов и Илларион Андреевич Сальников. Друг друга никогда по имени, фамилии не называли, а только «Мастер». Уважительно так относились и к себе, и к работе, да и к инструментам: молоткам, кувалде, щипцам-клещам, да дорожнику с ручником. Спозаранку уже на работу оба спешат, неспешно здороваются, фартуки длинные одевают и горн раздувают. Если уголёк есть (кокс или полукокс) быстрее дело бы ладилось. Но им приходилось самим уголёк добывать: берёзовые чурки в ход шли, сами и заготавливали. В лесочек, на полянке, костерок разведут, березовые чурочки метровые обжигать положат, а когда хорошо они разгорались - засыпали землёй. Чурки тлели и через какое-то время, образовавшийся уголёк, на подводе (брали на конном дворе) грузили и возили к кузне. А порой и на себе: в ведра да на коромысле и носили. Нередко и детей своих брали: помогали мастерам горн раздувать, меха качать и из леса уголек носить. Домой ребята как негры чёрные приходили после работы такой, но счастливые: «Мастерам подмогли!..»

Вот и горн зашумел, загудел как паровоз - можно и за молот браться. Весь день работа кипит. Автомон металл в горне нагревает, закаливает да на наковальню, а Илларион уже молотом или кувалдой по наковальне бьёт, нужную форму изделию придаёт. А вдоль стен-то в очередь колхозные, да чуть поодаль личные орудия труда да предметы быта выстроились, по сезонам. Бригадир на лошадке несколько плугов-сох привёз. Точить просит, оттягивать лемех, чтоб

острее плуг-то был - пахать легче. Да ещё бороны добавил. Зубья у них повыскакивали, видно на камень где-то напоролись. Конюх Федор Иванович пару лошадок привёл, подковы где-то потеряли - новые прибить надо. Да ещё на конюшню заказал крепкие засовы для дверей и обод для колес. А тут уж с фермы бегут с вилами двурогими. Автомон с Илларионом пожурили доярок-то: «Силы видно вам некуда девать, раз вилы в бараний рог скручиваете! Скажем вот вашим мужикам, чтоб дома вас погоняли..», но заказ приняли. И так целый день: болты, шпильки, скобы, лестницы для хозяйственных нужд: топоры, косы, серпы, грабли, лопаты, вилы, ухваты, совки, навесы, крючки - всё перед глазами мелькают. Друг друга мастера подменяют: то один у наковальни стоит, то другой, так и у горна. Его постоянно подкачивать приходилось, чтоб температура нужная держалась.

А тут как-то Степанида, у Афанасия в город на ярмарку съездила (и зачем он только бабу свою тогда взял!..) Да на ярмарке-то сундук углядела; большой, весь в цветочках расписных и железом со всех сторон окован, даже с чеканкой. Вот и пристала она к Афанасию своему: «У нас трое девок на выданье, а как они без сундуков-то замуж пойдут? Сундук вперед невесты всегда с приданным выносят. Мне так люди добрые в городе сказывали. Давай иди в столярку да кузню, в ноги мужикам падай, а без сундуков домой не приходи!..» Афанасий знает уж, что со Степанидой по-мирному не договоришься, уж что задумат - не отступит...

И пошёл мужик ейной на пилораму да в столярку-бондарку. Там отец с сыном работали Иван Ефимович да Киприян Иванович Жужговы. Они бочки, ведра деревянные делали, коромысла гнули; сани да телеги для конного двора; черенки строгают для лопат, вил, граблей; колеса гнули для телег да и много других работ ремонтных - всех и не упомнишь. А в посевную-то Киприян ещё и на полуторке работал, зерно в город Оханск возил, да ещё и на мельнице подрабатывал. И тоже, как все летом, по 10-12 часов, когда за трудодни, когда и немного уж и за деньги. Еще за работу зерном рассчитывались, посыпкой, натуроплатой значит.

Работают Жужговы, а тут мужик взъерошенный к ним бежит, видать с просьбой: Афанасий так просто бы не пришёл. Выслушали Афанасия, посочувствовали: «Да мы вот только сани конные и

тракторные, да телеги конные делам, ящики колотим для телятника да ферм, да еще кому на погост надоть... А о сундуках-то даже и не слыхивали: добра-то не наживали дак». А у Киприяна тоже четыре девки росли, и в доме ни одного сундука. Посовещались, мужики Автомона с Илларионом пригласили. Впятером покумекали, чертёжик-рисунок технической набросали и решили сразу десять сундуков сделать: три - Афанасию для девок Степанидиных, четыре - Киприяну для его девок и по сундуку Ивану, Автомону и Иллариону. На пилораме Иван с сыном Киприяном досок напилили, в столярке-бондарке рубанком выстрогали, сколотили и в кузницу. Да сундуки большие оказались; только один и вошёл в кузницу. Остальные друг на дружку поставили около, листами железными прикрыли, чтоб дождь иль роса не подпортила изделия. Да Иван-то ещё из дому собаку «Пальму» привёл, на цепь посадил: сундуки сторожить. Автомону с Илларионом сложнее пришлось: они первой сундук полосками железными, все стороны по диагонали, да в клеточку обили: учились ещё. Сундук, словно «вафля гигантская» получался. Потом все углы и кромки отчеканили, навесы на крышку приделали, да еще и отверстие под замок изладили и ключ выточили; а сбоку ручки-скобы прибили для удобства переноски. Такой сундук получился: хоть сам в нем живи! И ни одна мышь не пролезет - зубы сломат. Пока сундук-то первой делали Автомон с Илларионом, Афанасий все остальные краской покрыл да набрызгал кистью, будто узор и даже на четырёх расписался...

А тут и Степанида пожаловала, работу заказну поглядеть. Похвалила мужиков и удалилась тихонько. Через полчаса деревня, словно рой шмелей гудела: всем бабам сундуки понадобились. Хоть и класть-то в них нечего было, а надо! Будто спать в них собрались!.. Да ведь если у одной-то бабы что заведется - так и друга переплюнуть хочет. Даже если вчера не надо было - сёдня без этого и жизнь не в радость - надо! Всю работу колхозну и личну кузнецы да столяры забросили: давай сундуки бабам да девкам делать. Словно уж и столярка не столярка, и кузня не кузня, а мастерская по изготовлению сундуков. Сундучница как-нибудь. Работа в поле встала: железный изделий и столярных не поступат. Председатель разобраться решил, заехал. Обругал мастеров сундучных дел: всех пятерых, Афанасий к ним, ко всем, в подручные нанялся. «Первым

делом, - говорит председатель, - у нас колхоз, поля да скотны дворы обслуживать вы должны, а уж забавы энти в нерабочее время. Да матерьял (доски, железо, замки, навесы) пусть в колхозну кассу платят Степаниды ваши!». Разъяренной был, кричал, даже ногами топал. А когда обратно пошёл, о сундук споткнулся, чертыхнулся и уж тихонько сказал: «У меня две дочери заневестились. Два сундука уж по-блату мне сделайте к Покрову...»

В начале 60-х годов кузница перестала существовать. Автомон, а в след за ним и Илларион уехали на новое место жительства в Большую Соснову. Какое то время в кузне работал Феопен Сальников... Затем оборудование кузни перевезли в Солоды, а помещение отдали молодежи. Ребята поставили для тепла печку-буржуйку да лавки вдоль стен. Днём истории, байки и анекдоты подростки «травили», картошку в печке пекли. А вечером при свете керосиновой лампы собиралась молодежь: семечки грызли, играли, танцевали, влюблялись. Кузница немного простояла, не могла смириться с новой жизнью и другим предназначением. Без кузнеца и молотобойца она молча страдала и ушла в небытиё... на дрова...

Но дружба двух мастеров-кузнецов и на новом месте продолжалась. На выходные Автомон всегда шёл к другу Иллариону (жили неподалеку друг от друга). Вспоминали родную деревню, кузницу и тяжелые годы войны - оба прошли через её пекло. Играли в карты, а иногда и тихонько пели:

Враги сожгли родную хату,

Сгубили всю его семью.

Куда теперь идти солдату.

Кому нести печаль свою...

Любимыми песнями для них были: «Варяг», «По диким степям Забайкалья», «Ревела буря, гром гремел», «Из-за острова на стрежень», «Чёрный ворон». Они привыкли напевать, даже когда в кузнице работали, под нос, в усы себе мурлыкали... Любимой певицей Автомона Савельевича была Мария Мордасова. Очень любил слушать её песни, частушки и подпевал ей...

Правнуки Автомона Савельевича тоже кузнечному делу выучились: с металлом работают. Михаил Черепанов здания, производственные помещения городские из железобетонных панелей строит. Станислав Черепанов, художественной ковкой увлекается: разные кашпо,

подставки под цветы, фигурные навесы ко крыльцу, мангалы для шашлыков, беседки для отдыха варит с помощью электросварки.

Школа

Население деревни нашей почитай все неграмотно было: ни писать, ни читать не умели. Только крестики ставили на казенных бумагах. Так в 1900 году открыли Черепановское начальное четырехклассно училище. Учителей по первости привозили из Петропавловской волости, аль ишо откуда. А иногда и дьячок обучал черепановских робят. Учились с 9 часов. Все четыре класса один учитель вел, да немного учеников было: 5-6 человек в каждом. Ну конечно слову божьему обучались. Тут вот только заминка случалась: в деревне-то старообрядцы жили а дьячка православного привозили. Потом уж кака-нибудь баушка грамотна богу служить-то учила: разрешало волостное да уездное начальство или поп-старообрядец. Конечно родное слово было, вернее родна речь, арихметика, чистописание, русский язык да география с историей. А други-то предметы: физкультура, пение да рисование с ботаникой уж после Советской власти ввели в 17 году...

Каждый день по 4 а то и 5 уроков сидели, на лавках обучались. Перемены были небольшие, а кормить-то никого не кормили. Некоторые с собой картошку вареную брали, али хлеба кусок да огурец с помидорой, если осень. Дак ученики тогда на них голодными глазами поглядывали, слюни глотали. Учительша потом уж ругалась, чтоб никто не носил: есть сразу всем хотелось. А печи уборщицу нанимали топить, она и дрова пилила, колола и полы мыла. Не всегда тепло в классе было, кака ведь зима выдавалась. Когда тепло - дак в одних рубахах да штанах парни сидели, а девки в платьях до полу. Ноги почти у всех босы, а похолодает так лапти на ноги одевали. Зимой сложнее приходилось: кто в полушубке, кто в фуфайке, кто в пальтушке в школу приходил. Студёно когда, дак одежду то и не сымали. Как-то учительница Изосима, он из больно бедной семьи был, полушубок снять попросила. Жарко тогда печь-то раскочегарили. Дак он вначале смушался, покраснел, не хотел разболокаться. Учительница ругать стала. Изосим веревку с поясу развязал, полушубок снял, распахнул, а там никакой одежды не

было: ни рубахи, ни майки, ни штанов... Голым в школу-то ходил а учиться хотелось... На ногах только тряпки намотаны, да дощечки снизу к ступням привязаны. Но ребята никто не смеялся над бедным плачущим Изосимом, понимали, у многих тогда только верхняя одежонка и была да рубаха...

А штаны да обувка кака справна роскошью считалась. Зимой и валенки-то не у всех были: одни на семью. Так осенью и весной в распутицу колодки, палочки таки, к лаптям привязывали, чтоб и ноги не промочить да и лапотки побережь. А для непослушных ребят розги лежали, да в углу горох был насыпан. Горох-то приходилось подсыпать: то вроде мыши его съедят, а то и сами ученики. Как-то учительница Филимона к доске вызвала, примеры решать. Он хорошо учился, быстро задание выполнил, к классу развернулся. Штанов Филимон не носил, не было, в одной рубахе ходил. Край-то рубахи за доску зацепился, и ребята увидали, что у него колени все в кровоподтёках... Оказывается вчера, дома Филимона отец наказал (очень властной, сердитой отец-то у него был), с утра в угол, на горох, поставил, а сам на весь день ушёл и забыл про сына-то... Филимон так до вечера, на горохе и простоял, домашние побоялись волю хозяина нарушить, из угла его вызволить...

После революции 17 года, начально училище переименовали в Черепановскую начальную школу. Добавилось и предметов школьных. А учителя-то в основном были приезжие, но также при школе жили, а иногда и на квартире. Самыми уважаемыми людьми они в деревне считались. Даже старшее поколение к ним за советом шло. Со временем всё население деревни Черепаны грамотно стало, с Ликбеза начинали, ликвидации безграмотности значит. Кто по 3, кто и 4 класса обучался - на этом и наука заканчивалась. В 9-10 лет уже работали: кто в колхоз, на ферму, на полевые работы, а кто в няньки, да в наёмны работники. В Солодовскую школу ходили с 5 по 7,8 класс, у кого родители да средства позволяли, да кто дальше учиться хотел. А дальше в Петропавловске два класса 9 да 10 оканчивали.

В советское время у учеников тетрадки появились в клетку и наклонную линейку. Писали ручкой с перьями, чернилами синими и фиолетовыми. Чернильница - непроливайка на двух, а то и трех, четырех учеников была. Учебников не хватало, по какому предмету

и один на весь класс. Так задание переписывали на старые учебники, у кого были, или на газеты. А в военные 40-е годы все на газетах писали, между строк да на полях. Фабрики и заводы на военные рельсы перешли, выпускали только военную продукцию. Да и школа работала не каждый день. Год учебный начинался в середине октября, а заканчивался в апреле. Вместо портфеля для тетрадок и учебников была сумка портянная с ручками, али на лямках. Парни её через плечо носили, а девки в руках. Иногда для красоты какой-нибудь цветной тряпицей обшивали, если была конечно така. Школа была двухэтажна. В ней в одно врем, на первом этаже, ясельну, грудничкову группу открывали. В няньки-воспитательницу тётеньку Устинью Семёновну Черепанову нанимали. Она и водились, и на печке в котле кашу варила, да ложкой из большой железной чашки, всех в манежах и кормила по очереди да с любовью...

На Новый год ребятишкам ёлочку под самый потолок ставили. Ребята, которые постарше, её из леса на лыжных палках бережно приносили и сами украшали самодельными игрушками: бумажными цепочками, гирляндами; нарисованными и вырезанными цветными шариками, ромбиками; фигурками зверушек и птиц, ёлочек; фантиками конфет; снежинками и снежком из ваты. Некоторым родители даже костюмы делали из накрахмаленной картофельным крахмалом марли, в основном - Снежинок и Снегурочек. А «настоящий Дед Мороз» приносил в мешке подарки и в конце праздника каждому дарил по кулёчку конфет... Радости у ребяток не было предела!.. В такие моменты они просто сияли от счастья!..

В летние каникулы ребят от школы даже на экскурсии возили в райцентр, Большую Соснову, в музей города Очёр, в областной центр город Пермь и в Кунгурскую ледяную пещеру; давали путёвки и в пионерские лагеря.

На первом этаже школы одно время даже продуктовый магазин был... Постепенно здание разрушаться стало. При разборке, между вторым этажом и первым обнаружили пчелиные соты... Работников - мужиков как ветром сдуло. До речки за ними разъярённые пчёлы гнались... Словно ребятишки, на переменах, пчёлки гудели, научились, видать от них... Школу, а вернее то, что от неё осталось, перевезли в соседнее село Солоды. И из бывшей школы построили жилой дом...

Учиться стали в частном пятистенном доме Иллариона Родионовича Сальникова (63 год). Черепановская начальная школа просуществовала до 1967 года. Многим она дала путевку в жизнь, а для других стала единственным учебным заведением...

В разное время в Черепановской начальной школе учителями работали: Евдокия Малафеевна Черепанова, Лидия Ивановна Осипова, Федор Федорович Селетков, Майя Александровна Мартюшева, Анна Дмитриевна Сальникова, Надежда Федоровна Орлова, Зинаида Васильевна Дробинина.

От мелочной лавки до автолавки

Торговля большое значение имела для жизни и быта крестьян в деревне. В 17 веке даже запрещалось крестьянам торговать да устраивать промышленные заведения. Указами Петра I и Екатерины I предметом торговли сами крепостные крестьяне были. Их за помещечьи долги публичным торгом распродавали, наравне с утварью разной и скотиной живой, случалось не редко и от семьи отлучали. Крестьянских детишек-отроков в прислугу, да дворовыми забирали в усадьбы помещечьи да дворянски. Хороший помещик попадетсЯ - так неплохо, не голодно жилось. А уж если кака - нибудь Кабаниха попадетсЯ - так со свету дворовых то девок не одну сживала, пока крепостно право было. Но потом уж пожалел царь-то наш, Петр I, крестьян и Указ издал что мол "...дозволяю крестьянам - торговцам селиться в городских посадах и в купеческий класс переходить (1699г.): да все запрещения заниматься торговлей отменяю (1711г.). Но нарушать интересы купечества не позволяю." Вот тогда-то и стали появляться мелкие торговые палатки, лабазы, ларьки да лавки. Торговали крестьяне в основном сельскохозяйственной продукцией: зерном, мукой, овощами, мясом, полотном и сукном, медом, воском, кожей (юфтью), да деревянными изделиями: телегами, санями, конской упряжью, бочками, кадками, коробами да ларями. А с 1804 года разрешалось и "мелочью какой-нибудь торговать, но не оптом, да лавки и в деревнях богатых открывать, а потом и дозволили оптом торговать" (1806г.). Тут уж и Офени появились - Коробейники значит. Они по всей нашей Вятской губернии ходить со своими лотками-коробами начали, бродячие

торговцы эти. Да коробейниками какой ушлой народ-од был, сродни спекулянтам нонешним. Они в деревнях продукцию скупали, что мужики с бабами производили: зерновые, пеньку (волокно да веревки), овощи, деготь, мясо, молоко, сало, масло, деревянные ведра, кадки. В городах-то этот ходовой товар быстро сбывали, а в обратки приносили галантерею мелочную, украшения всяки: бусы да гребенки для девок и баб, книги и лубочные картинки с лебедями да девками краснощекими для мужиков. Крестьяне тогда, словно папуасы Миклухо-Маклая, на невиданной товар зарились. У кого деньги водились - так мелочёвку эту грошовую раскупали, а нет - так на обмен, будто равноценной: кружки топленого масла несли, горшочки сливочного, творог да сметану, мед, молоко. За одну гребенку, бусики или картинку - тако добро отдавали. Дурили народ офени - коробейники.

Только уже во второй половине 19 века, ближе к концу, свои местные, черепановские лавочники стали появляться. Григорий Александрович Каракулов (1858 года рождения) первую мелочную лавку в деревне Черепаны открыл. Справной хозяин был лавошник-то Григорий, уж не как все мужики деревенски, кафтан из толстого сукна носил поверх рубахи и холщовых штанов да поддевку для тепла. Честно да справедливо торговал. По заказу и по деньгам товар разной завозил: и ткани, и чай и пряности каки, а также масло подсолнечно, соль да сахар головками, а ишо табак для баловства (по приказу Петр I), карамель леденцовую для робят. А бабы больше керосин любили - так он бочку железну на лошадке своей привезет, прикатит, и в бидоны воронкой разливает, сколь кому надоть. А как в Черепанах без керосину-то? В избе ладно: печь топиться, светло, потом по надобности лучинку жгут. А хозяйство управлять, скотину поить - лампа керосиновая нужна. Тут уж всех Григорий Александрович и выручал, а Евдокия Родионовна, жена его, всегда помогала, ежели в отъезде был. Да видно судьбы-то повторяются: праправнучка Григория, Евдокия Федоровна Силукова (Сальникова в девичестве) тоже горячее отпускала, уже в наши дни. Да только не керосин, а бензин шлангом резиновым в баки машинные заливала. Видно гены по наследству передались, 25 лет на бензозаправке отработала...

Черепановцы еще иногда по ярмаркам ездили свой товар какой продать, да и прикупить чего, гостинцев, которых у Григория не было. На продажу излишки овощные с огорода везли, а также мед, воск, свечи, мясо-молочные продукты. А в городе железны изделия брали: замки амбарные, навесы, ведра, гвозди. Дитям на гостинцы леденцы-петушки сахарны, калачи маковые да пряники медовы; а бабам да девкам - платки, косынки да ленты атласны.

После революции, в 17 годе, в деревне магазин государственной открылся! А там уж все без обману: и приветливо встретят, и не обманут и не обвесят. И всеми уж тогда промышленными товарами, орудиями труда и продуктами первой необходимости деревню обеспечили. Черепановцы и выезжать из деревни своей не стали - а зачем? Все в шаговой доступности, да и продавщицы свои местные, когда захочют: тогда магазин и откроют или наоборот закроют. А на полках-то магазинных такую красоту выстроили: пирамидками консервы рыбны и овощны в железных баночках и стеклотаре; 3-х литровые банки яблочного повидла, халвы; жестяные баночки джемов, варений, компотов с вишней, сливой, яблоком; индийские чай с раджей верхом на слоне; фруктовые чай с разными ароматами; конфеты в стеклянных вазочках и в ящиках, спички, сахар, сода, соль: и все это с красивыми этикетками-наклейками да с ценником. Растительное масло в бочке большой привозили, шлангом разливали. Масло южное, ростовское, пахучее!.. Хошь на хлеб мажь да ешь или так ложками хлебай да пей. А в бутылках теперича не то масло, ни вкуса ни запаху. Акромя этого ишо и мыло диковинно было: хозяйственно, банно и землянично. До этого все щелоком в банях мылись (зола - така заварна) и всегда чистыми ходили от бани до бани... А мылов-то как набрали, так вначале и не пользовались - нюхали только, а робята на вкус пробовали. А потом уж когда запах-то вынюхивали: мылись и смывать-то даже пену не хотелось, жалко было. Да и остальное: всё, что покупали экономно расходовали. Вот хоть ткань - она большими кусками тяжелыми лежала. Бабы-то вымерят вроде себе на платье или мужу на штаны. А как шить-то начнут, так из остатков-то ишо и сыночку рубашонку и девчонкам по сарафанчику скроят и бабке старой на запон ещё останется. (Запоны - фартуки таки, бабы чисто все носили, чтоб под ними одежа не пачкалась. Он им одновременно и рукотёром служил, и

прихваткой, и носовиком для носов внучат, да и свое «рыло» иногда им вытирали и слезу подбирали. Очень нужная и необходимая вещь для хозяйки - запон, передник, фартук значит, этот). Нашьют одежи себе и ходят все одинаковы - сразу видно, что из одной семьи, а главное обнова!..

Не перечислить товаров всех, что в магазине было. Поначалу туда вся деревня как на экскурсию ходила: только посмотреть. Денег-то у всех мало было, только на хлеб, что из Петропавловска возили по 14, 18 да 20 копеек хватало; да на масло растительно, сахар, соль и крупу каку - nibудь. А уж на молоко сгущенно только любовались: его так привозили, для рекламы видно. А маленьки ребятки часто приходили, почти каждый день. Видно дежурство назначали и дежурных своих. Они все конфеты сторожили: вдруг исчезнет хоть одна. Конфеты-то полукругом в вазочках стояли в основном карамельки фруктовые, горошек (драже) мятной и цветной, немного и шоколадных: Весна, Ласточка, Пилот. А подушечки "Дунькина радость" по 90 копеек за кило, "Популярные" по 1 рублю 04 копейки: были пределом мечтаний юных воздыхателей. Сладкого-то пряников, печений да вафель с конфетами детвора только на Новый год ела, да и то не все. А так может 2-3 раза в год родители позволяли себе из семейного бюджета 100 грамм конфет купить на целых 10 копеек! Вот как-то паренек один Шурка, у мамки нечаянно 25 рублей взял, а не понимал в деньгах еще, и в магазин. За прилавком Фаина Автомоновна стояла. А он от стыда, что деньги без спросу у матери взял, забыл как продавщицу зовут, да вместо тетя Фаина, сказал: "Тетя Ху - ина, дайте мне конфет, на юбель..." Продавщица улыбнулась, взвесила малыцу подушечек пригоршню, в кулек бумажной положила и домой отправила. А деньги 25 рублей обратно матери Шурки отнесла: «Чего это вы, Игнатьевна, деньгами такими большими, сорите, разбрасываетесь?..» Попало ему - нет: история умалчивает... Да и другие ребяташки, с родителями, когда приходили, так тихонько стояли у конфетной витрины. "Мам, купи хоть немного подушечек, хоть вот столько..." и показывали пальчики свои растопыренные; "Деда, а это дорого, карандаш леденцовый стоит? Может тебе его на сдачу дадут..."; "Мама, купи мне хотя бы один пряник, можно старый, черствой. Я его дольше есть буду, сосать и всех дома угощу..." Но только просили, никто не требовал, не

капризничал у прилавка... Редко детишек баловали и не потому, что сердца-то черствыми были - не на что купить... А каково продавцам это слушать приходилось!..

Иногда вино красное привозили в бочке литров на 200 - 250. Для мужиков праздник сразу наступал. Продажа вина была вольная. Почему то все мужики считали, что веселости без него, вина, не бывает. Забывали тогда они слова прадедов своих: "Излишнее употребление вина и всех хмельных напитков причиной бедности и разорением бесчисленным семействам грозит..." Кто уже первым-то прибегал - так самым счастливым в этот день-от был. Он важно шланг в бочку опускал и покупателям, а это конечно были в основном мужики, да парни с бидончиками в 3,5 и более литров, вино разливал, цедил... И про себя не забывал, когда во рту пересыхало (работа вредная) плескал немного, в горлышко... За полдня, а порой и час другой, бочка пустела... Под ней и помощник - разливавший отдыхал, переутомился... А по всей деревне хмельной запах плавал, даже мухи с комарами пьяными валялись. Кому-то радость, а которым бабам и горе: они в такие минуты почему-то все время мужикам буйным - пьяным под руку попадались. Мужики даже удивлялись: убегали вроде от баб своих, а они опять перед ними были. Много жен тогда сразу становилось: двоились видно...

Но не легка профессия продавца была. Товар надо с базы Петропавловской получить, самим загрузить да ехать через Солоды - там часть товара оставить (лошадь обычно на 2-3 деревни выделяли) и уж только тогда домой. Бывало в любую погоду: и зимой и ночью в Черепаны приедет девушка - продавщица, а еще товар разгрузить, лошадь на конный двор свести, и если не ждали - так самой и распрячь, да корму дать... А если товар дефицитный какой поступит: его же надоть поровну между всеми деревенскими распределить: хоть хек с минтаем, камбалу одноглазу (всем с глазами купить хотелось), а иногда и рыбину красну, горбушу. По одной коробке на деревню давали, а на хозяйство по 3-4 рыбки выходило. Бабы не все спокойными становились, когда рыбу-то делили. Им казалось, что соседке всегда длиннее да тяжелее рыба попадала: ссорились конечно. Только к кильке махонькой спокойно относились: ее всем помногу доставалось. А продавщица одна, даже свою маленьку собачку Килькой звать стала. Бывало потеряет ее чёрненькую,

лохматую, выйдет на улицу, зовет "Килька, Килька!" А вместо собаки "Кильки" к ней бабы с авоськами со всех сторон деревни бегут. На крылечке магазина всегда уж очередь стояла - не важно зачем, с раннего утра занимали да разговорами уши заполняли, радио ышо не было. Новости все «светские» и деревенские на крылечке магазина узнавали...

В 1971 году магазин в деревне закрыли - жителей почти не осталось. Иногда раз в месяц автолавка приезжала с кой - каким товаром: мануфактурой да продуктами. Работал продуктовый ларёк, хотя в основном ходили в соседние деревни: Солоды да Селетки: там и отоваривались, Не стало покупателей - не стало и торговли...

Старики рассказывали

Старики рассказывали, что до основания деревни нашей в этих местах уже два починка, поселения было, Ягвай да Соснова Малая, аль Большая ..А уж как Сибирской тракт проторили, так в деревню-то часты гости наведываться стали: кто на поселение, кто куска хлеба попросить, али в работники наняться, в няньки али по хозяйству; а кто и пошить чего и даже поугостить. На жительство только своих брали, однофамильцев. А нищие-то больше из Удмуртии шли, видно им там еще хуже жилось. Придет кака-нибудь "бабочка" нищенка-побирушка, из-за ветхой одежки и не понять молода аль старуха уже. Под окном стоит, да глазами голодными умолят кусок хлеба дать, аль ишо какой еды: репы ли, картошки ли. Хозяева уж никогда не гнали прочь таких, хоть и сами не шибко богато жили, а кусок хлеба всегда подавали, яйца варёны и сырые, молока в бутылку наливали, ну а ежели праздник какой церковной - так и пирога кусок, а то и три. Нищенка деревню обойдет, немного в суму-то свою холщовую и насобирает. Сядет на выходе из деревни где-нибудь в Разлогах, пирожка смоченного слезой откушат, отдохнет тут немного, если в дом никто не пригласит, да и дале идет, на палочку-посошок опирается...

Ну а в работники часто наниматься приходили: с дитём понянчиться али любую другу работу справиться. За еду да кусок хлеба рбили и услужливы завсегда были. На полу, на тулупе, полушубке ли спали в прихожей у порога, да рады были и этому. Одну нищенку

таку, из Удмуртии, Клавдию Игнатьевну Хохрякову с отцом старым, Никифор Петрович Черепанов с женой, Павлиньей Федоровной, приютил. Но отец еёный ненадолго остался: дров у соседей поколол и дальше отправился. А Клавдия прижилась, насовсем в деревне осталась. Старикам всё помогала, да и на работу в колхоз, дояркой устроилась. Вместе с их дочкой Анисьей на ферму ходить стала. Жили в небольшой избушке все вместе. Потом она троих детей родила: Александра, Ольгу да Татьяну. Сына-то от Федора Родионовича Сальникова понесла, он тогда ещё холостой был, женихался: вот и сыночка изладил. А с кем не бывает грех-от... Мужиков мало после войны осталось. На всех не хватало... Да и кто в будущем работать-то будет?.. И рожать то бабам хотелось... От природы ведь никуда не денешься... Сашка, сынок-от, как две капли воды на отца похожим с годами сделался, да и на братьев. Красивый, широкоплечий, голос с хрипотцой, а поёт как!.. Соловьи к деревне слетались, заслушивались... Девки по нему многие в Черепанах страдали... До 1970 года Клавдия в семье Анисьи Никифоровны Черепановой, дочери Никифора Петровича жила. Потом в Ростовскую область с дочерьми уехала, а Александр в Большой Соснове пожил сколько -то, женился и в Кукуштан переехал.

А больше всех в деревне портной жил Фрол Савельевич, бывало и по году. Никто не знал откуда он пришел и где жил до них. По дворам ходил и все семьи в Черепанах, хозяйство за хозяйством, обшивал. Кому рубаху аль штаны, кому пиджак городской, кому костюм или шубу, тулуп, кому и блузку модну, или платье, но больше жакетки бабам шил плюшевые, да пальта демисезонны и зимни. С неделю в дому у Евдокии Родионовны Григорьевой жил. Очень красивый, толстый, зелёного цвета, пиджак ей сшил. Долго она в нём форсила, модничала... А как-то у Киприяна почти месяц обитал, всем четверым девкам да брату Геннадию ихнему, пальта зимние изладил. Тёплые, тяжёлые, на вате да ватине. А девки-то потом в город Верещагино поехали учиться в пальтах-то этих. Так гардеробщица только руками всплеснула: "Вы говорит, девки, пальта-то свои сами вешайте, а то я руки от их тяжести такой ломаю. И как вы тако чудо, на себе носите. Словно не пальта на вас, а кольчуги железны, в каких рыцари в средни века ходили." Фрол Савельич питался вместе с хозяевами, баловали его за качественно

пошитое: мясца поболее ложили, маслица, сметанки, молока, да яиц: всё своё ведь было. Отдельну посуду ему выделяли чисту... За работу он мало брал: что уж дадут, и на том спасибо. Только курил много и от курева никогда не отказывался. А тогда табак-самосад почти все садили, сами высушивали, резали, измельчали листья вместе со стеблями табакорезкой. Готовый табак ссыпали в кисет и использовали. Из газет «Сельская жизнь», «Труд», «Правда» скручивали самокрутки. Некоторые использовали деревянные трубки. У кого была возможность покупали папиросы «Пермские», «Кама», «Прима», «Север», «Казбек», «Беломор канал». Фрол Савельич сам даже просил, напоминал.. Но порой замечал что оно, курево исчезат по - немногу. Он тогда хитро на хозяйских ребятишек посматривал. Знал, что им побаловаться, как взрослым захотелось, да перед другими ребятами похвалиться. А шил он всегда на совесть: не одно поколение его рубахи, штаны, платья да пальта носило; износить не могла. Да ишо пуговицы большие любел, маленьки никогда не пришивал. Вот по пуговицам его одёжу и различали, да еще по весу.

Иногда и мужики какие-то страшные, лохматые приходили, да грязные все, по ним даже живность бегала. Детки их больно пужались, а сердобольные хозяйки всегда уж и им чего-нибудь выносили да приговаривали "Прими добрый человек бога ради". А ишо из тюрем: с Воткинска и Перми арестанты - беглецы в деревню, прячась по ночам, приходили. На одной ноге говаривали, у них колодки была с цепями, а на другой сапоги. В огородах они овощи дергали, крали, да на сеновалах, где не сильно закрыто было - отдыхали, спали. Матери деток имя пужали, всякой нечисти меньше боялись, чем каторжан да беглых арестантов этих. Ещё цыганский табор приходил, зиму выюжную да морозную пережидал, неделями цыгане в избах по квартирам жили, но уж нигде, никто и никогда не пакостили, не воровали.

Како то время в частном доме церковь открывали: поп старообрядец в ней проживал. Старухи и нарадоваться не могли, до него беспоповщина была: самим делать всё приходилось. А с батюшкой, с утра - к заутрене, ввечеру - к вечерней службе спешили, в праздники - на весь день уходили, да за всех черепановцев молились, поклоны били. Поп - батюшка очень внимательным

оказался: все требы деревенски исполнил. Всех младенцев, отроков и некрещёных - окрестил; женаты пары обвенчал; за упокой родителей и родственников ушедших помолился, да всем наставления дал: как в миру жить, честь свою блюсти и о всевышнем не забывать, молитвы каждодневно читать всей семьёй, да креста нательного не сымать, дабы диавол не попутал али бес какой. А ишо бывало, это само страшно: сектанты хаживали. Людям они, как и каторжане не показывались, а пытались избы староверов поджечь. И поджигали: слава за ними така шла. Так в деревне по ночам сторожа стали ходить с колотушкой по одному, а то и по два. Как ночь наступит - чья очередь: колотушку в руки и так до рассвету ходят по деревне-то. Сон черепановцев охраняют, да и избы от желтого петуха "берегут". Вот какие истории старики нам сказывали...

Праздник в деревне нашей

Петров день великий, особо почитаемый праздник, отмечавшийся 12 июля по новому стилю (29 июня по старому календарю), как день святых Петра и Павла. В народных легендах апостол Пётр считался покровителем крестьянского труда и рыболовства. С этого наступало время сенокоса: «Доставай серпы и косы к Петрову дню», «С Петрова дня - красное лето, зелёный покос», «С петрова дня заря на пашню зовёт». В древних мифах, Петров день и предшествующая ему ночь были связаны с поклонением солнцу, носили ярко выраженный любовно-брачный характер. Накануне молодёжь уходила в поле, за деревню, на возвышенное место. Там всю ночь жгли костры, варили кашу, пели, гуляли, веселились. Этот обычай назывался «караулить солнце», оно по поверью, на рассвете особенными лучами должно сверкать и переливаться как радуга. «Солнце то спрячется, то покажется, то повернётся, то вниз уйдёт, то блеснёт голубым, то розовым, то разными вместе цветами». А девушки уходили подальше от всех, жгли солому или в горшках смолу, собирали 12 цветов с 12 полей, бросали в пламя костра и приговаривали: «Двенадцать цветов с двенадцати полей, двенадцать молодцов! Кто суженый-ряженный, мне покажись и на меня погляди». А ещё ходили на три родника умыться «петровой водицей», предохраняющей от множества болезней. Петров день -

конец поста. По этому случаю в деревнях устраивались праздники, совместные трапезы, застолья. Ходили друг к другу в гости, принимали родственников из других деревень, сёл.

*Несмотря на судеб разность,
Но у наших деревень
Пусть в душе пылает праздник,
Даже в самый будний день!..
Да не в силу потрудиться,
От зари и до зари
Засветитесь счастьем лица
И гармонь заговори!..
Позабудь печали, беды,
Порассыпья, весела!
Это ж звонкая беседа,
Праздник русского села!..*

В Черепанах бабы завсегда к этому престольному празднику, Петрову дню, пироги пекли, шаньги картофельны да наливны, калачи румяны, да булки сладки. И каку только начинку ни делали, друг перед дружкой-то похвалиться не зазорно было: и мясну, и грибну, и травянну, и овощну, и крупенну, и рыбну, и ягодну и даже фруктову. Начинку конешно загодя готовили, или с вечеру. Семьи-то большие у всех были. В редком доме малых деток пяток, да хозяин с женой по своду, да братья и сестры, если холосты, да родители, да гости приезжие, да работники по найму: деревня-то зажиточная. У многих на подворье работники по сезонам жили.

А в праздник то престольной - Петров день, всех надо было угостить, никого не обидеть. Вот и делали начинки все вместе: малы дети крупу перебирали, да на побегушках, кому что принести, подать, унести. Мужики в большом корыте сразу двумя сечками капусту, грибы размоченные сухие, лук да други овощи рубили. Работники рыбу потрошили да чистили, а женщины с мамой старой квашёнку в кадушке замешивали, в теплое место ставили да на противни раскатывали уж под утро. И все это под шутки, смешки, прибаутки да песни народные протяжны да раздолжны, как сама душа. И пироги то получались пышные с румяной корочкой, которую щедро, после печи, крылышком куриным аль гусиным смазывали топленным маслицем. И резали-то все пироги по особому:

каки большими кусками, как махонькими, а как ромбиком. А уж рыбаки-то с боков надрезали да всю верхнюю корку на стол опрокидывали... А там уж рыбы целые лежали с головами да хвостами, ну и каждой брал часть рыбины, которая больше нравилась. А сладкие пироги обязательно сверху медом поливали. Если свежий или мазали, кусками поверху мёд-от ложили. Пироги-то иногда не все съедали, мякиши да середину в первую очередь ели, а корки да горбушки в печи подсушивали, в мешочки складывали - да на полаты. Зимой-то это главным лакомством для ребятки было. Залезут на печку, на полаты ли, из мешка сушённые пироги вытаскивают и похрустывают да похрумкивают: зубки точат...

К пирогам напитки всегда в глиняных кувшинах подавали. Кому молока парного, ребятки его с крошками любили. В кружку сахару ложек три, четыре утопят, пока взрослые не видят, да крошек хлебных сверху набросают, да малину, если лето. Мой брат меньшой, Павлушка, только так и ел-пил молоко парное. Да шло с кружкой под корову бегал. Бабушка Семеновна доит, а он рядом подле ожидает: когда ему в кружку плеснут либо подоят... А взрослые квасом пироги запивали, у каждой хозяйки свой рецепт кваса имелся, да по наследству передавался.

Ну а мужики кумышкой (самогонкой или бражкой) потчевались - праздник ведь!.. Напиток-то этот тоже в каждом хозяйстве или в огородах варили. И чего вот вроде сложного, а нет у каждой хозяйки по - своему то и кумышка да и бражка получалась: кому-то в голову сразу ударяла, кому смелости прибавляла, кому сразу в ноги падала - он и обмяк весь. Знатно бражку на солоде наша соседка Прасковья готовила. Аржаной солод в больших чугунах, да глиняных крынках в печь она на сутки ставила. А когда сусло сварилось, замешивала его в бочке с дрожжами да сахарными головками и на печь - дозревать. Дней десять, пятнадцать бражка дозревала. Старики пробу раньше иногда сымали: вдруг готова. А уж как поспеет, так ковшом по кружкам да стаканам разливали и гостей угощали. Иные парни бывало и хмелели по-первости сразу, дак в пруд вниз готовой ныряли, фыркали да приговаривали: «Хороша бражка у Прасковьи!..»

А какой дух-от перед праздниками в воздухе витал - голова кружилась!.. На улицах никого нет: ребятки по полатам сидят,

пирогов горячих ждут, мужики самокрутки крутят, табачком делятся друг с другом на крылечках, дожидаются терпеливо, даже домашняя скотина не мычит, не блеет, не хрюкает, не лает, не мяукает - знает: хозяйкам некогда. А уж как пироги-то испекутся, хлеба поспеют, бражка созреет, да кумышка наварена и на стол просится начнёт - вот тогда и зашумит, заживет деревня!.. Все жители не просто земляками были: всех связывали ещё и кровные, родственные узы.

На Петров день председатель колхоза даже приказ издавал (разрешал): «...Чтоб деревня Черепаны три дня гуляла. А чтоб скотина в эти дни людям не мешалась: пущай соседни деревни Селетки, Солоды да Починок коров на эти дни поят и доят, да на постой, пока праздник в Черепанах, к себе возьмут, да по избам и дворам расквартируют!..» А в домах и во дворах, столы бабы с девками накрывают: ребятишки туда - сюда снуют под ногами, мешаются (им праздничная сутолока всегда по нутру приходилась). Девки наряжаются, парни гармони настраивают - все к празднику готовятся. Петь, играть, гулять до утренней зорьки можно! Петров день наступил!..

*За околицей деревни
Собирается народ,
Ох не зря, не зря наверно
Закрутился хоровод.*

*Ах, не зря гармонь запела:
В ней души Российской суть,
Каждый знает, сделал дело -
Можно малость отдохнуть.*

*Ведь в деревне, всем известно,
Коль гулять, так пыль столбом!
И веселью мало места
Даже в поле, за селом!*

Кумышка

Дружно в деревне черепановцы жили: помогали, по надобности всем, и родственникам и соседям. Помощь эта - помощью звалась. Вот если надо кому дров заготовить, печь русскую сбить, а то и срубы для бани, сарая, стаи или избы срубить; урожай зерновых собрать: хлеб сжать, в колны связать, свозить в овины на лошадях, просушить, а потом смолотить и просеять через веянки - для таких работ помочь завсегда собиралась. А чтоб угостить работников кумышку варили, напиток ячменной такой, градусов под 30. Строго наказывали за это дело, одну бабу даже на 3 года, говаривали, посадили. А чаще, ежели застукивали - на землю кумышку выливали. Перед незнакомцами, проходящими, мужики клялись, что никто из них даже не знает!.. И не догадываются!.. что в Черепанах кто-то кумышку варит!..

Много историй с кумышкой связано было и забавных, и курьезных и печальных. Однажды к Никифору родственник Ефим из соседней деревни шёл, да знал, что ждут его и кумышку варят. Решил подшутить и встречному пареньку шепнул, что милиционер Зарубин идёт следом, а дядька Никифор кумышку варит. Паренёк сразу и предупредил дядьку: кумышка в огород, под куст была вылита и все следы от работы запретной спрятаны. Вот Ефим на порог, родственника Никифора обнимает, в предвкушении. За стол его усадили, хозяйка закуску носит, гостя дорогого угощают. А хозяин, Никифор, всё на окно да дверь поглядывает, милиционера ждёт. А Ефим уж и нервничает: что-то кумышку не подают. «А что,- говорит, - вы таки скупы стали, гостя ждали. а не наливаете?1..» - «Да вот — говорят, - милиционер по деревне ходит, пришлось всю кумышку в огород на землю вылить...» Ефим не признался, что подшутил над Никифором и над собой, быстро обратно собрался. Угостился...

А вот как - то мамка одна, Мария, тоже кумышку в бане варила. Да ей срочно по делам отлучиться надо стало, по большой нужде... Она дочке своей, Агрипинке наказала за варевом смотреть, никуда не уходить. Ну а ежели и ей нужда вдруг приспичит: брата позвать, да посудину другу поставить, если наполнится прежняя. Мать на задний двор пошла, а Агрипинка решила проверить, загорит ли у неё кумышка али нет. Она однажды видела, как мать поджигала, но не

утлядела, что в ложку кумышка налита была. Спичку девка поднесла к струйке тоненькой, что из трубочки капала. Да тут всё враз и вспыхнуло: весь аппарат в огне. Испужалась Агрипинка, из корыта воду ковшом зачерпнула и на огонь плеснула. Огонь не унимается и в посудине уже горит, она ещё воды, да услышала, что мать возвращается. Тогда отверстие трубки, откуда кумышка бежала, ладошкой закрыла. Пожар был потушен, но дыму полна баня. Мать двери открыла, дым выпустила, Агрипинку отругала... А та стоит, молчит, губы от боли покусывает, да руку обожённую за спиной прячет... Девка за порог, а там соседский парень стоит, улыбается. Он всегда над ней подшучивал, и тут увидел и частушку затянул:

*Пина баню затопила,
Коромыслом дым валит.
На всю улицу кричала,
Мишка мыться не велит.*

А Агрипинке не до смеху и не до частушек, Рука то болит, жжёт, почти до мяса кумышкой обожгла. Попробовала, как горит...

Но кумышку вся деревня варила, по очереди, так и прятали аппараты самогонные быстро. Когда в деревню чужой кто шел, аль милиционер Зарубин заглядывал - так подсанчики уж сразу самогонщиков упреждали. А когда наш земляк, Афанасий Степанович Нелюбин, председателем Большесосновского сельпо стал, так звонил даже иногда: «У нас, - говорит, в трубку телефонную - сейчас в ларьке заготовительном в обмен на всякое тряпье ненужное, да и нужное, да на макулатуру - конфеты, подушечки списанные дают. Оне слипшиися, на продажу пускать нельзя, а для перегону самое то!.. Да и ребята ваши, хоть один раз в жизни конфетами наедятся... Объявите там мужикам, кому надо самогонку гнать, а сахара жалко - так пушай тряпки, одёжу старую, да и нову можно: фуфайки зимние, да тулупы, зипуны и шубы везут. Лето пока жаркое, не замёрзнут, до зимы далеко, а там что-нибудь сообразят, оденут. Не впервой полуодетыми ходить... Да привет горячий землякам моим и поклон всем!.. До свидания...»

Так вот, для самогонки такой рецепт был: замешивали в бочонках на 150-200 литров закваску из вареной размятой картошки да пригоршню головок хмеля или чашку солода, да ржаной муки да сахара хоть со стакан бросали туды. Несколько дней ждали, когда

закваска эта, барда значит, поспеет. Зимой дома, на кухне, в голбце, в подполье значит; а летом, чаще в банях или в черёмухах за огородами Артамона Савельевича, варить начинали. Там место глухое, ложбинка, да со всех сторон зарослями черемуховыми огорожена. Когда барда готова - так в котлы ее агромадные закладывали, да деревянные или металлически трубки приделывали. Воду холодную ключевую в корыто наливали, чтоб пар конденсат создавал. А дырки все тѣстом ржаным залепливали наглухо, кроме той, из которой напиток хмельной капать будет в посудину каку. Дрова под котел коротки ложили, чтоб чуть-чуть кипела барда-то. Вот нагонят кумышки да сразу по бутылкам разольют (Бутыль - четверть). И стоит она не тронута, ждет часа своего, помочи. Понемногу конечно пробовали, в ложке поджигали - мало ли что, вдруг невкусна, или градус не тот.

А уж после помочи все работники в дом заходили, за большие столы с яствами усаживались. Столы тогда ломились от угощений: тут и пироги различны румяны, да каждой размером с пол стола, холодец из пороссячих ножек, винегрет, суп жирной с мясом, кисели всяки гороховы да картофельны и конечно бутыль с мутной жидкостью - кумышкой. По стаканам ее разливали - угощались все и сразу хмелели, но никто не напивался. За столом да плясками хмель быстро проходил. Умели люди черепановские веселиться, песни раздольные попеть. А певуны какие были, слезу прошибают, петь зачнут дак. Они и в гостях, и на помочах, и на угорах да и на посиделках пели. Знали, что «Кто играет и поёт, того горе не берёт!..» Всех певуний и не вспомнить, и не перечислить. Голосистыми были: Анна Андреевна Селеткова, Павлинья Федоровна Черепанова, Анисья Никифоровна Черепанова, Акулина Сергеевна Сальникова, Фаина Автомоновна Черепанова, Евдокия Титовна Селеткова, Мария Гордеевна Селеткова, Агрипина Гордеевна Басманова (Селеткова), Степанида Евсеевна Шадрина, Евдокия Мерзлякова, Екатерина Баталова. Из мужиков и парней запевалами были Автомон Савельевич Черепанов, Александр Хохряков, Фёдор Мерзляков да братья Сальниковы: Алексей, Василий, Иван.

А бардой, отходами-остатками, коров да свиней потом поили, не бросать же добро. Понемногу в пойло лили, чтоб не упали сразу, с

радости такой. А уж скотина тогда: коровы да свиньи целую неделю пьяными в обнимку с мужиками ходили. Задирали всех, шатались, песни под окнами горланили, а домой не шли. Бабы их еле уговаривали поестъ прийти да на дойку... Придут... Постоят... Дадут себя подоить, покормить, погладить, опять бардой попоить, да и снова за ворота бежать... Где засыпали - там и спали, по всей деревне валялись, кверху копытами. Молодежь гуляла, дак спотыкалась даже, а они сразу не разобрав, в драку кидались, со сна-то, шепутными становились... А услышат как девки с парнями на угорах поют: тоже на угоры падают да лезут, подпевать сразу начинают и перепевали даже: глотки-то у них поболее, лужёные. Замычат да захрюкают, так в соседних деревнях сразу догадываются: в Черепанах помочь была и кумышка уже вся выпита...

Деревенские гармонисты

*...Негромко гармошка поёт за окном,
Мелодии с детства родные...*

*И видится вновь мне родительский дом
И лица людей молодые...*

Деревня - то наша, Черепаны всегда славилась гармонистами да частушечниками. Почитай в каждом доме по одному, а то и сразу по два гармониста было, а частушечников никто никогда и не считал: поголовно пели все. Гармони, гармошки, гармошечки, двухрядки, трёхрядки, хромки - родители с ярмарок Вятских да Сарапульских привозили сразу!.. как только начинали робяток - то рожать. Да на берегу пруда, что в Крестах, договаривались, каким гармониста рожать: первенцем али позднее чуток...

А уже когда младенец - гармонист родится, так ему вместо колыбельной отец «Барыню» или «Камаринскую» наигрывал. Ребёнок ещё в колыбельке берестяной аль деревянной качатся, да в потолок смотрит, а там уже грамота музыкальна нарисована «до, ре, ми, фа, соль, ля, си». К полугоду, пока в люльке лежит: грамоту нотную осиливат. А уж когда ползать начинат, так к гармонии допускают, учится с тяткой в три, а потом и в четыре руки играть. К трём годкам сам уж гармонь на колени заволакиват. Сидит, а из гармонии только чуб торчит, да руки клавиши перебирают,

двигаются. Концертну программу для родителей с младшими братиками да сестрёнками показывать начнёт. Как по-настоящему по-правски, объявлят номера самодеятельные да их исполнителей. А голосишки-то ещё не окрепшие, детские, больше повизгивают, чем поют, да слова не все выговорить могут. Смешно конечно получалось, но родителям весело: «Артисты да и только. Гармонист будущий растёт! Все девки деревенские твои будут».

А уж парень-то когда подрастёт, так с другими гармонистами на Анисьиных, Титовых да Гришиных уторах сойдутся, да друг перед дружкой, да деревней всей, давай наяривать поочерёдке или вместе все. Така музыка над Черепанами плывёт, так не только девки с бабами визжат да пляшут, а и избы-то бревенчатые ходуном начинают ходить, мебели покачиваются, посуда и та ойкает да вызванивает на полках-то под их частушки да припевки.

Разойдитесь гармонисты,

Не шатайтесь дерева.

Дайте-дайте ходику

Веселому народуку.

Раздайтесь, народ

Меня пляска берёт.

Без гармони, без дуды

Ходят ноги не туды.

Сорок ёлок, сорок ёлок,

Сорок ёлочек подряд.

Нынче вон какая мода -

Девки сватают ребят!..

Отцы-то тогда уже приструнивали гармонистов ухарей. Мол, снова нам табуретки чинить надо. Из всех мебели-то табуреткам всегда уж больше всех доставалось. Очень гармонистов они любили: даже из под них плясали и по - отдельности. Сами ведь невелики, почитай до коленка взрослому, высокому гармонисту доходили, а туда же: плясать надо. А уж плясать как зачнут, да вприсядку, так «У-у-ух!.. Держитесь крепче, ноженьки еловые!..» Распляшутся когда, да из четырех-то ножек одна, аль две, останутся. Остальные в куче с половиками на полу валяются, да всё ещё в такт частушек подпрыгивают, танцуют.

**Гармонист устал,
Запинаться стал.
Принесите молока -
Напоите игрока.**

Не одни посиделки, вечёрки - не обходились без наших гармонистов. А если вдруг заартачатся, дак меха гармони растягивала Лилька - Ульяна Родионовна Сальникова (Глушакова теперь уж). А девчата звонко пели, подразнивая да подзадоривая парней - гармонистов:

**Заиграл гармонист
Из Подкаменной горы,
Повалилися гребёнки
У меня из головы.
Ухажёров у нас много,
Хоть на рыночек веди.
Хоть на рынке продавай –
По копейке отдавай!
Дайте круг вы шире, шире.
Разойдусь, так разойдусь!
Я девчонка боевая
И парней я не боюсь!..**

Иногда молодёжь: парни с девками на уторах собирались и в соседние деревни с гармошками шли да всю дорогу частушки пели:

**Растяни гармошку, друг!
Выйдем за околицу.
Как в былые времена
Пусть гуляет пол села.
На угорах в Черепанах
Я клубнику собирал.
Влез на Подкаменную гору:
Все коленки ободрал.
Самовары закипели,
Девки замуж захотели,
А ребята не берут -
Девки голосом ревут!..**

***Я любила Черепановских -
Сейчас люблю других
Солодовских да Селетовских,
Вязовских, Кряжевских!***

Да это ещё только разминка была, в будни-то дни!.. А что уж в праздники-то делалось!.. Как играли гармонисты - то наши!.. И переливали, и басами, да попарно, трио или все залпом!.. Гармони у них в руках сами пели, плясали и даже плакали...голосами разными!.. Да не только частушки слушала тогда деревня долгими зимними вечерами, но и старинные печальные песни наши бабки пели, вечерами у кудели сидя:

Кругом , кругом огни горят,
Кругом всё тишина
И весь народ спокойно спит.
Не сплю лишь я одна...

... Ходила я в лес по малину,
Малину я там не нашла.
Нашла я там крест и могилу
Котора травой поросла...

А дед Автомон Савельевич свою любимую затягивал:

***Окрасился месяц багрянцем,
Где волны бушуют у скал.
Поедем красotka кататься,
Давно я тебя поджидал!..***

И раздольные песни лились одна за другой: «По муромской дорожке», «Когда б имел златые горы», «Гремела буря, гром гремел», «По диким степям Забайкалья», «Варяг». А среднее поколение запевали: «Расцветали яблони и груши», «Пропел гудок заводской», «Что стоишь качаясь, тонкая рябина». Ну а молодежь, конечно предпочитала частушки. Всем подыгрывали гармонисты в праздники. А когда праздник «Петров день» подходил: так со всех проулков, Заулов и улиц гармонисты, к центру деревни, ко Крестам сходились. По дороге весь народ черепановский подбирали. Первыми, как всегда, подростки бегут, прыгают, скачут, до ушей улыбку на лицах несут. Самыми счастливыми они тогда были, пока не выросли. За ними горделиво в разноцветных платицах ситцевых да штапельных девки - красавицы шагали, а потом уже бабы в

полушалках ярких, да парни с мужиками в нарядных косоворотках и фуражках. Замыкали процессию старшее поколение: деды да прадеды бородатые, бабки и мамы стары в платочках светленьких, беленьких. И праздник начинался под переливы разных мастей гармоней, гармошечек с веселыми прибаутками да частушками.

*На деревне Черепаны
Я растягивал меха.
Хорошо ли плохо ли
Да только девки охали!*

*Эй, девчонки, хохотушки,
Запевайте - ка частушки!
Запевайте поскорей,
Чтоб порадовать гостей!*

*Не хвались, что ты красивый -
Не красивее людей.
Не тобой ли на конюшне
Напугали лошадей.*

*Я в деревне Черепаны,
В бане чёрной родилась,
Сажу снегом оттирали,
Меня в холстину пеленали.*

*Раздайся, народ.
Меня пляска берёт!
Пойду, выйду попляшу,
На Черепаны погляжусь!*

*Дайте кругу, дайте кругу,
Дайте кругу шире мне!
Дайте мне повеселиться
На родимой стороне!*

В разное время пели гармошки братьев Фёдора, Михаила, Аполлинария Сальниковых; сестёр Ульяны Сальниковой (Глушаковой) и Галины Сальниковой (Агдам); Леонида Григорьевна; братьев Ивана и Михаила Щелкуновых; Петра и Федора Мерзляковых; Юрия и Александра Каракуловых; Павла Сальникова; братьев Алексея, Василия и Ивана Сальниковых; братьев Михаила и Федора Черепановых, Николая Феопеновича Сальникова...

Да всех и не припомнишь. Все играли... А кто играл, тот ещё и пел, плясал!.. А как плясал!..

Модницы

Говорят деревню мода стороной обходила. Ну нет! Не правда это! А сколько модниц да модисток-то у нас было! Вот как принарядятся девки да молодки в ситцевые да штапельные платья с отложными воротничками да кружевными манишками, моднячими галстучками-бантиками и выйдут из дому... У Евдокии Черепановой платье - сине в крупный горох, у Анны Шадриной - зелено в цветочках полевых да садовых, у Анны Сальниковой - полосочку фиолетову, у Марии Селетковой - в клетку крупну оранжеву, а у Фаины и Раисы Черепановых платья - в узорах всё затейливых, да птицах райских, да в пастельных тонах... Отрезы на платья в магазине покупали, а наряды себе сами, по ночам шили, при свете луны, ну правда, которым и мамки помогали - не без этого. Машинки швейные «Зингер» почитай в каждом доме были.

Да и други модницы, сёстры Жужговы: Васса, Раиса, Елена, да Тамара им не уступали. Бусы яркие на шею лебединую наденут, узким ремешком талию подхватят, на плечи платочек али косыночку узорчату накинут, на ножки ботики, ботиночки резиновые или туфельки лаковые с пряжками, поверх носочков оденут и идут, словно уточки, по пруду плывут... Парни тогда со всей округи: из Вязовки, Ларят, Луговой, Починка и даже Верх-Потки сбегались на них поглазеть. А подходить побаивались. Деревенские-то робята своих девок в обиду не давали, только посмотреть пушчали, издаля...

А Агрипина Селеткова с Натальей Сальниковой, да Екатерина Черепанова с Галиной Сальниковой, да ещё Евдокия с Анной, тож -

Сальниковой: шибко любили веночки из полевых цветов плести, да в них форсить. Только где на угорах цветочек аленькой появится - так он уже у их, в веночке на головке красуется. Венков наплетут: так и платков не надо. С песнями, с полянок, с угоров спустятся, да по деревне, красуясь, пройдутся... Духмяно, запашисто сразу вокруг становится: лучше одеколонов да духов заграничных...

Помад да красок каких, тогда не было, так природа нашим модницам помогала. Глазки да веки - угольком чернили да подводили, щёчки да губки свёколкой румянили да подкрашивали, а мучкой белой пудрились.

А махоньки девчоночки тоже взрослыми хотели казаться - так вату подкладывали в бюстгальтера, сразу будто и росточком - то больше становились, выросли и на улицу важно выходили, красовались...

Но для парней наших, черепановские девки в любом наряде были самыми красивыми, милыми и желанными...

Фасоны нарядов сами придумывали, модельеров не было. Зайцевы да Юдашкины ишо не родились. Да и телевизоров, журналов модных никто не видал. А вот если кто в город ездил, так там наряды выглядывал, да срисовывал, а уже потом в деревне модницам и объяснял, рассказывал. Так вот тогда и свои модистки появились. Одежку таку шили, что иные городские заглядывались, да фасон снять просили... Да и натурально всё было: и девки, и краски, безо всякой химии, в отличии от городских-то. И никто, ничего себе никуда, не накачивал... Вот как модницы в деревне - то нашей были!.. Да...

Закадычные друзья

У нас много молодёжи-то было: парней да девок на выданье. А самыми закадычными друзьями были Левонид и Петро. Про таких говорят: «не разлей вода». Ну хотя Левонид-от годика на два постарше был, но никогда уж друга не обижал возрастом, в его положение входил. А тут время и женихаться подошло. На Левонида девки заглядываться стали. А что, парень видной: высокой, статной. Из под фуражки чуб кудрявый, на глаза свисат, улыбка загадочна, открытая, глаза томные с прищуром. А как выйдет на улицу вечером, да с гармошкой через плечо, меха растянет - так ноги у девок-от

сами в пляс просятся... Ну а Петро, конечно всегда рядышком, подбочениясь, ходит, от друга ни на шаг не отстаёт. Девки-то к Левониду льнут, словно он пряник какой медовой, а от Петра отмахиваются: «Молод ишо!»

А в деревне летом гулять до зари некогда было: то посевная, то сенокос, то уж и уборочная, горячая пора - жатва наступила. И тут друзья всегда вместе, один другому в работе не уступат, да и помогают, если что. С раннего утра, порой и не выспавшись, молодежь уже кто коров доит, кто телят пасёт, а мужики да парни в поле. Жаркое время, техники почитай не было, всё вручную. Вот и стали тогда городских девок с Губахинских заводов привозить, к сельскому труду приучать. Эти-то против деревенских тихонь, сразу всех парней в оборот взяли. Сами липнут, на колени садятся, на лавках дескать холодно, обморозиться можно. Заигрывают, а если что, и в драку лезут из-за парней. Ну а нашенским парням и в радость: учиться ведь тоже на ком-то надо, своих жалко, да и сраму потом не оберешься...

А Левонид уж больно до женского-то полу охоч был. Вот вечерами они с другом в соседнюю деревню лыжи - то и наострили, бегать значит начали туды, где девок городских расквартировали. Ну Петра девки сразу отшили, близко к себе не допускали, мол: «Молоко ишо на губах-то не обсохло!» Вот и стоял он поодаль, друга дожидался, когда тот нагуляется. Одна девка, Галинкой звать, черненькая да смазливенькая такая, сразу на Левонида оба глаза и положила. А парню пора в армию идти, а она на сносях. Пришлось сразу через военкомат и в загс бежать... На другой день Левонида в солдаты забрали, кудри молодецкие на лысо сбрили... Петро конечно и на свадьбе его погулял, в армию проводил, письма писать стал про житьё - бытьё деревенское, шибко тужил по другу-то. А Левонид-от писать никому не любил, и жене тоже. Взбрыкивать начал: в армии девки иногда случались, попадались... Жена забеспокоилась, почувствовала, так к мужу с брюхом-то и поехала, да к начальнику евойному, с жалобой. Ну а тот уж по - армейски накрутил Левониду хвост-от, прыть поубавил малость. А уж из армии, отслужив, в деревне и дня не прожил: Галинка его сразу к себе в город увезла, на шахту пристроила. Даже с другом поговорить не дала.

А Петро к тому времени подрос, да первым танцором на деревне стал. Без него и танцев-то не зачинали. Парни местным самосадом баловались, самокрутки курили исподтишка, в руках, отцов побаивались, а девки, сбившись стайкой, в уголке, семечки лузгали, на парней да дверь подглядывали, ждали... Ну уж когда Петро-то приходил - так сразу в круг!.. и ну ногами-то кренделя выписывать, аж половицы стонали: «А-а-а-ах!..» Девки сохнуть по нему начали... А городских к тому времени уж перестали возить... Петро в обиде на девок был, в город поехал, да там и обженился единожды. И жену-то взял, себе под стать ладную, весёлую, заводную. Она магазином заведовала, престижная профессия была! Кому-то товар подороже продает, себе чтоб не в убыток кому-то подешевле, а кому и за даром отдаст. Хорошего да черепановского человека сразу видеть!..

А девки деревенские поздно Петра-то оценили, локти с досады кусали... До сих пор с кусаными локтями живут !..

А друзья теперича хоть и далеко друг от друга живут: по интернету созваниваются, новостями делятся. У обоих дети взрослые и внуки подрастают. Только вот шепутные говорят: есть в кого!..

Киномеханики

В были-то времена в деревнях, кроме свадеб никаких иных развлечений не было. Да и когда развлекаться. С утра до ночи одна работа: семью свою и город надо было прокормить: «Спайкой» это называть стали. Ну и город навстречу нам пошёл. В каждую деревню с Украины киноустановки привезли, «Украиной» прозвали, да где в красну избу, где в конюховку, клубов-то не было, и поставили. Вроде и жить веселей стало...

Тут и киномеханики появились, пришлые. Ну а потом уже и свои нарождаться стали. И как-то повелось, что их всех Николаями стали звать, киномехаников-то. Как родится в деревне где младенец Николай, так соседи в один голос посмеиваются: «Киномеханик родился!» А район-от Большесосновский большой: киномехаников много надо. Бабы эко дело прознали и давай рожать киномехаников. Почитай в каждом втором дворе, Николай растёт. А киноустановка в деревне одна. А работа чистая, престижная. Это тебе не на гусеничном тракторе по полям трястись да рычаги скорости

переключать или баранку на «Беларусе» или «Тапочке», да машине полуторке по бездорожью крутить. Сиди в тепле, в уголке да фильму крути...

Народу полна изба набьётся и стар и мал, яблоку некуда упасть: оттого и не росли яблоки то у нас... Да и чудно всем: как это? По белой простыне люди бегают, словно живые, да ишо по-нашему разговаривают. Ну многие конечно за простыню заглядывали, не спрятались ли там кто. А уж про деревню если фильму кажут: так будто про нас и наших свинарок да пастухов. Фильм-от, когда привезут, так деревня сразу пустела. А киномеханик Николай и не торопится... Гордой такой, вокруг установки ходит, важность на себя напускает. Не спеша ленту вставляют, на народ-от и не смотрит: вроде и нет никого - один он тут. Все терпеливо ждут, молчат, покудова... А уже когда тонка лента порвётся, часто случалась така беда, так и отводят душу-то: парни в два пальца свистеть зачинают, ребятня об пол босыми ногами бьёт, бабы с девками уши закрывают, а смельчаки даже кричат: «Киномеханика на мыло!» А он нервничать начинат, торопится, спесь-то сбили!.. Плёнку склеит и снова тишина. Все, затаив дыхание, фильму смотрят. А ишо бывало плёнку, загодя киномеханик не проверит, не перекрутит, так фильму с конца начинали смотреть. Опять шум, свист, хохот. Смешно очень задом-то наперёд смотреть, или вверх ногами. Особенно ребятне така фильма нравилась, даже повторить просили. И всё-то хорошо было бы, да только начальство волноваться стало: слишком много киномехаников развелось и теперича они заместо изб клубы просят строить, да киноустановки новые им подавай. Надоело видите ли бобины (банки большие круглые, как колеса от конных телег) на себе таскать. Хорошо, у некоторых лисапеды, велосипеды значит, да мотоциклы «Урал» были. Так ведь не у всех. А если на две деревни крутить фильму приходилось?!.. Да на каждую фильму по банке, а если две, три серии, да ишо журнал - это уж обязательно!.. Политинформация деревне, словно хлеб, нужна была!.. Неграмотны ведь, в большинстве!.. Многие тогда Николай, киномеханики грыжу себе в разные места заработали... Да к тому времени ишо и Украина от нас отделилась, самостоятельности захотела. Сразу и дружба врозь, и киноустановки больше не поставляют, а прежние поломались.

Тогда сверху решили коренным образом действовать. Приказ пришёл: «Новые установки за границей купить, - разбогатели мол, - а бабам больше Николаев не рожать. Нова техника в киномеханиках не нуждается!..» Бабы конечно приуныли: рожать запретили, все на работу сразу вышли. Потом детские сады да школы пришлось позакрывать - детей нет, никто не рожат. Опять перегиб!.. Сверху опять приказ бабам шлют: «Рожайте, заплатим, только не Николаев, хоть и попривыкли вы к ним. Рожайте Альбертов, Эдуардов, Ричардов али Давидов, чтоб киномехаником даже имя не пахло!..» Немного времени-то прошло, бабы опять в отпусках, да на радостях и нарожали всяких Ричардов: «Новый мир, - говорят, - с ними построим». А Давиды эти, японски видеомагнитофоны да видеодвойки в кредиты набрали и давай деревенскому-то зрителю, уже в клубах, иностранные фильмы впаривать: мелодрамы, комедии всякие, боевики кровавые, ужасы про мертвецов и - эротику. Про неё в деревне даже не знали, у нас её не было!.. Все поначалу думали, девка кака иностранна, пока не посмотрели её, эротику эту. Только теперь местное население с претензией к начальству: дескать отдельну комнаты надо, для переодеваний. Фильм-от смотришь, так и вправду комната бывает нужна. Но предприимчивые американцы и тут сэкономили наш бюджет: памперсы предложили. Милое дело!.. Сиди теперь спокойно в памперсах-то, а размеры от грудничкового до пенсионного, смотри хоть кошмары, хоть эротику эту прокляту... Больше всего переводчик всех пугал: он один все фильмы озвучивал. Голос металлический, да как закричит или зубами-то заскрипит на самом интересном, интимном месте: так бывало и памперс не спасал. Эти киномеханики быстро разбогатели на доверчивости-то деревенской, да в города укатили.

А местное деревенско население поумнело: «Хватит, - говорят, - делать дураков из Рассейских мужиков!..» Все себе телевизоров понабрали и сидят по домам, да в любую погоду, по тарелке триколоровой новости али фильму каку смотрят. Клубы опустили, и киномехаников не надо стало... Ну а детей-то, бабы рожать не перестали. По-всякому теперича их называют: и Николаями и Ричардами, да и старинные русские имена не забывают. Именами наших прадедов да отцов нарекают. Появились Савелии, Игнаты,

Егоры, Святославы да Ярославы Мудрые, Данилы да Владимыры-красны солнышки. Вот какие развлечения да киномеханики были.

А в нашу деревню Черепаны фильмы привозили раз в месяц, брали по пять копеек за билетик... крутили в «конюховке...»

Гужевой транспорт

На конном дворе у нас лошадок около пятидесяти было. Разных мастей: и чёрные, и вороные, и белые, и рыжие «в яблоках наливных»... Для улучшения породы, и чтоб сбоев в работе не было: им трёх племенных жеребцов привезли, и сразу всех на воинский учёт поставили, как солдат. Конюшными заведовал тогда Фёдор Иванович Щелкунов. Спозаранку он уже хозяйничает: стояла вычистит, в ясли, кормушки значит, свежего сена подбросит, да каждой лошадке в отдельности овса даст в чашечке, посудинке маленькой. Овёс для лошадок был словно конфеты для ребятки. А потом и разговаривать с ними начинат: разнарядку всамделишную проводит. Одну лошадку поблагодарит, а котору и пожурит за вчерашний денёк. А затем наряжат тяжеловоза «Арденко» - навоз с фермы на поля возить: ему уж завсегда самая тяжёлая да неблагодарная работа доставалась. Телегу или сани ему так нагрузят, вдсятером сдвинуть не могут, а «Арденко» везёт да пофыркиват. Мерину «Сивко» - молоко в Петропавловск на молокозавод вести; «Потапу» - за учениками в Солодовскую, а затем и в Петропавловскую школы; «Воронухе» - за товаром ехать, с продавцом, аж в Большую Соснову, а не как обычно в Петропавловск; А «Сивухе» - очередь выпала скотину колхозную пасти - под начало пастуха поступает и под роспись; а остальные - под присмотр бригадира да учёткича, на сезонные работы. Случалось и выходные некоторым давали по причине плохого самочувствия, али занеможет вдруг, или жеребёя. Таких и на лёгкий труд переводили: жалко ведь скотину - это вам не баба двужильная... Любил Фёдор Иванович животину, отданную ему под присмотр. Втайне от жены, когда и кусочек чёрного хлебушка, сухарик или сахарок припрятет и принесёт. А уж любимицы-то ждут, чувствуют, мягкими губами ладони его мозолистые, шершавые целуют: благодарят...

Летом часто лошадок в ночное водили. Днём - то они робили, а как смеркаться начнёт: они в поле, на прогулку. Отдыхают, травку зелёную щиплют, валяются в ней, играючи. Ночь всяких шорохов полна и неожиданностей, а лошадки боязливые животные: вот им и приходилось задние ноги попарно связывать, путать значит, чтоб не убежали вдруг далеко от звуков ночных. А конюх костерок разводил, на ярко-красные да оранжево-жёлтые язычки пламени любовался и немного дремал в тишине такой. Ну а если подростки - старшекласники, молодёжь деревенская к нему навевались: вместе печёнки в золе пекли, и прямо чуть очистив, с золой ели. «Самая: - говаривал, - полезная для желудка еда». У костра ребята и игры разные затевали: через пламя костра прыгали, в прятки играли, песни пели, подражали стрёкоту кузнечиков, скрипу коростелей и соловьиным руладам. Да разные «лошадиные истории из жизни» конюха слушали. «Все лошади у нас смирные были, кроме одной, Вассой её нарекли. По виду спокойная лошадка, как все. И на любую работу, ежели с бабами идёт - безропотно везёт. Ну а уж если нарядят с мужиками куда ехать: ожидай сюрпризов. Может ни с того, ни с сего на рысь перейти, если матерно слово от кого услышит или шутку похабну. Да ладно бы пошла вскачь, так из под хвоста - то фонтан забьёт да всех сидящих в санях, едет и поливат, окатыват водичкой вонючей: «Не ругайтесь похабники!...» Как до места, до работы доведёт, словно вкопана станет. Мужики слезут с саней-то, с них ручьём бежит... А на дворе зима... И все работники от них носы воротят, разговаривать не хотят, хохочут... А бывало хоть сколько понужай, медленно плетётся, да вдруг как рванёт и на крутом повороте всех из саней выбросит. В другой-от раз уж едут да помалкивают, али другу кобылу просят...

А ещё одна лошадь была, «Лаптем» звали. А она вовсе и не лошадь была, а мерин. Может поэтому и обижалась, обижался, на кличку такую «Лапоть». Вот и вредничал, норов свой показывал, как будто испуг изображал, на ровном месте спотыкался. Но он немного прихрамывал. Часто его запрягали ребяташек в школу отвезти, они по дороге баловаться начинают, он пугался и мог на бок завалиться вместе с санями. Вознице, часто один из родителей сопровождал школьников, не до смеху: надо сани вытаскивать из сугроба, поднимать да и лошадь на дорогу ставить. Порой «Лаптя» и

перераспрягать приходилось... А ребятам столько веселья было: кубарем в снег скатятся и дурачатся, не хотелось им из сугроба вылазить и в школу ехать...»

Вот так и ночь проходила за рассказами да разговорами. Под утро, когда на травах уже роса лежит, туман начинает медленно опускаться да и влажность по лугам идёт, босыми ногами, словно ребятня, шлёпат, ступат... Холодно-ватно становилось, прохладно - тогда табун лошадей домой гнали. Перед работой немного отдохнуть коням да лошадам полагалось в родных стенах, да перекусить в стойле своём. Подростки - старшеклассники, и молодёжь горазды были конюху услужить. Иногда и подменяли его: в ночное ездили, опять-же на лошадках верхом там можно было покататься да и девок прокатить, лихо погарцевать перед ними.

Частыми гостями и работниками - помощниками на конюшне были: Яков Шадрин, Георгий Нелюбин, Леонид Григорьев, Пётр Семушин, Георгий Сальников, Александр Черепанов, Леонид Нелюбин, Александр Хохряков, Леонид Черепанов, Виктор Васёв, Леонид Сальников. Они помогали и навоз с ферм да телятника на поля вывозить (погрузка вилами и разгрузка), а в посевную, уборочную страду, и на сенокосе они за вожжи брались и работали наравне со взрослыми. На них уже можно было положиться, и доверить лошадей...

Фёдор Иванович за своими подопечными зорко следил, на ночь всегда на замок амбарной конюшни закрывал, ежели не в ночное. Случалось крали лошадок, поговаривали, что цыгане заезжие. У нас не крали, опасались староверов-то... О здоровье табуна он заботился, вовремя доглядывал. В кузницу водил, новые подковы просил, чтобы по бездорожью лошадки идти могли и не калечиться, да справно всю работу выполнять. Всё ведь на них держалось! И землю весной и осенью пахали, и боронили да сеяли по весне. Летом сенокосом занимались: косили, на конных граблях сгребали, валковали, копны к скотным дворам возили (фермам, телятнику, конюшне) да и работников на покос и другие полевые работы подвозили. Летом ещё ивовые да хвойные веники для скотных дворов заготавливали, так лошадки ребяток, 10-15 лет, в лес да на луга, где ивняк рос, возили. В любое время года и в любую погоду различные грузы доставляли: ежедневно утром и вечером фляги с молоком с ферм на молокозавод

в Петропавловск, осенью и зимой - заготовка дров (в хозяйственных помещениях, в конюховке, в школе, в магазине: везде было печное отопление); подвоз учеников по понедельникам и пятницам в Солодовскую и Петропавловскую школы. Зимой ледяную воду конюх из проруби пруда во фляги ведром черпал и на ферму вёз.

В последние годы на конюшне работали одни Фёдоры: Фёдор Иванович Щелкунов. Фёдор Васильевич Петрунин, Фёдор Сальников, Фёдор Дмитриевич Романчук (Григорьев). Сколько поколений выросло, сколько столетий прошло, а основным транспортом гужевой был. Кроме ласки скупой, сена ароматного, овса да травки сочной: ничего больше лошадки и не требовали от людей. Да всегда уж были послушны, на любой окрик возниц слушались и останавливались: «Но!.. Ну, стоять!.. Тпру-у!.. Т-п-р-у-у!.. Ну, пошла... родимая!..»

Не зря умом-то блистали

По ночам не всегда спокойно в нашей деревне было: и двуногие и четвероногие гости приходили. Так на ферму да телятник, то одного, а то и двоих сторожей нанимали. Кто не сторожил, так не знает: кака эта трудна, опасна и тяжела работа на скотных дворах. Вот Прасковья Григорьевна Вдовина сказывала: «Не только по ночам, но и днем иногда скотина пропадала. И ведь вроде вся на виду, в поле, на лугах да угодьях пасется и пастух конный при ей - далеко видит. А ночью все на скотном дворе закрыты и сторож не спит, снаружи и изнутри коровники да телятник пасет. Вот како-то время проходит, смотришь, а одной телёнки али коровы самой бодливой нет, как скрозь землю провалились!..» И спросить не с кого, но все-же на волков да на цыган списывать стали, они и из под носа могли украсть...

А уж Прасковья Григорьевна такой ответственной женщиной, положительной, да работающей была. И собой недурна, а очень даже пригожа. Только видать не повезло ей в молодости, мужчин война забрала. А уж после войны мужиков мало осталось, да и не встретила она своего единственного, а кабы за кого не пошла. Вот и вековала век одна, у сестрицы родной жила, у Марины. А любовь

свою нерастраченную её ребятишкам отдавала, без остатка, всю. У них словно три мамки было: бабушка Зинаида Ивановна - мамонькой они её звали, мама Марина и мама - тетя Паня.

Когда Прасковья Григорьевна на работу собиралась - ребята уроки учили, больно уж страсть к наукам - то у них большая была!.. А уж потом, под вечер или на ночь к ней в сторожку (кормокухню, кочегарку), при скотных дворах, бежали втроем, кто постарше: Алеша, Васятка да Ванятка - так она лаского их величала. Парни-то сноровистые, ловкие, шибчей управлялись: и кормушки почищают, свежего корма коровенкам да теляткам положат, ежели те не спят конечно; полы от навозу вычистят, выскребут лучше бабы какой. Больно уж чистоту любили, хотели, чтоб и скотине, как людям, хорошо да светло жилось. А под утро (когда механизма появилась) и транспортер включают. Милое дело: не руками, а по транспортерной дорожке навоз-от из фермы выплывал да сразу в короб из виц плетённый, али телегу лошадиную (что уж поставят). Если лето, так лошадки удобрение это, органическо, на поля сразу развозили, чтоб не пахло сильно, да доярки со скотниками не тонули в ём. А зимой в бург, кучу такую большую, валили до весны.

Вот всю работу приработают и вокруг телятника да ферм по десятку раз каждой обегал: спортом занимались, тренировались - молодые дак. А по ночам свету нигде не было. Прасковья с лампой керосиновой ходила, без неё опасалась. Она, как всяка настоящая женщина, мышей да крыс боялась. А может и не очень боялась, но племянникам говорила: «Ой, боюсь, боюсь их, длиннохвостых да ушастых!..» На фермах да в телятнике, крысы завсегда себя хозяевами чувствовали, там где их боялись, конечно. Они жадны, голодны да злы первыми к кормушкам бросались и ели, а скотину не допускали. Наедятся, так тут и лежат, пузо чешут... Тогда и коровы с телятами кушали - остатки то всегда сладки... А с емя не везде и боролись: ночью заходили в коровник, а там светло как днём. У них глаза-то словно фосфором светятся, горят, и ровно светлячки повсюду бегают: под полом, да вдоль кормушек... Сторожику они не боялись, ну может так, чуть-чуть. А уж когда ребят завидят, увидят значит: так со свистом, да через головы друг друга, по метру в длину, ширину, и высоту в отворёны ворота убегали. Лежат за угором, прячутся, притаются значит до времени, и пережидают, когда

домой можно будет возвращаться, когда наконец ребята уйдут... Хитрые бестии, не хотят, чтобы их на вилы острые, словно на шампур насадили (скотники ловили их так)...

Да только вот племя их ушастое уж очень быстро размножалось, как кролики, на колхозных-то дармовых кормах. Дак парни что придумали, не зря умом-то блистали!.. Они собачку маленькую выдрессировали, да на крыс охотиться научили и называли её соответственно «Крысолайка». Вот в очередной раз, ребята на службу с тётей Паней идут, и собачку обученную, «Крысолайку» на поводке ведут. А крысы, как обычно в яслях валяются кверху пузом, лапами сытые животики поглаживают, зевают... Собачонку увидели, поморщились: «Что за химера такая? Ни кошка и ни собака. Малец какой-то к нам в гости пожаловал!..» А собачёнка с разбегу одной горло рванула; другую, словно боксёр, в нокаут отправила; а третья - сама на вилы напоролась. И свистопляска началась... Под утро племянники Прасковьи по транспортёру всех крыс с навозом отправили...

А чтоб в коровниках да телятниках всегда светло было: стены известью (она у них в огороде под ногами валялась) побелили, да краску туда светящуюся люминисцентную добавили: сами изобрели - не зазря умом-то блистали. В колхозе ребятам: Алёше, Васятке да Ванятке, благодарность объявили: «Вы,- говорят, - будущие светила, «светочи вы наши!..» и по трудодню каждому выписали. Да и родителям и Прасковье Григорьевне тоже по бумажке дали - грамоте, «За достойное воспитание подрастающего поколения...» Вот так-то!..

Райская ягода

На угорах Черепановских столько ягод к лету поспевало и не сосчитать. Только самый ленивый тогда варенья не наваривал, а таких-то у нас в деревне отродясь не было. Про леность, так - к слову пришлось.

Ягодной-от сезон с весны ждали. Одну семью, поочерёдно каждый год, наряжали следить за ягодником. Ближе к ним, к ягодам, в Рябиновке, у Подкаменной горы жили. Да и название у них соответственно ягодам было: Рябиновка. То и разница, что у них на

дереве, а клубничник на полянке зелёной, на угоре, родился. А гора, Подкаменное, сама высока не только в деревне, но и во всём районе Большесосновском была, тута прежде смотровой пункт был в древние времена. Предки наши с её, окрестности ближни да дальни оглядывали, да об опасности али беды лихой население предупреждали, осторожничали всё. А щас други времена: никто уж на нас больше не нападат - бояться видать!..

Так вот, семья, ответственна, с конца мая на ентом месте, на Подкаменном, на горе, дежурство организовыват да наблюдают за ростом ягоды. Вот уж клубника в цвет пошла, зацвела, словно невеста на выданье. Все угоры окрест словно белым снегом усыпаны становились. Аж в глазах рябило от белоснежности-то такой. А серединки у цветков желтой краской сбрызнуты: словно солнышком ласковым зацелованы. А по цветочкам пчёлки рабочие, шмелики трудолюбивые да бабочки беззаботные порхают. Кто пыльцу собирает, а кто и так резвится, порхат, солнышку и дню чудесному радёхонек...

Да и деревня будто по-другому жить начинала: все сразу веселыми да улыбчивыми делались, радовались. На улицах да Заулках даже дорогу друг другу уступали: «Проходите, - говорят, - пожалуйста, мы уж после вас поспешам. Не торопно нам...» Хотя улицы да Заулы широкими были и разойтись могли даже две тройки лошадей, но все так. уважение землякам оказывали. Предчувствовали, что клубника скоро уж поспеет...

После цвета зелёненька, махонька ягодка появлялась, с головку мураша примерно. Ответственные дежурные, ежедневно специальной линейкой-рулеткой её измеряли, чтоб до нужных размеров выросла. И только тогда уж ей и зреть дозволялось, наливаться краснотой значит. Трогать ягоду никому до времени не разрешалось, хотя ребятишки похаживали, поглядывали да облизывались на недозрелость-то клубничную. Взрослые сразу их стювали, ругали, оговаривали значит, даже грозились наказать. А уже когда ягода поспела, созрела вся, да вкуснотой-то красной налилась: так в деревне будто второй праздник, Петров день начинался. Смотрители, с вечеру, о готовности ягоды докладывали ребятишкам, чтоб те радостную весть по деревне разнесли. Ночью даже деревня не спала: всё ворочалась, проспать боялась: даже тёс и солома с некоторых изб да построек лёгких съезжала...

Утром, едва в окно солнышко заглядывать да подмигивать своими «солнечными зайчиками» стало: так все уж на ногах и на уторы - бегом!.. Бабы с девками споро идут, опоздать к первой ягоде бояться. Все в нарядные домотканых, штапельных да ситцевых платьях; на головах платочки белые с каёмочкой по краю, на ногах лапотки али сандалии легкие (у тех, кто побогаче); в руках бидоны да ведра повизгивают, драг с дружкой боками целуются. За ними вприпрыжку детвора босая в рубахах-косоворотках с туесками берестяными. Все уторы тотчас цветными становятся, до того они только, от ягод красными да розовыми были. А теперь и синь, и голубизна, и фиолет, и зелень с перламутром: от одёжи праздничной делались. Да и тишина плыла над уторами, только кузнечики посвистывали, стрекотали, отвлекали ребятшек: а рты-то заняты были, ягоду клубнику пробовали на вкус. А уж когда полны-то посудыны наберут, так сразу шум, говорок, смех, да и по традиции - все фоткались. К тому времени фотографа выписывали, для закрепления сбора ягоды. Садились прямо на уторы, поверху, семьёй поочередно или с роднёй, с соседями, а то и с подружками. Посудину с урожаем ягод на первой план ставили, да и смеялись, ожидая когда, кака птица из окошечка у фотографа-то вылетит...

Домой возвращались с песнями да сладостным ароматом клубничным. А там мужики уж поджидали: в огородах, в самодельные печурки, да таганки дровишки подбрасывали, они уже искрили огнём-пламенем красным; да в тазах больших, котлах сироп сахарной закипающий, мешали. Бабы сразу варенье начинали варить, помешивать ложкой деревянной да пробовать. Ягоды варили с листиками, что на ней росли. «Тута главна витамина живёт, - бабушки говаривали, - с ей и нужно завсегда варить. Варенье тогда клубнично, слаще меду получатся, словно нектар райской». А мужики ребятне уже ложки-щепочки деревянные выстрогали: «С емя вкуснее пенку ись». Вот варенье закипать начнёт, заклохочет, забурлит, словно вулкан какой, да из самой середины пенка появится и на края красно розовой волной... рекой льётся!.. Бабы ложечками пенку хватают за подолы-то, сымают её с краёв, да ребятне - в посудину. А те, облепят чашку-то, щепками пенку черпают, улыбаются от сладости да блаженности такой... Наедятся - и бегать на улицу! Тогда уж и взрослые пенку есть начинают.

Мужики подшучивают над бабами, порой и ущипнуть за мягко - то место норовят, играют... И за костерком приглядывают, чтоб не пригорело варенье, а то прогоркнет, припахивать будет... А тут к пенке и деды да мамы стары подсаживаются... Да старики тоже подшучивают, пенку-то не в свой рот заносят, а старухе своей, ровно перепутали... «Обознались, - говорят, - со слепу - то...» Да разговор неспешной идёт: «Вкусна нонче ягода-то, не то что в прошлом годе... Райская ягода - клубника наша черепановска... Слаще ягоды нету на всём белом свету!...»

А на угорах трава ягоды - клубники начинает понемногу засыхать, да отдыхать ложится, до следующего урожайного году...

Рыжиковый хоровод

Когда клубника-то на угорах сходить начинала, так место-то свое излюбленно, рыжикам уступала. А оне уж повсюду росли: и на Черепановских угорах, и в Разлогах, и на Вятском ключе, и на Курочкином угоре и под Бедокладом, на возвышенности, в вереске...

Больше всего конечно любели на угорах селиться, среди ягодной травы, да тоже большими семьями, как все черепановцы. На самих-то угорах больше травяны рыжики были, женски. Оне, как и девки, всегда на виду хотели быть, чтобы все их видели, да любовались имя. И росли воронкой вверх, гурьбой и большим хороводом. Да и, уж очень нежны были да хрупки, даже застенчивы... Стеснительны... Чуть надавишь - может сразу и шляпку отбросить и ножку откинуть. С имя осторожность, бережность нужна, как с барышней городской. А ещё они небольшие лукошки да корзиночки, корзинки любят, а не нонешны полиэтиленовы пакеты. В такой травяных наберешь - так домой с пюре придешь: ломки очень, искрошатся, перемянутся все...

А в соснячке, в вереске да в ельничке растут боровики - мужики. Да до чего ядреными бывают!... Ноги толсты - не обхватишь, шляпы круглы, словно абажуры, да вниз закруглены, губасты. В соседней республике, в Удмуртии их губниками зовут, а похлебку губницей. Да видать оттуда к нам и мода пошла - на губастых-то девок. Они словно сдурели нонче все: губы себе силиконом каким-то надувать стали. Вроде как на рыжики-боровики хотели быть похожими что ли. Но кто-то ошибся: то ли дохтор, то ли девки. Они теперь больше на

жаб, с губами-то шестого размера похожи стали... С имя даже самой старый боровик целоваться не захочет!.. Деревенской конечно, а городским, говорят, ндравятся силиконы - то те. Грибов что ли, оне в свое время наелись не тех... Таку природну красоту погубили!..

А цвет-от у рыжиков яркой, рыжей, солнечной: ни с кем не спуташь. Да и в отличии от травяных они не гурьбой, а мостами, да по линейке растут. Предпочитают, чтоб за емя с большой корзиной ходили или даже с ведром... С нашими черепановскими рыжиками лисички хотели подружиться! Смеху - то было!.. Они аж по пятам за нашими робятами-рыжиками первое время бегали!.. Но те ни в какую: «У нас, говорят, своя семья: рыжикова-черепановска!.. А вы красивы конечно и не мнетесь, как наши девки - травяны, но вы не хрустящи... Вы же как резина каучукова, не жуётесь... Хоть сколько вас в роту-то держи, жуй-жуй, а не запаху, ни хрусту, ни удовольствия!.. Как жвачка американска: зуб неймет, да и больше вы на синтетику похожи... А мы же естество любим... Обиделись лисички, к соседям ушли, в Запасы... А наши боровички растут себе, да своего часа ждут. А пока травяны в травке прячутся, загореть сильно боятся, а боровики - иголками шляпу посыпают, чтоб дух-от лесной игольчатый впитался в их...

Поход за рыжиками тихой охотой зовется. Грибники с раннего утра собираются: лукошко, аль корзину, с вечера припасёну, возьмут да нож поострее. Без ножа за рыжиками не ходют. Если они увидят, рыжики-то, что мужик, баба аль девка кака без ножа идут - так сразу схорониться пытаются, прячутся. Травяные - в траву, где поглубже залезают, а боровики в мох зарываются, сверху целой ворох иголок ложат. Без ножа грибник и не грибник совсем, а пюрешник, бракодел или лесогуб какой-то!.. Он же все перероет, словно кабан какой и рыжик-то вместе с грибницей вывернет!.. Потом на этом месте - хоть трава не расти. А уж рыжики тем паче... Они от охоты такой расстраиваются, с затаённой обидой уходят в друго место, подальше от людей. А настоящий грибник со сноровкой, с осторожностью подходит, да со всем уважением и поклоном: шляпу-то сымет да часть ножки, а уж остальное место, родимо со спорами-семенами в земле оставлят, на племя... Да ишо место это хвоей закидат, чтоб не пересохло, да друго потомство вырастило...

А людей вообще-то рыжики любят и с удовольствием к ним

погостить идут, да и остаться там в качестве угощения. Особенно имя нравится появляться на столе жареными да со сметаной деревенской, только лучка просят зелененького или репчатого, по сезону, для красоты. А чеснок не больно любят: «Пахуч да жгуч, - говорят, - он нашу вкусность перебивает!..» А женски рыжики конечно вкуснее: во рту тают... да только попискивают, с хрусткой... Но уж мужской-то боровичок один съешь и наелся, а женских много надо, чтоб голод-от утолить... Вот так наверно и в жизни: одной бабы мужику не всегда хватат... Насытиться не могут... Так и от других, немного откусывают... по случаю...

А ыщо рыжики солят. Да там они, словно селетки селетовские, в бочках зимуют. Конечно тесно имя там, да и цвет солнечной теряют, иссиня-зелеными или даже черными оттуда вылазят, словно негры как африкански... Но уж вкус-от исконно русской: ёлками да иголками сосновыми пахнут... Они даже с собой в бочку за ухо иголки ложат: для аромату. А уж зимой-то: аппетит во время еды приходит, да под Новый год... На столе само почётно место им отдают, рядом с пирогами подовыми да картошечкой разваренной в одеже, в мундире значит. Как наипервейшее блюдо подают!.. Да опять в сметане, да с луком колечками!.. За уши едоков не всегда удавалось оттащить: «Нигде вкусней ваших рыжиков не ёдывали, ароматней и пахучей!..» - говорят. А ещё из них пироги вкусны получают. Кусками-то их нарежут - так они без приглашения сами в рот прыгают, успевай только рот-от открывать... А хрустят-то как!.. Даже зубы да язык-от радуется еде такой!..

Умели черепановцы гостей угощать кушаньями разными, не заморскими, а своими, родной стороной данными: тогда и еда и питье были только в сладость...

Мы играли в чечки

В детстве игрушек, как сейчас у детей, у нас не было. Мы играли в чечки. Это такие черепки, осколки от битой глиняной и фарфоровой посуды, а также и стёкляшки разные, стёклышки. Не продавали в магазинах деревенских игрушек, да и не на что было купить. Но однажды родители из городу привезли нам с сестрой по кукле. Мы их вначале даже трогать боялись, - боязно было, они живыми нам

казались и какими-то неземными. Обе с голубыми глазами, нарисованными розовыми щечками, курносыми носами. А уж платья на них какие были! Нам даже такие и не снились. Одна в розовом, друга - в голубом. Платья с рюшечками, бантиками. Обе куклы в кружевных панталончиках, белых носочках, крошечных туфельках. В волосиках ленты атласны в тон платица.

Мы из дома, весь день играть не выходили: все на куколок любовались. У их и имена на ярлыках были: Маша и Катя. Спать мы легли конечно с куколками. На другой день похвастаться решили, подружке Оле, соседской показать. Она из города к бабке своей кажинное лето приезжала. Весь день, уже втроём мы с куколками играли: По улице их за ручки водили, водичкой ручки мыли, туфельки сымали и одевали, пеленали в тряпочки красивые и по очереди водились, словно с младенцам, на ручках убаюкивали. А под вечер, домик для них из коробок бумажных соорудили, да в кровати из лоскутков и спать уложили...

На следующее утро проснувшись, мы наспех по кружке молока с сестрой выпили и с куском хлеба, побежали к своим куколкам. Домик был сломан, в кроватках никого не было. Подружка Оля во двор нас к себе не пустила. А у дома, на еёном крылечке, сиротливо лежала туфелька куклы Кати... Мы опять играли в чечки...

На улице дождик...

Много сирот в после военное времечко было. Нещадно судьба-то их хлестала: холодом, голодом морила да больше униженьем да злобой людской. Вот и в деревне нашей в каждом третьем доме сиротки росли, то отца, а то и матери не было. Да ишо «Мор», энтот по деревне ходил от избы к избе, колотушкой своей стучал, да стучал: каждого второго ребёночка забирал. А может и к лучшему: их ведь одеть, обусть да накормить надо-ть. У каждой бабы тогда по двенадцать, пятнадцать робяток рожалось, таки урожайные года-то были... Хлеба не всем хватало, а они лезли голопузые...

Вот и у Лазаря жена, Наталья, в 34 года померла, видно от родов, каждой год по ребёночку вынашивала. Да ни дня от фермы колхозной не отлучалась - вот и надорвалась. Четверых ему оставила. А каково мужику-то одному с сиротками горе мыкать. Он

и обженился, да тоже вдовушку с двумя дочками взял. Думал «Вот и баско все сладилось: девки еённые - моим погодки». А нова жена Степанида, при муже даже и ластится стала с пасынками да падчерицами. А уж его дома нет - так злее бабы не сыскать. Всё недовольна, всё унижат всячески сироток. Парнишек, Кирилла да Панфила, едва им десятый годок пошёл, побираться по деревням отправила с сумой. Да строго настроено-настроено наказывала, чтоб домой пустыми не возвращались, да и чтоб не съедали по дороге милостыню. «А то,- говорит,- вашим сестрам Агриппине да Акулине ничего есть не дам!...» А сестренкам: одной три годика было, а другой четыре. Вот парни и старались, хорошо хоть деревни дружно строились: в полверсты, да чуть поболее друг от дружки. Придут они в деревню, стоят под окнами, какие-то песенки детски, а скорее взрослые поют:

*...На улице дождик с ведра поливает,
С ведра поливает - брат сестру качает...
Ой, люшеньки, люли, брат сестру качает...*

Конечно домой приходили хоть не с полной сумой, но и не с пустой. Жалели люди сироток, особенно в непогоду. А Степанида лучшее из милостыни своим девкам скормит, а падчерицам да пасынкам, словно скотине какой, кусок-от бросит, так он и в рот не всегда лезет. Да и девок-то она гоняла, хоть и махоньки были, а уж ведра полнёхоньки в корыто поила свиньям натаскивали, курам каждодневно крапиву рубили да с посыпкой мешали; полы мыли и даже одежду стирали...

Лазарь оговаривал иногда жену, а она: «Лентяйками вырастить хочешь дочерей-то своих. Я сызмальства всё в дому своём делала, вот такими и их рошу!...» А своих родных девок берегла, что до обеда спят, словно и не видит. Вот парни подросли, так родственник забрал их к себе, пристроил на завод тракторной в город Челябинск. Вначале они в подмастерьях ходили, а потом уж кузнечному делу обучились, так и остались там, в городе. Пару раз домой приезжали с сестренками повидаться, посвиданькаться, но мачеха отвадила от поездок. Да и Лазарю сказала: «Больно богаты стали, таку даль ездют. Лучше-б деньгами подмогли, перевод отправили...»

А Агриппина с Акулиной в родном дому словно наемными работницами жили. Всю хозяйственну работу на них постепенно

Степанида свалила, а по десять лет исполнилось: на ферму работать отправила. Они ишо и ростом вроде невелики, сидят под коровой, доят, а доярка и не видать... С вечерней дойки придут, да что-нибудь неладно мачехе скажут, так голодными и спать уходят, в свой угол, а когда тепло - дак на на сеновале переночуют... Утром уж и домой не зайдут, а сразу на ферму. А там коровушкам своим корма по кормушкам разложат пораньше, да и сами ладошечками махонькими возьмут немного из кормушки отрубей с травой перемешенных и поедят в обнимку с буренками. Да все крадучи - как увидит кто, так и в тюрьму могут посадить за колхозно-то добро. А уж чтоб молочка по полкружки в рот налить или в каку-другу посудину: об этом никто никогда и не думал. Строго так все было, каждой литр не учёте. Да и заведующая, а ей Степанида была, шкуру не одну спустит. А куда девкам деваться-то было? Ждали только одного, чтоб скорее вырасти, да замуж выйти за любого: лишь бы от мачехи подале...

Нерадостно детство проходило... Весной смотрят: на угорах парнишки, где земля чуть оттаёт, в ножички играют «Землю делят», а потом и в «Русскую лапту», «Шар-бабу», «Цепи кованные», «Вышибалку», «Волейбол», «Салки» и догонялки всякие. Да и девчонки, их ровесницы в классики играют, а зимой на санках с угоров, по склонам вниз катятся. А в праздники, на Пасху, почти во всех дворах, родители качели для своих детей ставят.

В одном конце деревни самый большой двор у Щелкуновых был. Так там ребятни по десятку и боле ежедневно собиралось. На качели девки: Пина, Наталья, Мария, Евдокия, Анна, Финия, Раиса, Ульяна с Галиной усядутся. Кто за доску держится, кто друг за дружку, а парни: Юра Сальников, Лёня Шадрин, по бокам, на качели станут, сами за верёвки крепко держатся и ну девок качать! А Юра Вшивков, снизу качели раскачивает, да к ним впрыгиват...А на угорах, на общественных высоченных качелях качаются парни, девки и молодёжь, что постарше, да и взрослые: всем весело!.. Лазарь тоже для своих хочет качели сделать, а Степанида ворчит: «Когда им качаться-то, вон скотина в стойке орёт, не кормлена, а твои всё шатаются где-то. Поди опять на угорах летают, с ребятами хороводятся, хоть и малы. А ты всё их защищаешь!..» Лазарь с женой не спорит, а про себя подумат: «Может и вправду бегают с парнями,

да там и на качелях покачаются...»

А ребятня малая, по угорам бегают с полными карманами яиц крашенных, только лбы друг дружке, под битьё, подставляют. А потом яйца крашенные вниз катят и за ними вприпрыжку бегут, иной раз и наступят и плашмя на крашенку-то, яйцо пасхальное значит, растянутся в полной рост, вниз катятся: кто «всмятку», а кто и «вкрутую!..» Веселье! Хохот, шум, смех!.. А их никуда Степанида не отпускала. Не бегали они с ребятами по угорам, не катали «крашенки» с горы, не качались и на качелях ни с парнями, ни со Степанидиными девками... Только дом и ферма, даже школу толком закончить она им не дала: по 3 класса да 4-й коридор... Когда люди спрашивали: «Почему девок у вас, которы Лазаря нигде не видно, и в школу через раз ходют и с другими деревенскими ребятами не играют?» Так посмеивалась: «Да ленивые они. Ничего их не интересует; даже учиться не хотят. И людей сторонятся, нелюдимыми растут - дома, говорят лучше...»

А тут как-то парни в колхоз приезжали, что-то на ферме наладить надо было. Аппараты в моду входить стали, чтоб доярки присосками своих буренок доили. Два наладчика-слесаря на Агрипину с Акулиной засматриваться начали, а те робеют, к вниманию не привыкшие... От каждого шороха вздрагивали, боялись всего, да и глаза всё под ноги, на сапоги да ботики свои драные смотрели... Но парни девкам тоже приглянулись, только молчат. Степанида углядела связь эту мимолетну, да к парням - мол я согласная, сватайтесь. Так и просватали девок. Увезли обеих в город, на завод молочной устроились и живут, говорят, очень даже неплохо! В ударницы выбились! На районной Доске Почёта портреты обеих висят!.. Житьё с мачехой и не сравнить... Правду люди говорят: «Нужды не увидишь - и в добре не походишь...»

А Степаниду судьба «наградила...» Девоч её никто долго замуж брать не хотел - лентяйками выросли. За чужими зорко смотрела, а своих и упустила. Да потом и им парни нашлись, но только ненадежны попались... Часто выпить любили, работали спустя рукава, с места на место прыгали, «летунами» таких звали. Да и девок Степанидиных обижать, поколачивали... Раньше ведь груш-то резиновых не было, на которых боксеры тренируются. Так вот они, зятья-то, на своих бабах и тренировались, заместо «груш» их

держали. Вино в голову им ударит, сразу смелыми делаются, куда бежать!.. Руки чешутся, энергия кипит, а кого попало ведь не ударишь - сдачу дадут!.. Они домой, а там жена хоть лежала, хоть стояла - а «морду» подставляй... Вот в синяках-то дочери её и ходют... Да любят, говорят, иродов своих, одни остаться боятся, без мужей: «Что люди скажут?! Кому мы нужны будем? А так - всё при муже...»

Как народ-от нонче избаловался! Да раньше разве так жили, так пили, да слабше себя били?.. Словно опять крепостно право возвращается... Муж барин, а жена крепостна крестьянка, али «Рабыня Изаура» кака... Да и пословица права: «Как аукнется - так и откликнется...»

Беда

*... Из-за лесу, лесу тёмного
Из-за тёмного дремучего,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со ветрами, со погодями,
Со великими угрозами...*

Погода в последние года нас не шибко балует. Синоптики говорят, что климат резко меняться стал. Будто в небе озоновые дыры появились. В городах паровозов, поездов, машин много развелось: так дорог везде понастроили: и на земле, и под землей: и асфальты, и гравийки, и железны рельсовы, да БАМы всяки, Метро понастроили. Вот земля-то и стала из под ног уходить, бедами человеку грозит: пустоты заполнять нечем!.. Словно чёрны дыры не только в окиянах, но и на земле, на суше появляться стали. А заводы Демидовски какие «смоги» делают, да аж по всему Уралу ветер-от их носит... И в Черепаны, бабы говорят, уж залетал... В Разлогах оседать начал, так мужики тын-от из изгородей повыдергивали да в обратки его погнали, чтоб в деревне-то воздух чистой был...

А уж похолодало как!.. Как то зимой, в феврале, захлестнуло, в каком годе, кажись в 1952, больно сильные ветра, да вьюги с метелями были. Человека с ног сбивало, да во дворы всех загоняло: больше метру бело и не видать и улицы. В деревню, в таку - то

непогодь, цыганский табор приехал, все в кибитках, да на подводах с кучей ребятишек. Напросились переночевать и пургу переждать. Учётчик наш, он тогда за старшего в деревне был, Гордей Семёнович Селетков, сжалился над цыганами - да всех по избам определил. Только одна подвода осталась, так они сами, не спросясь, ворота отворили и к нему во двор въехали. Древнюю баушку-цыганку парни молодые на руках в дом внесли, да сразу на печь посадили. А цыганята, мал мала мене, за бабкой, кто на печь, кто на полати - устроились: только головки курчавые торчат, да глазки блестят. Жена учётика, Анна Андреевна, бросилась свои чуланы, амбары да сараи закрывать, а цыганка на пол-дороге её остановила: «Хозяйка, не торопись, не от нас, не тут беду ждать тебе надо... Не закрывай своё добро на замки от нас. Мы ничего без спросу не возьмём. Сама дашь - спасибо скажем, накормишь деток малых - поблагодарим. А так и кусок хлеба у тебя не исчезнет, всё на своих местах лежать будет...» Подивилась Анна на слова цыганки старой, ничего закрывать не стало, богато не жили. Да стол для гостей незваных накрыла. Что в дому было, что сами ели - тем и угостила, не поскупилась. У цыганят только ложки свистят, видать умаялись, оголодали да перемёрзли. Дня три, а может и боле, цыгане в деревне жили. Как только погода налаживаться стала, небо посветлело, ветер стихать стал: табор в дорогу собираться начал. На прощанье старая цыганка Анне Андреевне два камешка протянула, да строго-настрого наказала напоследок: «Ты баба вижу на сносях, робёночек родится, так Александром назови. С именем этим он большим человеком будет да и твоим защитником до последнего часу. А мужа свою пуще прежнего береги. Да камушки эти в одёжу ему вшей, под козырёк фуражки летней да отворот зимней. Камушки - оберег от беды большой... Не забудь, мы за порог, а ты сразу за шитьё!..» Но Анна не придавала значения словам цыганки, камушки куда - то положила, а за работой, и про них, и наказ старухи забыла...

А тут и весна пришла, время сева, правда холодно, но работа не ждёт, тихонько отсеялись. Раньше - то с маю по октябрь погоды жаркие держались, а сейчас ни весны, ни лета тёплого совсем не видать: все как будто осень моросью заливат. Да и гром с молнией часто сверкат. И овощ никакой не родится: в огородах только осот, да мокрица с лебедой...

Вот и сенокос подоспел, а с ним и беда... В июне, перед Петровым днем, вроде и дожить уж перестало и солнышко ласково греет, погода наладилась. Бабы с мужиками бригадой сенокос заканчивают, сено почти высухло, ароматно, ворошат. А тут вдруг откуда-то ветер подул. Подолы у баб загибают, с мужиков фуражки сдират, и сено разбрасывать начал, будто помочь хочет... А за ним, ветром, и тучи уж одна за другой набежали, да гром с молнией с собой привели... Гром-от в колеснице по небосводу ездит да тучку с тучкой сталкиват, баловался так. А из туч вода на сенокос колхозной полилась, как из ведра, да молнии сверкать начали... Потемнело сразу, ровно ночь глухая, злая пришла... Даже лошади грозу и беду почуяли: ушами прядут, есть траву перестали, вздрагивают да тихонько ржать начинают, домой просятся от беды подале... Недалече от покоса ёлка большая стояла - под ней бригада и спряталась. В поле один учётчик, Гордей Семенович, остался: торопился, на работу больно жадной был, прокосево измерял. Загремело вдруг, засверкало все - и он тогда, как все, под ёлку схоронился, забежать успел. А тут новой разряд громовой!.. Молния ёлку пополам расколола, в щепки расщепила, да сразу в четверых работников и ударила хвостом своим огненным... Упали они наземь замертво... Двоих откачали, привели в чувства, хотя обезножили они на несколько дней... А двое: Мария, баба многодетная, да учётчик Гордей так и остались лежать под еловыми щепками, не смогли им помочь: видно молния прямо по ним прошла...

В мирное время горе какое в деревню пришло!.. Когда домой, на телегах их везли, ребятишки босые, по колено в глине дорожной увязая, бежали: всё думали родители их встанут, проснутся от страшного сна...

На погосте схоронили... Вся деревня прощаться пришла... Молча стояли, головы опустив... Только не плакали, а выли детки малые, восьмером, в голос над могилой Марии, матери своей... И ревмя, ревели дети Гордея... Осиротели две семьи сразу... Мужик вдовец вмиг состарился, а баба Анна Андреевна от горя сгорбилась, и наказ цыганки старой вспомнила... Последнему ребенку её три дня от роду было, Александром назвала...

Молния сразу 13 деток сиротами сделала. Одни уж деток - сироток родители поднимали, как могли...

Фёдор

Фёдор родился вполне здоровым, жизнерадостным и желанным ребенком. К году уже твердо стоял на ногах и радостно гулил, когда к нему подходили старшие сестрёнки или родители. В два года неплохо говорил и даже пытался читать стихи. Под Новый год, в 3 годика, Федю первый раз привели на ёлочку в начальную школу. Он даже детские стихи к такому торжеству выучил и бойко прочитал по просьбе Деда Мороза.

*Мишка косолапый
По лесу идет.
Шишки собирает
Песенки поет.
Вдруг упала шишка -
Мишке прямо в л-л-л...ёб...
Мишка рассердился
И ногою топ...*

Взрослые долго смеялись, а ребята, вместе с Федей, понять не могли: «Почему так смешно?» Но когда Дед Мороз подарил по бумажному кульку конфет, да там ещё яблоко было! - ребягня простила смех взрослых за красивый стишок про «Мишку».

Подошла весна. Федя подолгу сидел на полу, в дверях избы, играл на ветру и простудился. Родители не обратили внимания на недуг сына, а он не простую болезнь, а минингитовую подхватил... И навсегда потерял и слух и голос... Стал глухонемым... Нелегко ему приходилось в жизни, по шевелению губ и жестикулирование, только понимал людей. Но говорят, если одна природа отнимает - другое дарит. Федора природа одарила обаянием, открытой приветливой улыбкой, художественным вкусом, трудолюбием.

Уже подростком. он с отцом изготавливал кухонные серванты, шкафы, шифоньеры, вырезал красивые наличники, делал детские деревянные игрушки. А ещё рисовал, в основном портреты: с натуры и по памяти. Карандаш, как у столяра, всегда был при нем, а вот с бумагой проблемы возникали. Но он никогда не отчаивался и даже на маленьком клочке газеты мог человека нарисовать. Время было тогда другое, никто не развивал способности Фёдора, он даже в

школе не мог учиться. Родители увлечением сына не интересовались, в колхоз устроили разнорабочим...

Так и жил Фёдор, работал как все, а рисовал все реже и реже: с годами объем работы увеличивался. Юность парню голову сносить стала. Да и девчата заглядываться стали, привечать парня - он не против: хорош собой, всегда приветлив, улыбчив и доброты необыкновенной... На праздниках деревенских и гулянках лучше всех танцевал. Прядь волос, чуб кудрявой, со лба рукой, назад закинет, подбоченясь, в круг войдёт - ему сразу место в центре освобождали. А парни и девчата ладоней не жалели, хлопали, когда Фёдор ногами чечетку выбивал. Как он музыку слышал, как танцевал под её ритм!.. - Одному ему ведомо было. Девки влюблялись. Ребята - сверстники даже завидовать стали, такой популярности. «Ну и что, - говорили девки, - что из того, что глухонемой. Зато не ругается, слов даже дурных, матерных не знает, пустые да пошлые разговоры не ведет! И с ним как-то так спокойно!..»

Девки в нашей деревне, да и не только, а повсеместно, мерзли всегда. Так у ребят на коленях просились погреться или под мышкой, а то и «пиджак сброшенный снимали решительно». А Федор всегда в пиджаке на гулянки-то вечерние выходил и даже напрокат ребятам давал, тем, кто попросит, чтоб солидней в пиджаке-то выглядеть. Да иногда шибко замерзших девок-то и на сеновале приходилось отогревать, по обоюдному согласию, конечно, а не нахрапом, как в городах больших. А Фёдор горячим был, девки любили подле него греться, а он и не отказывал уж, грел - которая сильно замерзнет дак... Вскоре у Фёдора и ребенок появился, первенец, Дима. Девка-мать в Удмуртию сразу уехала, от позора и стыда, незаконнорождённого родила... Затем и второй появился - Леонид, уже другая девка, не устояла от обаяния Фёдора, грелась видно долго...

Но родители строгие были, не одобряли выбор сына, не принимали ни ту, ни другую сноху. Но от внуков не отказывались, тем более, что были точной копией отца, Фёдора. Срочно невесту ему искать стали: поняли, что женить надо парня срочно, а то ишо кака - нибудь «не принесла бы от него в подоле...» Выбрали со стороны: нашли тихую, скромную, безответную девушку, которая пришла в деревню

наниматься в няньки, звали её Нюркой... Женили, так и привязали сына к семье, дому. Трёх детей подарила жена, Анна, Фёдору.

Работать ему приходилось много, чтоб семью содержать. О художестве как-то потихоньку и забылось. Редко рисовал: родители, а они жили с ними одной семьёй, рвали и жгли карандашные зарисовки и портреты, ругали сына... Он молчал... Всегда молчал... Улыбался только тихо, извиняюще... Не получился из него художник... Простым работником, столяром в семье жил...

Но детей своих очень любил: на одну ногу посадит или поставит и давай качать. Ребята-погодки визжат, ещё покачать просятся, да не понимают, что устал отец... А зимой лопатки всем троим как - то сделал и на крышу полезли, снег сгребать. Дети довольные, с папкой вместе работают!.. Он большой лопатой скоро работат, а ребята не успевают, хоть и торопятся. Тогда они решили отца перехитрить, на снег уселись, ноги почти в шпагате расшеперили и вниз с охапкой снега съезжать стали... Хорошо и быстро получалось, поначалу. Потом, внизу, в сугробах наваленных, то один застрянет, сам выкарабкается, то другой... А младшенький сынок, скатившись, по самые подмышки застрял и вылезти не может, верещит, голосом уж ревет... Пришлось Фёдору из сугроба его выкапывать, еле достал. Домой на руках принёс, а там опять от родителей взбучка. Младшенького внука очень бабка с дедом любили. Ну а валенки только на другой день откопали, с трудом нашли.

А тут на работе с мужиками двигатель от трактора переставляли. Мужики опускать начали, руки убрали, а он ведь не слышит, палец руки и раздавило... В больнице лечить не стали - обрезали, что с него взять, с глухонемого!.. Началось заражение крови, а затем и кровоизлияние в мозг. Может от давления, может и от боли... В 30 лет, с небольшим, Федора не стало... Сироток прибавилось...

Хлеборобы

Ты хлебороб - такая доля тобою выбрана навек...

В 1921 году глава правительства В.И. Ленин обратился к мировому пролетариату: «...Требуется помощь, Советская республика рабочих и крестьян ждёт этой помощи от трудящихся...» В Соединенных Штатах Америки было создано «Общество друзей Советской

России». В его работу активно включился Гарольд Вэр (Хэл). Кроме благотворительной помощи (Зерна, продуктов, денег, хлеба) он предложил организовать в России образцовое хозяйство с современной техникой, урожайными семенами, продуктивными животными и передовыми приемами сельскохозяйственного производства. Гарольд собрал с товарищами 75 000 долларов и купил двадцать тракторов фирмы «Кейс», один - фирмы «Фордзон», два грузовика «Форд», мастерскую с токарным станком и сварочным аппаратом, электрогенератор, 20 борон разного типа, 14 дисковых сеялок, молотилку, а также: семена, кровати, медикаменты, учебные кинофильмы. На машинах стояло клеймо: «Дар русскому рабочему от рабочих Америки». В состав группы вошли агроном, два механика, пять фермеров, врач и два рабочих. Они заключили контракт на полгода и обязались работать бесплатно: оплачивались только расходы на содержание группы. 20 мая 1922 года тракторная экспедиция направилась на теплоходе «Латвия» в Советскую Россию. В Либаве перегрузили технику на железнодорожные платформы и отправили на Западный Урал. 1 июня 1922 года прибыли на станцию Верещагино. Отряд направили в совхоз имени III Коммунистического Интернационала около Тойкино Оханского уезда, в 75 верстах от железной дороги... Этот совхоз был в свое время создан для снабжения продовольствием шахтеров Кизеловских угольных копей (шахт), строительства Кизеловской ГРЭС.

Основной проблемой, вставшей перед американским отрядом, было отсутствие горючего. Но на пути следования отряда проводились митинги, 8 июля - в Верещагино. 16 июля митинг состоялся в городе Очёр, затем в Большой Соснове и всегда в присутствии руководителей Оханского уезда, Пермской губернии, коммунистов и комсомольцев округа. Люди впервые увидели трактора...Лагерь раскинули в 4 км от Тойкино. Через день, обустроившись, трактора вышли в поле, на землю, которая не обрабатывалась много лет. Вместе с отрядом работали и местные жители, по 12-14 часов в сутки. Они удивлялись тракторам, а американцы - примитивным орудиям земледелия. 8 августа 1922 года в совхозе провели показательную работу тракторов для крестьян Тойкинского, Полозовского, Петропавловского и других волостей. Собралось

более 500 человек. Работали 12 тракторов с плугами, боронами, сеялками. За ними была хорошо обработанная широкая полоса земли. Для сравнения пустили в поле лошадок с сохой и плугом. Зрелище было ошеломляющим... Это убедило всех в преимуществе тракторной обработки. Американцы учили тойкинскую молодежь работать на тракторах, показывали учебные фильмы. Особенно удивляло их то, что при обмолоте зерно ссыпалось прямо в мешки, а солома рубилась на куски и вылетала из молотилки в трубу, в соломе не находили ни одного зёрнышка...

В 1923 году отряд переведен в Челябинскую губернию. Гарольд Вэр жил в России до 1932 года, стоял у истоков создания российско-американского трактора «Фордзон-Путиловец» в Челябинске.

Перед войной в Большесосновском районе заработало несколько МТС (машинно-тракторных станций). По одному трактору выделялось в небольшие колхозы. Колхоз «Труженик» тоже получил трактор «Фордзон-Путиловец». При МТС заработали курсы механизаторов-трактористов. Но вскоре началась Великая Отечественная война и молодых парней, только освоивших технику, забрали на фронт. За руль трактора сели женщины, молодые девушки. В Черепанах в с. Петропавловск при МТС нелёгкой, не женской профессией овладела Евдокия Родионовна Григорьева. Она была эвакуированной, после ранения, из Псковской области, да тут и осталась навсегда, в последствии замуж вышла. Евдокие только-только исполнилось тогда 18 лет. Нелегко было управлять такой машиной, особого ухода требовал к себе трактор, часто ломался двигатель. Кабина была открытая, а в непогоду и межсезонье приходилось и мерзнуть, и мокнуть под дождем. Всю войну Евдокия работала, как и все колхозники, не считаясь со временем и сутками. Помогала Евдокии другая отважная трактористка с Вязовки - Маруся Обухова. Вдвоем они обрабатывали черепановские, а потом и вязовские поля. Хотя работы было больше вдвое, но им казалось: так легче и быстрее... После войны Евдокия Родионовна работала дояркой на ферме, телятницей, пастушкой. Сын, Леонид, пошел по стопам матери: тоже выбрал профессию тракториста. После годичной учёбы, по направлению от совхоза «Солодовский», в СПТУ-74 (сельское профессионально-техническое училище) в селе Большая Соснова - он стал «Машинистом-трактористом широкого

профиля». И всю жизнь не изменял выбранной любимой профессии: работал на тракторах разных марок: ДТ-54, ДТ-75, МТЗ-50.

Практически все молодые парни, оставшиеся в деревне, получив направление от совхоза и обучались профессии хлебороба: машиниста-тракториста и комбайнера в стенах Большесосновского СПТУ-74. И парни и их родители были рады: в стенах училища приобреталась самая почётная на то время профессия; выдавалась спецодежда (фуфайки, шапки ушанки, брюки и сапоги); всех обучающихся бесплатно кормили три раза в день; предоставлялось общежитие. Преподаватели были квалифицированными педагогами, в теории и на практике дававшие великолепные знания. При училище работала и вечерняя школа, те кто не окончил 7-8 классов, могли сразу и средне-специальное образование получить. В стенах СПТУ-74 проучились и стали классными специалистами: Илья Григорьевич Черепанов, Юрий Сергеевич Каракулов, Елизар Поликарпович Нелюбин. Кроме трактора, они освоили ещё и комбайн, и во время жатвы сутками не слезали с СК-3, СК-4. Причём комбайны, как и первые трактора, были с открытой, продуваемой всеми ветрами кабины. Машинисты-трактористы: Дмитрий Григорьевич Черепанов, Федор Родионович Сальников, Леонид Федорович Григорьев, Герман Григорьевич Черепанов, Леонид Семенович Сальников, Илья Григорьевич Черепанов, Александр Федорович Хохряков с раннего утра и до позднего вечера пахали, бороили, культивировали поля. Помнили завет своих прадедов:

*Ты на земле рожден. Заветам
Далеких предков суждено
Тебе всегда, зимой и летом,
Душою слышать: сей зерно!
Ты на земле рожденный, в высь ли
Глядишь на звездное руно
Или веленьем острой мысли
Спешишь в глубины, - сей зерно!
Земля твоя! Она качала
Твоей судьбы веретено
И нет конца и нет начала
И вечной песни - сей зерно!..*

А во время сева, уборки урожая. осенней пахоты и посева озимых - работали по 12-14 часов в две смены круглые сутки. Пересменка была на полевом стане.

В зимнее время волокушей тянули скирды и стога сена, соломы к ферме и конному двору; ездили в лес на заготовку древесины для пилорамы; на рубку леса для хозяйственных и личных нужд колхозников (дрова). Трактора (6 -7 штук) оставляли на ферме: специального гаража для них не было. Поодаль была и заправка. Цистерна с соляркой стояли под навесом, там-же в бочках хранили и бензин для машин. Никто не охранял это место, каждый тракторист или шофер полуторки заправлялся самостоятельно, шлангом наливая в баки нужное количество. О кражах в то время даже и не знали... В зимнее время производили и ремонт техники. Если мелкий ремонт - обращались в кузницу к Автомену, Иллариону или Феногену. На капитальный ремонт гнали трактора и комбайны в Ново-Вознесенск, а оттуда возвращались водители домой в грузотакси (брезентом крытая полуторка). Автобусов не было. От Петропавловска до своей деревни, Черепаны обычно шли пешком, 12 километров.

А весной, чуть потеплеет, в апреле, начале мая уже гудели в полях трактора! Вспашка, дискование, культивация, сев по суглинку, а местами и по глине. Обработывали Осинное поле, Кряж, Гарюшку, Подкурочкин угор, Стрелку на горе Подкаменном. После сева, почти месяц вспахивали, поднимали пары, а если не успевали - вспашка продолжалась и после уборки зерновых культур...

Самое горячее время для хлеборобов было в августе-сентябре: уборка, жатва. Сажали тогда на черепановских полях рожь, ячмень, овес с горохом и отдельно овес, иногда гречиху, лен (его приходилось убирать вручную и он не совсем подходил для выращивания в наших широтах). Из трав выращивали вику и тимофеевку. И вот начиналась битва за урожай: в поля выходили комбайны СК-3, СК-4. Круглые сутки рычали моторы, в раскалённом воздухе плыл сладковатый запах свежубранного зерна, от уборочных машин клубилась пыль, медленно оседавшая на хлеборобов и на сжатое поле... Машины-полуторки не успевали отвезти зерно и его приходилось сваливать в вороха прямо в поле, на землю или на разостланный брезент. Водители Евстафий Гордеевич Селетков, Петр Феофилович Черепанов, Киприян

Иванович Жужгов на машинах ЗИС-5 и ГАЗ-51 подъезжали к ворохам, а там девки, бабы да и сами шофера вёдрами, зерно в кузов грузили, но работа продвигалась очень медленно... Потом уж Петр где-то погрузчик раздобыл, у соседей на время одолжил видимо, и уборка зерна из под комбайнов ускорилась... Зерно просушивали и поздней осенью везли на машинах и тракторах в мешках, в Оханск, Менделеево или в Верещагино. Обратно возвращались с комбикормом, усталые, но довольные: зерно свежего урожая принято!..

Это зерно, выращенное на местных полях, поступало и на черепановские мельницы. Мельники: Михаил Сергеевич Семушин, Киприян Иванович Жужгов и Федор Дмитриевич Романчук перемалывали его с особой любовью на муку. Вкуснейший хлебушек выпекали бабы в печах русских и кормили «своим хлебом» хлеборобов: трактористов, комбайнеров и шоферов!..

Отдыхали редко, только зимой, давали по 1 выходному раз в две недели. Но молодые трактористы успевали все-же после работы на пруду сполоснуться и погулять с девушками, иногда до первых петухов, песни попеть и под гармошку поплясать...

Мало в колхозе техники было, не всегда успевала она за распоряжениями сверху и мозолистыми сильными руками хлеборобов: шоферов, трактористов, комбайнеров, державших в руках баранку, рычаг передач и штурвал. Трудно кого-то выделить среди них отдельно... Работали черепановцы все на совесть, не принято было от работы отлынивать. Да в «тенечке» отлеживаться и отсиживаться - времена тогда были другие...

***...Всеу начало - плуг и борозда.
Поскольку борозда под вешним небом
Имеет свойство обернуться хлебом...
Не забывай об этом никогда:
Всеу начало - плуг и борозда...***

Хлеб - это труд тракториста, который посеял зерно; хлеб - это труд комбайнера, который его убрал; хлеб - это труд пекаря, который его выпекал с большой любовью...

Как Фёкла сыну невесту выбирала

Елизару, сыну Иосифа уж за сорок лет перевалило, а он всё «как баба ягодка в 45» холостым ходил, никак жену себе сыскать не мог. Смолоду не раз и не два, деревенску девушку к родителям на знакомство приводил. Так Фёкле-то всё не ладна была. То слишком конопата: «Будут пальцем тыкать - рябую взял; то курноса - ишь каку горду выискал, ей и слова-то поперек не скажи; то тоща - в доме така не работница, переломится ишо, когда чутун - от трехведёрной из печки доставать будет; а эта опять толста: не прокормишь, сами голодными ходить будет; у энтой походка кака-то разболтана, руками больно машет; а эта мала; энта - не так глянула...» Да так и не дала мать парню-то жениться. Всё видно прынцессу каку-то для сына ждала, чтоб по параметрам всем подходила. Да и сама уж не знала, каку Елизару невесту, да жену надоть. Муж Иосиф на смотринах только присутствовал. Ему девки почти все глянулись, что сын приводил, но против жены, Фёклы не хотел идти: ей ведь с невесткой печь-то делить придётся, да и хозяйство в дому вести...

А годы шли, на месте не стояли... Вот и девки, в округе, чисто все, замуж повыскакивали, только ручкой Елизару помахали: «Сколько ждать-то мол тебя можно!» Да и погодки - парни все давно своими семьями обзавелись, деток нарожали да и внучат в колыбельках берестяных покачивают. А Елизар всё один, при мамке с папкой, холостяком живёт. Сестрёнки младшие тоже замужем, упорхнули в город. На лето внуков деду с бабкой, племянников Елизару привозят. Он с ними нянчится, играет, будто со своими. Одна только радость у него осталась: чтение да рыбалка. Выучился читать у дьячка заезжего да и читал, перечитывал две книжонки, что тот ему подарил. А так всё больше, после работы, на рыбалке просиживал, мать с отцом да кота усатого Бакса свежей рыбкой кормил. Иногда Фёкла посмотрим на сына да подумат: «Красивой сынок-от у меня. Жалко, если жену найдет каку вдруг. Да успеет ишо, пусть нам, да девкам в городу помогат. Да и стареем. Можно и без бабы прожить, не один он такой. А девки современны вертихвостки все, испоганят ышо парня мово, пить да курить выучат. При нас пушай живёт... » Подумат так - да и успокоится сразу...

А тут как-то к соседям родственница приехала, разведёнка с тремя девочками. Елизар случайно, как - бы, её увидел, дак сразу в лице переменялся и на душе у него беспокойно стало. До этого дня, как соседску родственницу увидал, думал, что когда-то влюблялся, а оказалось - показалось!.. Места себе Елизар не находит, все поглядывают на бабу. Выслеживают, как с девочками она на пруд идёт, бельишко сполоснуть, аль половики простирнуть. Поодаль ходит, когда та за клубникой на угоры карабкается... И он, будто тоже ягоду клубянику захотел поест, туда же лезет, на угор-от, а подойти пока стесняется... Родители замечать стали, что с парнем что-то неладное творится, делается, будто на него порчу навели. Да и выследили, в чём причина-то. Фёкла за голову схватилась: «Околдовала соседска гостья парня нашего, а ведь не девка уже, а баба порчена!..» Да давай вдвоём, с Иосифом, Елизара уговаривать, умолять, стращать даже, чтоб на бабу ту не заглядывал: бесполезно... До этого всегда парень покладистой, да послушной был, что ни скажут - подчинялся: «Ладно», - говорил. Да все. как родители велели, делал. А тут вдруг взъерепенился, на дыбы встаёт: «Не отступлюсь!..» - говорит. Смирились родители наконец, дозволили Елизару бабу энту в дом на смотрины привести. Вот привел, уговорил таки бабу, домой. А она: «Сразу - в передний угол, на лавку у порога, как принято, даже и не присела! Сама первой разговор завела!», - Фёкла с Иосифом мысленно думают и побледнели оба. Только переглядываются: не принято у их в дому-то было, чтоб гостья первой рот-от открывала, без разрешения хозяев!.. А та уж к печке подступат, да интересуется почему да как печь бита, а не кирпичом сложена, как у всех по - современному. Да и в печь заглянула, всю комнату вдоль и поперек обошла. Фёкла за сердце хвататся, за Иосифа поймалась и слова молвить не может, только поддакиват да головой киват... Когда баба ушла, так Фёкла с Иосифом завыли, да давай в два голоса Елизара пилить, про плоху примету говорить: «Мол если баба чужая в печку заглянет - значит мужика из того дома на сторону уведет, а сама хозяйкой в дому том станет. Конец нашей жизни сынок пришёл!.. Кого ты в дом-то привёл?.. Неужто никакой бабы другой в деревне нашей не нашлось тебе?.. Да мы теперича на любую согласны... Только, чтоб из деревни нашей...» Но не послушался Елизар

родителей, собрал потихоньку свои вещи в чемоданчик маленькой и уехал...

Увезла его родственница соседская в город, да сама, в деревню и носа больше не кажет. А он иногда приезжат к родителям, помогают, даже помолодел весь: «Я, - говорит, - о такой женщине даже и не мечтал. С ней год, ровно за один день проживаю... Счастье моё видать долго плутало, искало меня... Судьба она моя...»

Цветочки лазоревы

Киприян, Иванов сын жениться надумал, видать время подошло. Огляделся вокруг, а местны девки уж чисто все заняты, сосватаны. Он к отцу: «Семью, - говорит, - хочу свою завести, надоело холостяком ходить. Сосватай мне каку девушку из другой деревни, наших-то уже всех разобрали дак». Отец ему в ответ: «Идучи на войну - молись, идучи в море - молись вдвое, хочешь жениться - молись втрое...» Но Киприян не робкого десятка был: «Чего годить-то, да присматриваться, поехали свататься!.. А там разберёмся...»

Сказано - сделано. Пошли в магазин за подарком, купили кулек пряников. Дома приоделись по-нарядному, лошадку запрягли да и поехали. На Анисьин угор поднялись, да вспомнили, что пряники-то дома остались: вертаться надо. Отец, Иван, головой мотат: «Примета плоха - возвращаться, не повезёт.» Но Киприян, упрямый был: «Как без пряников к девкам свататься. Поедем обратно, надо подарок взять.» Вернулись, забыты пряники, взяли. Вот едут: в одну деревню заехали, в другу, третью - нет девок. Видно и вправду нельзя было возвращаться-то, не везёт...

А тут впереди ишо одна деревня маячит «Лазурино». А уже вечерело... Лошадка устала, притомилась, фыркает недовольно, на пряники косится, да на незадачливых сватов. Есть уж хочет, да намекает обоим, что домой пора, поездка сорвалась изначально. Но Киприян вожжами лошадёнку хлестнул и вперёд поехали. На горку поднялись да и обомлели... Солнышко пристало за день, отдыхать шло, да деревню-то Лазурино всю и высветило, словно золотом окрасило. Перед глазами Ивана да сына его Киприяна така красота открылась: словно райской сад... Повсюду лазоревые цветочки - колокольчики от ветерка лёгкого покачиваются да сладостную

мелодию так вызванивают. Аж за душу мелодия-то берёт, слезу вышибат... «Музыка райска кака, - отец сыну говорит, - словно в этой деревне ангелы живут, в лепоте-то такой. Да и невесты у них наверняка, словно птицы небесныя, как лазоревы цветочки». И тут увидели тропочку узкую, а по ней стадо коров в деревню идёт. Впереди пастушок молодой белоголовый, словно Лель какой, из сказки «Снегурочка» А.Н.Островского, в расшитой косоворотке да с дудочкой шагат, да песенку весёлую наигрывают. За ним гуськом, друг за дружкой значит, коровки, с лазоревыми цветочками в кудрявых чёлочках, приплясывая слегка, полны вымя молока несут... А позади коровенок бык, свирепой с виду важно вышагиват, да подгоняет их... Прошли, так даже ни один цветочек, вдоль тропки не примяли...

Тут и Иван с Киприяном спешили. Лошадку на пригорке оставили, чтоб в деревне не напакостить где. Привязали к березке - пусть попасётся, а сами сразу к старосте. Староста уж домой собирався, контору свою закрывал, амбарным замок навешивал. Киприян ему кулёк пряников подал, да про своё горе - печаль рассказал. «Вот незадача, староста-то взглянув, говорит, - опоздали вы и к нам. Неурожай нонче на девок - то!.. Свои всех расхватили нонче.... На другой год, вдругорядь значит, приезжайте! Я уж бабам нашим наказ дал - оне к следующей осени нарожают девок-то вам... Да у нас вот и книга учётна есть. В городах в очередь на квартиры стают, записываются, а у нас запись на девок - невест ведётся. Вчерась вот тоже из других деревень женихи приезжали: из Лежебок, Башки да Малиновки, так я их в очередь поставил под номерами. Да вы не сумлевайтесь: у нас всё по-честному и девки как на подбор. Все красы невиданной, словно цветочки лазоревы, да будто все от одного отца и матери... В честь девок и деревню так назвали Лазурино». Киприян очень расстроился и даже пожалел, что пряники старосте отдал. Отец успокаиват: «Год не век. Жена и судьба от бога даются. Подождём!..» И уж на выход пошли, а староста вдогонку: «Вспомнил!.. Дак есть ишо невеста одна у нас, если вам уж позарез нужна дак... Правда годками не совсем подходяща, да без отца - матери растёт, сиротка. Но трудолюбива така, работаща и умна не по годам. Верой её мамка назвала». Вывели невесту-то из дома ейного, покосившегося. Сердечко у

Киприяна сразу бухать стало, чуть не выпорхнуло, даже обеими руками за него схватился... Таку деушку к нему подвели: кроткую, нежную, а красивую каку - ну просто цветочек лазоревый, ангелочек чистой!.. Стоит он перед невестой, дар речи потерял, оцепенел, обомлел даже весь... Отец Киприяна в бок сына тычет: «Коль любя девка, так давай сразу и под венец!.. Церковь тут наша, старообрядческая. А то вдруг лихи люди каки, али каторжане красу таку по дороге отымут... А уж жена-то венчана никому не нужна будет...» Да так и сделали. Обвенчались, домой поехали... Киприян сразу избу бревенчатую, нову срубил, да нарадоваться на жену не мог: на руках всё носил, и на работу, и с работы, и по дому: всё она у него на руках посиживала... Жили они как два голубка, на радость деткам своим. Двенадцать ребятишек Вера мужу Киприяну родила, да только четверо осталось. Болезнь кака-то страшная в младенчество забрала остальных... А девки: Васса, Раиса, Елена да Тамара красотой в маму пошли, получились значит, словно ангелочки, цветочки все лазоревы, как одна...

С червоточинкой

Жители деревни нашей трудолюбивыми да работающими с детства росли. Семьи-то у всех большие - кормить надо. А как дороги по Сибирскому тракту проторили, так народу и в деревне оседать всякого и не простого, а с червоточинкой стало. Были немного ленивые, гордые да спесивые, чуток жлобливые да жадненькие, завистливые, да и те; которы праздники, больше, чем будни любили. «Скучно, - говорят, - живёте, не как в городе: там каждой день праздник. А у вас одна работа на уме, как будто делать больше нечего!.. Да и праздник-то у вас один раз в году - Петров день... Цельный год его, сиди дома да жди, а как выспимся - так он уж и на спад...» Но мы таких говорливых сразу перевоспитывали, да на поруки брали. Иногда, правда, осечка случалась...

У Евдокима, к тому времени он наполовину здешним стал, небольшая семья образовалась: он с женой Феоксиньей, да погодки-дочки, всего четверо. Девоч-то обеих Марусяками назвали: имён других, свободных, в деревне не оказалось: все уж заняты были. Родители чуть светать начнёт - на работу торопятся. Феоксинья на

ферму коров доить, а Евдоким туда-же, скотников. Свою работу справит, так жене помогают. Бока коровам чистит скребком, фляги тяжелые с молоком таскают, на телегу ставят, корма с посыпкой заваривают, по кормушкам раскладывают, навоз убирают. Да сразу-же оба, два на подхвате в колхозе где...

Работали всё руками тогда, техники пока не было. В любое время года работа работу подгоняла. После управки, да дойки утренней, стадо в поле гнали, пасли; траву где косой, а где и серпом косили; а потом уж сено ворошили да копнили; серпали хлеба да лён жали, в снопы вязали да в суслоны складывали, цепами молотили. Всех работ-то деревенских и не перечислишь. На пол-от не смотрели: мужик ты, али баба. Домой приходили, так иногда и рук поднять не могли: до того наработались...

А девки, Маруськи малы ишо были, так их дома, при хозяйстве оставляли, управлялись чтоб. А им ничего делать неохота: спят до обеда, уж и солнышко когда на закат заглядывают, а они всё нечёсаны ходят, лохмачём. Дни для них всегда короткими казались. Неумехами да неряхами росли. А родители жалели Марусек своих: «Успеют ишо, наработаются. Пускай пока у мамки с папкой понежятся. Замуж-то выйдут, так поспать свекровка со свёкром вряд ли дадут - запрягут сразу!..» Да так и испотачили!.. А они, Маруськи-то даже взрослеть ленились, да всё промеж себя дрались, делили что-то...

Вот Евдоким с Феоксиньей усталые с работы - а дома и не прибрано. Корова с утра не доена, в стадо не выпущена, стоит в стайке да базлат, орёт, кричит значит, что есть мочи. И друга, кака скотина не поена, не кормлена: хрюкает, кудахчет, лает да мяукат и обед не готов родителям. Пожурят девок да сами всё и сделают...

А Маруськам уж осьмнадцатый годок пошёл... Рано заневестились, с ребятами заигрывать зачали... Внешностью не обделены были, а умом-то немного не дотягивали, не блестили. Школу не очень любили, неохота, другое на уме-то было... Родители учить своих Марусек стали, да наказывают: "Ежели сваты к вам придут, так помалкивайте, скромно себя видите. Глаза в пол опустите и не поднимайте. Неучённость да характер-от свой поганой не показывайте!.. А брякните чего не так - замуж вас не возьмут. Да и не цапайтесь!.." А уж замуж больно девкам хотелось, аж неverterпёж

уж... Вот и сваты у ворот, Маруськи не сразу их увидели, в карты жарились, да как всегда, бранились. Гости в дом вошли, глянули на интерьеры, да хоть на попятки не иди. Да и неудобно сразу как-то, стоят, с ноги на ногу переминаются, куда ступать не знают. У порога обутка грязная валяется, пол не метён и мыт когда неизвестно. На углах да потолке тенёта черные от сажи висят, на стенах газеты вместо обоев болтаются, на подоконниках толстым слоем мухи валяются, попережку с тараканами да клопами. На кухне у домохозяйки гора посуды немытой, да ведра полные помоев... Сваты дивятся, а девки Маруськи их увидели, шалаболой какой-то, тряпкой значит, крошки да мусор со стола, со скамеек смахнули и сесть приглашают... Тут и родители домой пришли. Стали на стол собирать еду какую: чугуна вареной картошки поставили, холодца, огурцов да капусты квашеной в тарелках подали и четверть кумышки. Девкам стюуют: «Идите хоть, переоденьтесь, да при гостях-то не ссорьтесь!» Хозяйка сватов угощают, но те стесняются видно, а может и побрезговали...

Девки, Маруськи, за шторкой наряды свои одевают, да толкаются: миру-то нет. А утюгов электрических в ту пору у них не было. А чугуном греть долго: печку надоть топить, да угли в ево закладывать, а сваты уйти могут! Маруськи и прежде редко одежду гладили: так шоркнут чуток спереди, да и ладно. По бокам, да сзади ведь никто не смотрит. Главное лицо, фасад!.. Вышли в новых платьях, чуть помятых, а не приглядываться - так и незаметно вовсе... За стол, поближе к женихам сели. Глаза в пол воткнули... Молчат... Только ногами друг дружку под столом попинывают. А за столом разговор неспешной идёт: про скотину, про ягоды, про урожай озимой ржи, про лён, про травы, что ноне выше роста человеческого вымахали, про дожди осенние холодные, про дороги, что кажинной год в непогоду все в колеях становятся, не проехать ни конному, ни пешему... А к главной-то теме никак подойти не могут!.. Разговор не клеится, гости не сватают девок, родители ждут, да и кумышка убывает потихоньку...

Маруськам слушать надоело, глазами увидели, как кошка «Пуська» мышку поймала да под печку с ней нырнула. Тут одна Маруська и не выдержала, подскочила: «Кошка мышку под шесток, под шесток!..» А вторая ей вторит: «Ты бы села, да молчала. А я ничо не говорю...»

Сваты тут облегчено вздохнули, засмеялись, да с женихами и за порог... А девки Маруськи всё-же замуж вышли, не сразу только, а потом. Заезжие парни, не нашенские, не деревенские, их сосватали, такие-же, «с червоточинкой», себе ровню...

И один в поле воин...

Жил в деревне парень один. Да не один, а с роднёй своей. Силушкой обладал богатырской, здоровым физически, крепким, широкоплечим и даже красивым был. Вот только чуток больным родился, видать неправильно или поздно из матери-то достали... Но хорошим работником считался, за троих сразу робил, любил по помочам ходить. Бывало где только-только стройку затевают, Влас уже тут: «Чё не зовёте, я к вам на помочь прибыл». Мужики втроём бревно возьмут - еле тащат, а он одной рукой за серёдку возьмётся, да как пёрышко куриное али гусиное на плечо положит и несёт. Только ложит не всегда туда, куда надо, ежели не подскажут. Может и по деревне с бревном-то погулять, а случилось и домой уносил: «Зачем добру пропадать». Вот каким богатырём рос!..

А девчонки-малолетки иногда подшучивали над Власом, нравился им парень видно, а признаться ышо стеснялись. Всё письма ему будто писали, Агрипинка с Наташкой. Бывало он мимо дома их идёт, а грузно шагал, размашисто, как медведь какой Михаил Топтыгович: они его зазывают, приманивают. «А что, - начинают ласково, как лисички Патрикеевны, - Власушко, а жена-то пишет тебе из городу?» Он головой мотат, и улыбается сразу радостно: «А как-же, пишет конешно». Оне вдругорядь: «О чём пишет? А ты бы сам её написал, да подарков, гостинцев каких попросил.» И газету ему в руки суют, чтоб написал. А он неграмотной был, но газету брал, да одной рукой по ней водил, губами шевелил и будто писал вслух: «Дорогая моя жена, Евлампия. Купи мне в городе суконы сапоги и кирзовы штаны. Жду в гости с подарками и гостинцами. Твой Власко». Девкам-то потом от матерей шибко хорошо попадало по мягкому месту и по твёрдому тоже. Да и парни, что постарше, увидят, что девки каверзу, проделку значит, хотят устроить: предупреждали Власа. Тогда он сердитой становился, даже злой. Бадожину, палку таку, схватит кака под руку попадётся, и давай за девками по всей

деревне носиться. Физкультурой тогда не занимались, так девки вместе с ним будто кросс на значок ГТО сдавали. Сколь кругов наматают, но ни одну пымать или словить он не мог: они-же махоньки, в любую щель, подворотню пролезали. Притаются там и сидят, по-тихонечко хныкают со страху, да умишком понимают, что неладно сделали. Прodelки их до добра не доведут. Когда Влас успокоится, мириться к нему идут, цветочков полевых букетик несут. Он не обижался на малолеток-то, сразу обиду забывал, прощал и из своего садка малиной угощал.

А когда драки в деревне случались, нечасто, но и такое бывало. Сойдутся парни с двух концов: с Крестов да Рябиновки на кулачках, силами померятся, да территорию свою «пометить». Понарошку вначале-то, а потом и взаправду так хлестаться начинают, что у которых даже и кровь из носу шла. Власа известят о «побоище» таком. Он «ноги в руки» и пошёл, да не пошёл, а побежал, девки научили бегать. Из забора по дороге жердину длину выломат, да на толпу дерущихся с рёвом: «Наших бьют!» А там уж машет жердиной-то направо и налево, не разбираясь, где наши, а где ваши, где свои, а где чужие. Разглядывать некогда было. От его силы да жердины парни по сторонам разлетались: кто куда, да кто убегал или уползал. А ещё говорят: «Один в поле не воин»: воин, да какой!.. Когда улица пустела, он в обнимку со своим братом и другом одновременно, Алёшкой, с победой домой возвращался. Ни на одном, ни на другом ни царапины: вот как драться умели!.. Алёшке только одному никогда жердиной не попадало, видно боковым зрением его Влас в толпе видел. Никогда и никому в обиду не давал, хотя тот и сам не робкого десятка был, умел за себя постоять. Утрёт пот с лица Влас, да опять на помощь к кому-нибудь спешит. «Делу - время, - говорил, - а потехе час!»

Летом отправят ребят - подсанят в лес, по ягоды, малину собирать, а им неохота. И приглашают с собой Власа, он с удовольствием идёт с ними, хоть куда. А в лесу ребята под деревьями, да кустами притаются, и ждут, когда девки полные лукошки ягод наберут, да Власа науськивают. Он из кустов выскакивает в фуфайке, в сапогах (всегда так ходил), небритой: «Девки, отдайте мои ягоды!» Девки с перепугу, со страху и от неожиданности, лукошки побросают и врассыпную. А парни довольные из укрытия выходят, малину

подбирают и домой идут довольные, да и Власу полную черепеню, ёмкость значит, насыплут. А дома, у ворот мамки их поджидают с хворостинами, да девки поодаль стоят, лыбятся, похихикивают... Вдругорядь ребятам приходилось идти за ягодами, а Власа девки домой проводят и ягоды у него не отнимают, а наоборот - угощают. Ещё он любил железо собирать, улицы, Заулы и проулки чистил, заместо дворника: раз в деревне такой должности не было. А люди порой идут да и бросят несознательно железяку какую ненужную. Влас подберёт, да к кузнице отнесёт. Мечтал трактор с кузнецами сварить, чтоб по полям не лошадки, а железные машины ходили и землю обрабатывали. Очень уж он всякую скотину и животных любил. А пока мечтал, да нужное количество железа собирал: в колхоз советско-американской трактор пригнали «Фордзон - Путиловец». Тогда уж Влас железяки свои кузнецам Автомену да Иллариону подарил: «Девкам железны вёдра, ковши да тазики для бань скуйте, - говорит, - Пусть порадуются. Они меня любят, вместе с ними за ягодами пойдём. Я за имя вёдра тяжёлые с малиной носить буду да и от парней охранять...»

А тут как-то подсажены рогаток себе понаделали и давай по мишеням стрелять, словно настоящие «ворошиловские стрелки». Вначале бумажными пулями баловали, а потом и тяжёлая артиллерия в ход пошла: гальки дорожные, увесистые. А мишенями-то бедных птиц сделали: воробьёв, галок да ворон!.. Гнёзда их разорять стали, яйца с птенцами с деревьев выбрасывали да топтали... Увидел это Влас: коршуном на ребят бросился, они наутёк!.. Всё живое он жалел и понимал, что птички гнёзда разорять - не к добру это. Своего угла, жилища можно лишиться... «Божий человек» как в воду глядел... Так оно и случилось вскорости... Не стало деревни Черепаны... Видно те вороны, потеряв птенцов, деток своих малых, беду людям накаркали, крова их лишили...

А жизнь у парней тех, незадачливых ворошиловских стрелков, не у всех хорошо сложилась. Не все семьи создали, да и не все деток своих понянчили...

Деревенская история

У Ермолая с Агафьей первым-то парень появился Родион, а уж после две девки погодки Финия да Раиса. Ермолай конюшил в колхозе, а Агафья телят кормила и поила иногда, если они по дороге с пастбища, на прудике не напились. Ребята быстро подросли, некогда долго расти было, работа их уже заждалась. Финия с Раисой мамке помогать стали, теляток растить, а Родион-от в кузницу учеником определился. Так он вскорости все кузнечное дело изучил, да иногда уже и кузнеца Феопена заменить мог, руки у него видать из того места росли. Даже рационализаторски идеи подавал, как Левша в свое время, но блоху ишо не мог подковать. Блох в колхозе «Труженик» не водилось. А если заведется где, так её собаки сразу в лес уводили или нечаянно по дороге съедали...

А девок Агафья не хотела в колхозе оставлять: «Не для того я, - говорит, - их растила, чтоб они из под коров навоз убирали!..» Лучшей доли девкам своим желала. Вот и поплелась в правление, направление на учебу слёзно для Финии и Раисы выпрашивать. А председатель-от грозной был, сердитой, не велено ему было сверху из колхоза людей отпускать, кто-то же должен был город-от продуктами снабжать. Да и паспортов у девок не было. А не выдавали их по той же причине никому, чтоб утечки из деревень не было...

Поехала тогда Агафья к районному большому начальству в совет их, да там, на полусогнутых, перед ними просьбу изложила. Дескать девки не насовсем в город едут, а страсть к наукам у них большая. «Они, - говорит, - у меня почти, что Ломоносовши, дённо и ношно все о науках мечтают (приврала конечно), да колхозную жизнь улучшить хотят. Финия каждую животину: хоть котенка, хоть собаку пропащу каку, хоть телятку махоньку колхозну, от стада отбившуюся, по дороге встретит - так всех, в наш дом и тащит. Полна изба у нас живности-то, как зоопарк кака. Да она их всех лечит, выхаживат, да потом в добры руки отдаёт, аль на ферму отпускает. А уж мимо скотных дворов идет, так со всеми по-ихнему разговариват, словом лечит. К ней вот в позапрошлом году даже из соседнего села, из Тойкина!.. свиноматка приходила, разродиться не могла. Так Финия поговорила с ей, пощекотала, та смеяться - дак

сразу 20 штук, поросенок розовых на крылечко наше принесла, опоросилась. Двоих в благодарность Финии подарила. Они у нас и по сей день живут, членами семьи стали. Им и имена Финия дала сразу: одну Хаврошечкой назвала, а другу-то Ефросиньюшкой. О профессии ветеринарного врача Финия думат!..

А Раиса, как вот только песню по радиу услышала: «...Выходил на поля молодой агроном, говорил, что земля вся в наряде цветном...»: так и затосковала вся... Целыми днями у окошечка все сидит да мечтат, что рядышком с агрономом тем в поля выходить будет: «Хочу, - говорит, - тоже, «землей в наряде цветном» любоваться, каждой колосок ручками подержать, чтоб наливался зерном он ядрёным, да урожай в полях родился отменной. Да и спать допоздна не буду, на рассвете уж в поля колхозные, сапогами резиновыми земельку мерять пойду». Хочет агрономшей стать, колхозу помогать. Да и председатель уж не против. Только без паспортов в город их никто не пустит, первый постовой остановит, да в участок, или в околоток ли сдаст. «Помогите люди добрые, начальники справедливые. Не дайте мечту девичью загубить на корню. Сторицей вам ведь возвернется всё!...»

Районно начальство выслушало Агафью, не перебивало даже и на дверь не указало сразу. Уж больно напориста баба оказалась, убедительна!.. Посмеялись, поулыбались они, да и разрешили девкам еёным паспорта выдать, да только с условием, что Финия с Раисой обязательно домой, в свой колхоз работать вернуться. Агафья на радостях в ноги им повалилась, благодарит, да на стол деревенско угощение выложила: банку трехлитровую молока утренней дойки, парно еще было; два кружка маслица топленого да крынку сметаны.

С паспортами домой, да сразу к председателю. Он не ожидал такой прыти от Агафьи, вроде всегда тихой да покладистой баба-то была, а тут - на тебе. Но уж спорить не стал, раз сверху паспорта выдали - сразу направление, на учебу самолично выписал. Агафья его даже, на радостях, в пушистые усы расцеловала, ему понравилось...

Дома девки Финия с Раисой быстро собрались, отец их на лошадке до райцентра довез, а там уж на попутках - полуторках и в город укатали... Дак ведь и уехать вроде не успели, сразу и замуж вышли за городских!.. Девки-то деревенские всегда быстро расходились, словно пирожки горячие. Не прикотусливы, да не чванливы были,

так сразу их и разбирали в городах... А уж родители-то как радёхоньки были, что девки в перестарках не засидятся, да и в колхозну жизнь тяжёлу не вернуться. Свадьбы им в городе справили, всё честь по чести и по деньгам. Скопили немного на чёрной день, староверы ведь. Всегда уж на всем экономили, копейку к копейке складывали. А мужья у обеих на заводе робили, деньги хорошие получали. Учиться Финии с Раисой почему-то вдруг расхотелось сразу, в городе никогда не были, так по экскурсиям давай ходить, под ручку. Всё конечно, больше по магазинам большим, товарами разными любовались да и прикупали иногда сувениров всяких. О ветеринарии да агрономии забыли, сразу городскими сделались, пальцы уж всеюм раставлять начали, да на мужниных шеях посидеть, покуда решили...

А уж родители с братом Родионом «из кожи вон лезут», чтоб девкам подсобить. Овощи каки, грибы, да ягоды в город с оказией девкам отправляют. Осенью скотину прирежут, поросенка от Хаврошечки, бычка полуторка и мясо туда же, в город. А тут уж и внучата пошли. Летом у деде с бабой гостят, свежим воздухом надышаться не могут, да и городским экономия - меньше ртов. Агафья с Ермолаем баловали их конечно. В городе булки ведь на деревьях не росли, только в деревне!.. А там все с купли. В деревне же все - своё!.. Так и жить стали с одной заботой: девок с мужьями да внучат накормить и обеспечить.

Председатель не сразу узнал историю такую: всё в колхоз ветеринарного врача да агронома ждал. А потом уж догадался про обман-от, да когда вскрылось все, так осерчал шибко. А Родиону, сыну Агафьи с Ермолаем ходу дальше не дал. Так при кузне и держал, да работать за троих приказывать начал. Агафье с Ермолаем тоже спуску не давал, хоть уж и стары они стали, а на легкий труд не переводил, да и где в колхозе легкой-от труд?..

Председателя-районное начальство пожалело, прислали ему потом и ветеринара и агронома, парней. Их он сразу обженил на своих девках, чтоб в город не уехали, а пользу земле черепановской приносили, да колхозу. Хотя тоже о городской жизни девкам своим желал... А Родион так и не женился, некогда было, за троих ведь робил. Так при родителях и остался жить, сестрам помогать...

Масленица

Раньше на Руси масленицу праздновали неделю. И каждый день масленицы имел своё, особое название, свой цвет и развлечение.

Понедельник - «**Встреча**»: «...Честную масленицу встречаем, да блинами угощаем, в гости зазываем: «Приезжай ко мне масленица на широкий двор!.. На санях кататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться, в наряды праздничные обряжаться!..

***А сегодня, а сегодня -
Масленицы день настал!
Улыбнись, честной народ:
Масленица в гости к нам идёт!..***

«**Заигрыши**» - второй день масленицы. Славен тем, что все хворобы, невзгоды гнали прочь со двора. С этого дня начиналось ряжение, катание со снежных и ледяных гор и горок.

***Наша Масленица годовая -
Она гостья дорогая.
Она пешею к нам не ходит,
Всё на конях приезжает!..
Чтоб кони были вороны,
Чтобы слуги молодые..
Зовём гостей со всех волостей,
Кумовей, зятей, девок, парней,
Свёкра, свекровушек, кумушек, золовушек,
Тёщу и тестя - зовём всех вместе!..
Петь до упаду, плясать до насаду!
Кто хошь веселися,
Хоть с лавки свалился!..***

Среда - «**Лакомка**». В этот день тёща зятя в гости приглашала, блинами угощала. «У тёщи зять - первый гость. Зять на двор - пирог на стол. У тёщи при зяте и ступа доит...»

***Широкорожая масленица
Мы тобою хвалимся!
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!..***

В этот день песни и частушки пели, а зятя «гоголем похаживали».

*Был у тёщи я в гостях.
Тёща угостила -
Со второго этажа
Кубарем спустила!..
Ой, бяда, бяда - в огороде лебядя.
Черёмушка белая, что любовь наделала!..
Был у тёщи я в гостях,
Тёща не здорова.
На столе у ей лежит -
Целая корова!..
Ой, бяда, бяда - в огороде лебядя.
Черёмушка белая, что любовь наделала!..
Был у тёщи я в гостях,
Ел грибы отварные.
И с улыбкой на устах -
Целый день сидел в кустах!..
Ой, бяда, бяда - в огороде лебядя.
Черёмушка белая, что любовь наделала!..*

Четверг - «Разгуляй четверг». С утра и до вечера народ потешался кулачными боями, катанием с гор с весёлыми песнями и частушками.

*Масленица - пышка
На улицу вышла!
На горах кататься,
С ребятами драться!..
Выходи, честной народ,
Силушкой померяться.
Не перевелись ещё на Руси
Русские богатыри!..*

Пятница - «Тёщины вечерки». Зятя к себе в гости тёщ приглашали, угощали.

*Ой, масленица - кривошейка,
Встречаем тебя хорошенько!
Сыром, маслом, калачом
И печёным яйцом!..*

Суббота - «**Золовкины посиделки**». Молодые невестки приглашали в гости всех родных на блины.

*Эй, вы люди, господа-то
Подите ж все сюда!
Масленицу состречайте,
Да кумышкой угощайте!..*

Воскресенье - «**Проводы. Прощённый день - Целовальник**». В этот день люди прощали друг другу все обиды; каялись в грехах; целовались со всеми, прощаясь с масленицей:

*Наша масленица дорогая
Немножечко постояла.
Мы думали семь неделек,
Схватились, спохватились -
Всего семь денёчков!..*

*...Нас масленица подманила,
На большой пост посадила!*

*Прощай Маслёна - вертушка,
Настаёт Великий пост,
Дома ужинать садятся -
Подают от редьки хвост!..*

Масленица - это катальные горы и качели; это блины и сладкие яства; хождение по гостям, родственникам, кукольные балаганы, ряженые; кулачные бои, взятие снежных городков; катание на лошадях, на тройках и прочие развлечения...

А в Черепанах, зимой, в масленицу, у лошадок наверное самое счастливое время было. Девчонки, накануне, цветов разных из бумаги цветной (если имелась такая или сами раскрасят), настригут, наделают, бантов да бантиков навяжут и давай дугу имя украшать. А утром, когда конюх лошадок в сани, аль в кошеву, пошовни или дровни запряжёт: девчата и сбрую, и саму повозку украсят. А в гриву лошадок ленты атласные вплетут, да банты завяжут. Когда тройка лихая, а за ней вереница лошадок наряженных с конного двора в центр деревни, в Кресты, въезжала: от детворы да и взрослых отбою

не было. Всем прокатиться с ветерком на лошадаках хотелось. Весело колокольчики - бубенчики звенели, в гривах ленты разноцветные развевались, и лошадаки, словно не бежали, а пританцовывая, возили ребятишек по улицам, проулкам да Заулам, играючи, да по белому чистому снежку... Хорошо-то как!.. Масленица пришла!..

Как на масленой неделе,

Из трубы блины летели...

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои...

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои!..

Мы давно блинов не ели

Мы блиночков захотели

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои...

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои!..

Гости будьте же здоровы,

Вот блины мои готовы!..

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои...

Ох блины мои блины, вы, блиночки, мои!..

А ребята, которые постарше, на конном дворе сани или кошёвку, без лошадаки брали, да на угор за оглобли волокли. Заташат, усядутся друг на дружку: парни, девки, да и вниз по склону оттуда сиганут... Катятся!.. Парни хохочут да девок щекочут, а девки визжат от страха и восторга!.. У-у-ух!.. Когда удачно скатятся, а порой и куча мала!.. Все в снегу да в инее от морозца... Разбирались со смехом потом: где и чья рука, нога, голова... Да опять - на угор!.. Малышня на санях с колокольчиками - бубенчиками по деревне катаются; взрослые в домах, в гостях угощаются; а молодёжь - «сами с усами и лошади и сани!..» Масленица!..

Уж ты Маслёна, ты обманищица,

Ты сказала: «Семь недель!..»

А остался один день...

Прощай, Масленица!.. Пересмешищица...

Вечерами молодёжь пела и танцевала в гостях у кого -нибудь, или в клубе. Задорные частушки да под гармошку, одна другую сменяла...

Девки, масленка идёт,

Кто нас покатает?

У Леонида за двором -

Сивка пропадает!..

*Я на масленке катался,
Трое саней изломал.
Ворона коня замучил,
А милашку покатал!..
Не целуй меня на улице -
Целуй меня в сениях!
Не целуй меня в саях -
Целуй на масленку, в саях!..*

Были небылицы в лицах бабушки Лукерьи

В было-то времена у нас в деревне лекарей да знахарей не было. У кого, что заболит - так травками разными больше лечились, знали старики кака трава от болезни какой, да ещё наговоры да молитвы читали над болящими. А уж если невраготе кому, так в город за десятки верст шёл. А пока шёл - так болезнь и проходила!.. Ноги только болеть начинали, изнашивались по бездорожью-то...

Да конечно тяжелее всех тогда женщинам, роженицам приходилось. Повитуха-то одна на десять деревень была, а девкам али бабам как приспичит рожать - нет, чтобы по одной - так надо всем, и сразу... Пригласят повитуху и пойдет круговерть... Одна рожат, друга ожидает, третья криком кричит, а которая и до утра терпит!.. Всяко бывало... Не управлялась повитуха сразу со всеми, так потом уж и без нее рожать стали... Почитай, в каждом доме деток-то малых десятками считали, как-то сами собой рожались: кто в бане, кто на печи, да и в поле бывало... Иная баба уж не хочет больше рожать или забыла, что беременна, а как пора придёт - где придется, там и опрастываются... Все в фуфайках тогда ходили - так и не замечали: кто беременный, а кто просто так, тяжелой, толстой такой после обеда... Так вот: ребеночка родят да сразу и в поле. Некогда было прохладиться-то. А коли не с кем было оставить - в подоле его с собой брали... Баба жнёт аль косит, а ребеночек-то в бороздке лежит, на солнышке греется, нежится, загорат: облачками любит, а ручонками с бабочками да шмеликами играют. А чтоб не плакал - так мамка нажует ему ржаного хлебушка, да в тряпочку - и в рот робёнку. Он и сосёт до вечера тряпочку-то, словно титьку материну... А уж стемнеет когда, дак к груди его прикладывают, да и

не оторвешь, так и сосал иногда до утра... А иных ночью в плетёну из лыка или деревянну люльку ложили, словно в гамаке качали сытого-то...

Много раньше рожали, да и всяких: белых, чёрных, рыжих, конопатых и совсем лысых, не то, что ныне. Вот отцы тогда мучались: от кого лысый-то получился?.. Ну и сразу конечно всех мыли, кого в бане, кого в корыте, а кого и по очереди али без... Да шолоком-то намылят, водичкой родниковой, родников много было, в кажинном огороде; сполоснут и иди, говорят, живи!.. Вот так и рождались тогда черепановцы в деревне нашей...

А теперича как рожают: девки аль бабы на белы накрахмалены простыни да столы - кресла ложатся, словно рыбины. Шумно дышать начинают, а ежели вскрикнут, али мужа звать или проклинать будут - рожают значит. Да всё ноне по науке рожают, а помочь, словно по старинке, зовут: гинекологов, акушеров да санитаров. Да какой-то конселеум ишо соберут, а пока совет держат - роженица то уж и родит, не дождавши совету, как правильно рожать то надо: разродится... И робята-то все здоровенькими получаются. Когда и сразу по двое младенцев на свет лезут да пищат: «Мама, мама я родился, я черепановец!..»

А сейчас еще деньги придумали за роды то давать и немалые!.. Рожай - не хочу... Вот бы так-то в были - то времена... Может и деревня Черепаны, до сих пор стояла бы...

Как мужик свою бабу лечил

Было это почти что в наши времена: в больницах-то уж разные врачи появляться стали: ЛОРы, дантисты - зубодеры, окулисты - глазники да конешно и гинекологи с хирургами. А в ранешно время всего два врача у нас и было: баба Акулина - знахарка, да дед Феофил - костоправ. А теперича не так: всем своего врача подавай - организмам-то нашим. Да и люди уж грамоту одолели, начальную школу закончили в деревне у нас. Дак всяки газеты, брошюры да журналы читать стали. Телевизоров пока ещё не смотрели, да и электричества к нам покедова не провели. А Федул всё себе журнал «ЗОЖ» стал выписывать, значит в переводе «За здорово живёшь!..» Сядет бывало за стол, у окошка, свой «ЗОЖ» - разложит на коленях,

да с лупой читат, глаза-то уж плохо видели... Сидит так, бормочет что-то про себя, в тетрадку рецепты записыват, чтоб потом людям деревенским советы давать. А жена, Феодора, в огороде с овощами, да травой сорной напластатся за день - так еле домой заползат... Но терпит, хоть и болит спина: не стонет. Жаловаться не приучена: «Все так робили, до седьмого поту...», - говорит. Намекат значит мужу, чтоб почаще помогал или вылечил спину то ей.

А тут Федул и взаправду рецепт от спины вычитал, зимний!.. Ну, чтоб снег на улице уж лежал. «Вот, - говорит Федул Феодоре, - я зимой тебе спину враз вылечу! Только надо холодов дожждаться!..» Сели... Стали ждать... Пришла зима...Снегу подвалило под самую крышу: пора и лечение начинать. Федул пол-таза снегу белого, нетронутого принёс, крупной йодированной соли пол-пакета туды высыпал, перемешал и скомандовал бабе: «Ложись!» Феодора на кровать плюхнулась, спину голу подставила. Муж не пожадничал: всё содержимое таза и выложил ей на спину. Сверху клеёнку постелил да шалаболу шерстяну (тряпка така тёплая). «Лежи, - говорит, - семь минут, строго по рецепту». Вот Феодора лежит, вроде и не чувствует ничего, только течёт что-то под неё, снег-от таять начал. А муж спрашивает: «Что чувствуешь? Тепло ли тебе, бабонька?» «Тепло, - отвечает Феодора, - можно ишо полежать». Прошло минут десять... Федул решил, что время истекло, убрал с жены клеенку с шалаболой, а оттирать спину от соли не стал. «Пушай, - говорит, - лучше впитатся...» Встала баба, отряхнулась, да вдруг такой жар в спине-то почувствовала - задрало аж до слёз. Она к мужу: «Что наделал, окаянной!» А он спину-то увидел, оправдывается: «Это всё ЗОЖ...», да шапку с тулупом в охапку и за дверь молчком. А Феодора спину-то не видит: зеркал - то не было...

Ночь как-то перетерпела, а утром поехала в больницу, на приём, значит с остеохондрозом и ожогом. Доктор молодой, образованный бабу выслушал, поохал: «Чем же лечили?» - спрашивает. Ну Феодора всё и рассказала. Минут семь, а может и все десять доктор хохотал, чуть со стула не упал даже. «И где, - говорит, - вас таких дремучих берут, уж вроде безграмотность ликвидировали в 17-м годе, а вы всё ещё ровно в пещерном веке живёте, с мамонтами да с динозаврами!..» Спина у бабы будто на сковородке побывала: вся красна, обожжена, да в волдырях, задеть больно. Волдыри доктор

чем-то попрытыкал, жидкость оттуда выпустил, смазал, да велел каждой день перевязку делать, да не у мужа, а у соседки какой-нибудь грамотной. Феодора мазей да бинтов накупила в аптеке, строго по докторскому рецепту, что уж он велел и домой поехала.

Приехала в деревню, да сразу к соседке зашла, договариваться. А там на диване ейной мужик лежит, постанывает. Соседка Марфа жалуются: «Вот какой уж день поясницу разогнуть не может, остеохондрозом замучился. И в город, в больницу не едет. «Так, - говорит, - пройдёт...» А Феодора ему сразу с порогу: «А ты Игнат, сходи-ка к мужу моему, Федулу. Он тебя враз на ноги поставит и спину зараз вылечит! У него хороший рецепт есть, зимний!...» «ЗОЖ» Федул больше не читал, Феодора не велела, на растопку в баню все журналы унесла, да в печку бросила...

Грудотерапия

Заболела как-то баба Шура, да не вовремя, в самую, что ни на есть, горячую пору, в страду. Надо хлеба с колхозных полей убирать: каждые руки дороги. А она встать не может: поясницу пересекло. Тут соседка, баба Маня, она у нас в деревне-то вместо радио была, всегда всё про всех знала и первая новости рассказывала. Вот и присоветовала бабе Шуре в районной центр ехать. «Там, говорят врачиха появилась, которая все болезни пиявками лечит. Сама-то, обходительна да вежлива, шибко ученая значит. Так на ноги многих поставила, сейчас уже бегают словно кони каки на ипподроме. Вот только процедуру то эту по-мудрёному называют: то ли гидратерапия, то ли груднатерапия, вобщем что-то на букву «Гы». А пиявок она аж из самой Москвы заказывает, по почте. Они ей в засушенном виде в конвертах больших приходят. Вот когда больные накопятся, так врачиха из конверта пиявок этих достаёт, промывает от пыли, да на сутки в холодной воде, словно грибы сушеные, вымачиват. Когда они разбухнут - нашатыркой их спрыснет, они и оживают сразу, из банок вылезти пытаются. Да проворны таки становятся лезут, пищат: оголодали видать. Ну она тогда каждую пиявку-то мордой в больное место тычет - так они поодиночке, а то и попарно присасываются. Сосут да причмокивают, грязну да дурную кровь-то в себя забирают. Наседаются, так сами отваливаются и в

спячку впадают, словно медведи каки. От таких рассказов бабе Шуре неладно сделалось. А соседка уговариват: «Так и раньше лечили знахари, да ишо и кровь пускали. Поезжай!..»

Баба Шура успокоилась немного, а спина-то болит, взяла бюллетень и поехала с оказией. Солдатик, Амбросия сын, на побывку приезжал и обратно в часть возвращался. Ну дорога длинная, баба Шура в повозке лежит, на каждой кочке ойкает, да и разговорились. Она парню и поведала куда и зачем едет. А солдатик пошутить да приврать любил - хлебом не корми. «Да я, - говорит, - знаю этих пиявок-то, они у нас в армии строем ходят, да начальству честь отдают!.. Их для новобранцев держат, что от материнский юбки только оторвались. Приходят они в армию совсем необученны, спать до обеда в казармах могут, строевого шага не знают, бегать да подтягиваться не хотят. А старикам, которые в армии второй год служат, обижать новобранцев запретили. Вот пиявки-то и выручают: за ребятами бегают, да за пятки щипают или другие каки мягкие места: а по ночам, когда подъём объявляют - так их под одеяла запускают. Пиявки скользкие по солдатским животам ползают, извиваются, в разны недозволены места лезут, щекочут да кусаются, словно собаки. Быстро молодые солдатами становятся...»

Баба Шура ёрзать в повозке начала, но помалкиват. Дальше едет. А солдатик уж новую побасенку сочинят. «Я, - говорит, - когда малой был. Так с батей всё на прудик ходили, на тот, что у нас за огородами. Там тоже пиявки живут. Сижу я там однажды - рыбачу. Смотрю, сосед мой, Тихон, пьяненький идёт, да купаться вздумал, в пруду-то: всю рыбалку мою испортил. Плавал он, плавал, не тонул даже, да так и с заснул посередке. Вечереть стало. Ну я удочки-то собрал да домой пошёл, Тихона будить не стал, уж больно сладко он спал с камышом в обнимку. Гляжу жена его, Харитонья, бежит, спохватилась, что мужа дома нету, а он часто не дома засыпал, а по дороге. Пол деревни видно оббежала, запыхалась даже, да и обнаружила его в пруду-то сразу. С мужиками баграми его на берег вытащили, а он весь в пиявках, словно облеплен. Еле отодрали да обратно в пруд их побросали. Так они снова на берег, да за Тихоном бежать, да песни орать начали, опьянели видать. Харитонья им пригрозила, так отстали, вернулись, лежат, а доползти до пруда уже не могут, устали видать. Потом уж доярки с вечерней дойки шли, так

подобрали их и обратно в пруд за ноги и стаскали, а то ведь высохли бы...»

Баба Шура всё больше нервничат, но виду не показывают, да и поясница-то вроде меньше болеть стала. А солдатик продолжает: «А вот ышо, - говорит, - случай похожий был с мужиками из соседней деревни. Мне батя рассказывал. Одна докторша пиявок дома, в своём холодильнике держала. А одна партия бойкая попалась, всю ночь шебуршатся, спать мешают, холодильник аж подпрыгивает. Ну муж возьми да и скажи: «Спирту что ли им подай - сразу утомонятся». Да и вправду: она пипеткой по десять капель им накапала - они и уснули, под утро уж... Так вповалку и вперемежку лежат друг на друге обоих полов, спят. А тут мужик лечиться пришёл, пиявки хоть и полусонные были, но присосались. Молчит мужик, лежит да только улыбается загадочно. На завтра уже с другом приходит. Вдвоём на процедурах лежат, да друг другу подмигивают. А потом уж мужики косяком повалили к ней. Докторша не успевает, пиявок не хватает, домой поздно возвращаться стала. Муж с допросом: «Где была?», а она, не подумав: «Да мужики одолели...» Ну тутая немая сцена произошла!.. Да мужик не глупый был: сам во всём разобраться решил, причину поздней задержки жены выяснить. На другой день вместе с ней на работу пошёл, с расспросами к мужикам, значит. Дак сразу сам всё и понял. Мужики-то сколь хитры оказались, чего удумали: тройное удовольствие получать. Чтoб жены их не ругали они пиявками, да медициной прикрываться стали: ходят на лечение, отдыхают, а чистой спирт-от медицинский им пиявки в кровь впрыскивают. Дома жёнки дыхни, а запаху нет. На бутылку от жены ведь не допросишься, а тут «Нате вам, пожалуйста». Дома докторше муж сказал, чтoб больше пиявок спиртом не поила. «Зачем добро переводить, пиявки - дорогой товар, дешевле мужикам бутылку купить». Так за разговорами и до больницы доехали. Баба Шура-то уже в обратки собралась: «Домой, - говорит, - хочу. Ну их, пиявок-то этих. Вдруг навредят ещё мне, не ту кровь сделают». Солдат еле уговорил её: «Лечись, баба Шура, да не верь побасенкам-то моим. Язык-от у меня без костей...» До кабинета всё довёл, до двери, сам за ручку дверную взялся: «А вот ещё случай был...», но баба Шура от него уже пулей в кабинет влетела, и про спину забыла,

разогнулась она у ей. И вправду слово лечит, да и пиявки лекарственны, и грудотерапия... Да...

В розовых очках

Была у нас в деревне девка одна, много и других девок было, но эта особенна. Имя в ту пору редкое ей родители дали. Всё больше Акулинами да Маланьями девок-то называли, а эту Катюхой. Одна она в деревне Катюхой была - ни с кем не спутаешь. Ну а раз имя тако дали, так и ей другой среди всех стать надо было. Вот она на мир сквозь розовы очки глядеть и начала и цвет-от розовой полюбила. А зрение хороше у ей было: в каждом глазу по единице. В очках-то Катюха только хорошее видела, плохое и не замечала будто. Люди в деревне всякие жили, а для неё - все хорошие, о ком не скажет: так человека опишем, словно он ангел какой с крылами. Как подросла - так расцвела сразу: словно одуванчик какой бело-розовый, красавицей первой значит стала, на своей улице... Парни проходу не стали давать, женихаться лезут да коситься начали. Так которые так с косыми-то глазами и остались...

А Катюха честь девичью блюла, за самого высокого парня, Захара замуж пошла. Да и профессию получила чисто деревенскую: фельдшерску. А тут уж сразу и деток народила - бабой стала. Дети-то поровну получились: два Ванюшки да две Танюшки. Вот и хозяйством мало-помалу обзавелись, как все. В стаях да коровниках Зорька с Борькой мычат, свинья Хавронья с поросятами хрюкают, куры кудахчут, утки крикают. В огороде овощи, ягоды, травы растут и картошка... Вместе с мужем хозяйствуют. В семье мир да лад. Захар и трактористом, и комбайнером, и механизатором был: в общем начальником по технике. Привычек вредных не имел, даже деревенскую кумышку никогда не пробовал: всегда весь в работе... А в нерабочее время машину: вечный двигатель конструировал.

Катюха уже и не Катюха, а Екатерина Ивановна. Чисто всю деревню лечит, правда соседнюю, в нашей медпункта фельдшерского не было, но и черепановцы к ней на приём ходили. Всем уколы, да капельницы с клизмой ставит, таблетками да микстурами кормит, а иногда и роды принимает, у тех, кто в роддом не успел, али не брали: «Поздно!..» - говорили. Поправлялись у неё

быстро, особенно бабы Клавы всякие, до следующего утра... Екатерина Ивановна на работу, а там уж очередь до проулка выстроилась. А как не болеть, да не ходить? Медпункт фельдшерский прикроют. Вот и шли с утра пораньше до управки, чтоб процент посещаемости не снижать. Да и уважали Катерину больно. Она ведь в жизни слова худого ни про кого ни говаривала, а надо бы!.. Всё в розовых очках жила... Летом и на неё бывало хворь нападала - грибной болезнью звалась. кажинной день в лес, за грибами, после работы бегала, да не по разу: сушила грибы, и варила, и солила, и жарила, и мариновала, да морозила...

Время - то быстро летит, вот и детки подросли, образование в городах получали да и упорхнули... Россия большая: городов много... Им, теперешним детям асфальту подавай. Не хотят больше в сапогах резиновых да калошах силиконовых по лужам шлепать, да в навозной жиже тонуть. В городах и обженились, да замуж вышли. С зятьями-то Катерине повезло, уважали ее. Если в гости приезжала, так медом со своих пасек угощали: "Кушайте, - говорят, - мама, да не торопитесь, не подавитесь..." Катерина на них не обижалась, в розовых - то очках. Всяки огородны овощи полны сумки им привозила (откель только сила бралась!): трехлитровые банки с огурцами да помидорами солеными, капустой квашеной, яблочками мочеными да грибочками маринованными и солёными. Все подчистую зятья съедали, хвалили разносолы тёщины. Хорошими не по-нарошку оказались: внимание оказывали...

Да и снохи - красавицы. В высоких домах живут, словно царевны в теремах. Да шибко грамотны, учены да разборчивы: университеты кончали. Одна указыват каку культуру садить, да каки семена покупать (деревенскому жителю ведь это не ведомо). Советует и каку скотину разводить: "Мясо только диетическое надо!.." Так Захар тогда всю тогда скотину рогатую во дворе нарушил, да стали они с Катериной кроликов диетических разводить. Все коровники да стаи клетками обвешали и уж не рады: плодятся шибко быстро. Всю траву в деревне съели: голо кругом. пришлось на луга податься, да в ватолах (большая портяная тряпка) и в мешках, траву на горбу своем таскать, во дворе, да на сеновале подсушивать. Ну а когда сыновья с семьями приедут: так только крольчатину и едят, на другу еду, рыбу красную, не смотрят даже: оголодали в городах. А мяса от

кроликов вроде и много, а вроде и нет: это вам не телёнок и не поросенок... Быстро крольчатинной наелись. «Больше, - говорят, - кроликов не хотим. Они у вас деревенщиной пахнут. Сейчас в Европах модно птицу есть. Разводите индоуток да индокурей!» Что делать? Поехали в город, цыплят таких "индо" искать. А там уж будто их ждали: "Пожалуйста, - говорят, вот у нас самые свежие - неделя отроду". Купили индоутят, цыплят, а индокур найти не могут. Продавцы плечами пожимают, да одно место пальцем у головы крутят: "А вам, - говорят, - индопоросят не надо?.." Домой вернулись. Ни с чем, а смекалка-то на что, нашим деревенским? В разные клетки цыплят-то рассадили, да подписали, где которых "индо": утки ли, курицы ли. Подписали, чтоб самим не ошибиться. Птица ведь разна стала и ухаживать за ней по-другому надо... Уважили сноху одну!..

А друга, до свадьбы, до чего скромна была, кротка: ниже травы, тише воды. А как замуж-то вышла, так сразу себе зубы фарфоровы вставила и показывать их всем стала, да и мужа, Ванюшку попиливат - чешутся ведь зубки - то... А жёны ведь завсегда своих мужей-то пилят. У их, жен традиция така - послесвадебная: пилить... Вот и она, сноха пилит: "Наш сосед, - говорит, - кажинной год машины меняет. То на "Фордах", то на "Мерседесах" да "Кадилаках" ездит, а ты всё на своей "Копейке" пылишь!.. Даже стыдно с тобой в люди мне показаться в старой одежде... А подруга моя куда только в отпуск не съездила - муж возит семью, да всё по заграницам, а мы дома, да на даче. Куда поедешь с твоим тощим кошельком?.. Сыновья на двух-трех работах сутками живут, домой поспать приходят. Так опять претензия: "Мало времени детям уделяешь. Тебе бы только поспать!.." А дети Катерине говорят: «Все у нас хорошо, мама, не беспокойся...» А раз детям хорошо, так и у родителей сердце не болит, им и радостно, что дети счастливы. И зятя да и снохи у них самые заботливые, внимательные да обходительные... в розовых-то очках...

Один день деревни

Раннее утро. Тишина плывет над деревней. Слышно как в пруду рыбки плещутся, на ветру листья берез друг с другом

переговариваются, шелестят да спросонья собаки в конуре ворочаются. Понемногу первые петухи просыпаются, крылами машут, перышки расправляют, чтоб с насеста не упасть да и своих подруг куриц рано не разбудить. Да голосить начинают пока не смело, а вдруг не вовремя: "Ку-ка-реку!..." Но нет - ему в ответ соседи отозвались, подпели. И вот уже в разных концах деревни утренние будильники друг друга перекричать и перекукарекать норовят: "Ку-ка-реку! Кука-реку! Кукареку!..." Собаки: «Шарики», «Рэксы», «Бобики», «Дружки», «Мухтары» в своих конурах недовольно заворчали, головы высунули: «Чтоб вас, распелись спозаранку, поспать не дают, а мне... нам... такая косточка приснилась!...» Вот и солнышко проснулось, сладко лучиками потягивается, из-за Селеток неохотно выплывает, росу с трав сбивает да в полный рот золотых зубов, улыбается: «Доброе утро деревня Черепаны!...» - «Доброе утро Солнышко!...»

А люди-то уже на ногах... Доярки, наскоро позавтракав, по пустынным улицам торопливо шагают в сторону фермы. Быстро поспешают Анисья Черепанова, Марья Сальникова, Степанида Шадрина, Мария Карнаухова, Анна Черепанова, Федосья Семушина. Сразу и собаки залаяли, забрежали, цепью загремели из конуры вылезая. То тут, то там двери и калитки домов заскрипели: это деды и бабки, бабушки, баушки, мамоньки, мамы старые проснулись, не спится им на старости лет - с солнышком встают, жить торопятся. На ферме доярок ночной сторож Семен Родионович Сальников встречает. В кормокухне, (её все по - разному звали: кто кормокухней, кто кочегаркой, кто сторожкой, а кто и пристройкой) вода ключом кипит, в печке дрова потрескивают. Всё уже у него управлено. В коровниках и телятнике Семен Родионович почистил, навоз выскреб и транспортер включил. Услышав голоса людей, в стойлах коровы: «Бурёнки», «Розы», «Зорьки», «Красульки», «Машки», «Майки», «Малютки» замычали, доярок приветливо встречают, красивыми, мохнатыми ресницами машут, улыбаются, ждут и неторопливо корм жуют, заботливыми руками скотника положенный. А вот уже звонко по подойнику упругие струйки молока зазвенели, забульками в молочной пене купаясь. От корпусов фермы пар клубится, бесцветным облаком молочный запах поплыл. Вку-у-у-сно!..

А из труб домов голубой дымок к небу потянулся с ароматным запахом свежеепечённого хлеба, наваристых густых щей, селянки с пистиками. Мужики да бабы на работу собираются: завтракают плотно да тормозок, еду обеденную себе, собирают. В стайках весь домашний скот тоже на ногах: мычат коровы, козы с овцами блеют, птица крикает, гогочет и кудахчет: все есть хотят, на улицу погулять да попастьись у хозяев просят. Доярки с утренней дойки домой торопятся, чтобы успеть скотинку упредить: накормить, подоить да и в стадо выпустить. А бригадир Григорий Сальников, в конторе разнарядку проводит: кого куда на сёдни, работу каку наряжат. И вот уже все по рабочим местам спешат...

Конюх Федор Васильевич Петрунин на конюховку спешит, замком гремит да засовом, ворота отпират и радостно ржание меринов «Потапа», «Арденко», «Сивко» слышит. Торопится травки дать да овсом каждую рабочую лошадку угостить, да по шее потрепать любимиц «Астру», «Воронуху» и тихоню «Сивуху», перед отправкой на работу. Потом уже по очереди начнет из конюшни выводить, да впрягать. Тут и помощники, работники и парни молодые подходят, помогают и на подводы к центру деревни, ко Крестам едут, чтоб всех баб, девок, парней в поле на работу свезти. Вот уж все в сборе - поехали, под скрип колёс.

А по деревне пастушка нанятая, Клавдия Хохрякова, скотину с личных подворий ожидат, витнём (кнутом длинным) по пыльной дороге бьет да на дудочке-рожке самодельном играет. (Делали такие ребята и взрослые, для забавы, рожки - дудочки из стеклянной бутылки и шпильки-катушки от ниток. Дно бутылки обрезали, с помощью прочной нитки, смоченной в керосине и подожжённой, предварительно обвязав его. На торец шпильки одевали резинку, крепко натянув. Под неё (резинку) ложили по пол-спички и вставляли шпильку, обрезанную с одного конца в горлышко бутылки. Под воздействием воздуха рожок свистел, дудел, когда дули в отверстие шпильки.) Скотину хозяйки их дворов выгоняют, до проулка провожают. Коровы: «Марты», «Липы», «Комолые», «Маньки» друг друга приветствуют, боднуть от долгой разлуки, в одну ночь, норовят. Да сразу на травку зелёную у заборов, канав накидываются. А блудливые козы «Белки», «Девки», «Милки» да «Машки» к огородам да садкам устремляются. Пока до конца

деревни идут: в каждой садок заглянут, на задние копыта пристав, да малину, черемуху, рябину, акацию, сирень или иргу: что уже растёт, попробуют, схватят, потянут, отщипнут и дальше бегут под окрик пастуха: не хочется им по бокам али крупу деревянному витнём получить. Да и садок-от хоть один пропустить не могут: такая уже порода их вредная, пакостная. Да ещё и друг с дружкой не раз рогами сойдутся. У людей бы искры из глаз сыпались, а им - хоть бы что...

За деревней колхозное стадо коров пастух, Фёдор Романчук, на лошадке подгоняет. За ними телят гонит Евдокия Григорьева. Переждать приходилось, коль не успели раньше пройти. Послушными личное стадо становится, когда за деревню выйдут, под звуки мелодий дудочки, в любую сторону за пастушкой Клавдией идут. А там уж ждут их луга сочные, холмы с вереском да кустиками. До позднего вечера можно желудки набивать, да хвостами оводов да мух назойливых отгонять. А припечет сильно - так и в тенечке поваляться можно, и пастушку подразнить: будто на поля собрались колхозные, посевы потравить...

На пилораме отец с сыном Жужговы: Иван да Киприян уже древесину разделявают, на доски пилят а потом в бондарке-столярке молотками стучат. По наряду бригадира новые кормушки для конного двора делают. От бондарки-столярки идет запах свежеструганного дерева, опила. Кольцами стружка из под рубанка, желтой рекой льется. Ребятишки, если им позволили тут появляться, на игрушки стружку, себе брали и в клетки, в подолах рубаш да платьев утаскивали. В кузнице два мастера Автомон Савельевич да Илларион Андреевич, заготовленным с вечеру березовым угольком, меха горна раздувают, шутками весело перебрасываются, да совет держат, как лучше обод к колесам телеги выковать, да изладить, чтоб дольше не изнашивался: «Жидковат видимо металл то нонче...»

На мельнице жернова заработали, это мельник Михаил Сергеевич Семушин молоть муку приезжим начал. Две подводы из Луговой со вчерашнего дня очереди на помол муки дождались. Белая мучная пыльца над мельницей медленно поднимается и, словно инеем, покрывает окрестности: кусты, траву, ожидающих намолота двух лошадок и работников - погонщиков...

По дороге на Петропавловск мерин, тяжеловоз «Арденко» с фермы фляги с молоком на маслозавод повез. За ним лениво мерин «Лапоть» пошлепал, ему туда-же, в Петропавловск, только за продуктами в магазин, а понужат его Алешка, старшой сынок продавщицы Марины Григорьевны Сальниковой, она его с собой всегда берет. Помочь товар получить, на весах взвесить, погрузить. На машинах ЗИС-5 и ГАЗ-51 шофера Евстафий Гордеевич Селетков и Пётр Феофилович Черепанов обогнали гужевой транспорт, в Менделеево направились за комбикормом. Навстречу с центральной усадьбы совхоза «Солодовский», из Солодов молодые трактористы - механизаторы выезжают: Дмитрий Черепанов, Леонид Григорьев, Александр Сальников, Леонид Сальников. На своих тракторах на поля черепановские спешат, на вспашку паров...

В деревне рабочий день начинается... Хозяйки с авоськами к магазину спешат: на нем замок, за продуктами Марина продавщица уехала. На крылечке постояли, все новости обсудили, посплетничали конечно маненько, да по домам: у всех работы неуворот. Во дворах, почти в каждом ребятишки, в больших деревянных корытах крапиву двумя сечками рубят, с отрубями мешают. Тут-же курица пестрая, самая видать жадная, прямо из под сечки корм клювом схватит и бежать. А за ней весь птичник: кудахчут, возмущаются, отбирают. Пес «Трезор» за этой картиной, подле конуры, лежит и с интересом наблюдают, кто бойчей да сноровистей окажется. Он уже сытый, спокойно созерцат, да ребятам сочувствует, видит, что работа эта для них словно каторга...

Деревня до вечера пустеет: все на работе. Только ребятишки: Гришки, Мишки, Ваньки, Федьки, Ильки, Лёньки, Файки, Ульяновки, Дуськи, Верки, Райки, Нюрки, управившись с обедом курям, с хворостинками на улицу выходят. Из ворот стаи гусей, уток да свиней выгоняют, пасти на луга и пруды гонят. Свиньи далеко не идут, недавно дождь прошёл - везде лужи. Они сразу по самые уши в глиняную жижу ныряют и по полдня там валяются, от удовольствия похрюкивают. На солнышке бока да рыло своё чумазое греют... А некоторые свиньи умудрялись надолго в поля уйти... Всё лето могли пасться самостоятельно, зерно из ворохов на сжатых полях есть, воровать... А под осень приходили домой, как ни в чём не бывало... Целое потомство: 12-15 поросят- кабанят!.. приводили...

А на пруду две утки умудрились лягушек поймать, да в воду их тащат, макают да полощут, словно хозяйкам своим подражают, бельё стирают. Видно уткам лягушки грязными показались, вот и прополоскали, да обратно... в грязь бросили. Поиграв так, наперегонки с гусями, вплавь пустились с одного берега на другой. На дно нырять стали за пищей. Крякают да гогочут от погоды хорошей и водички тёпленькой... Гусей ребята не очень любили. Они в отличии от уток, всё время удрать на поля, где рожь росла, стремились. Видно проверить хотели: вызрела она или нет и можно ли уже покушать на этом поле, хотя бы между стебельками, между соломой - васильками полакомиться... А ещё говорят птица ничего не понимает: а ведь знали гуси, где полакомиться можно!.. И все в напряжении были: и ребята начеку и гуси в нетерпении... Побегать, поиграть бы ребятам - то, малы ещё, а тут «стадо» это водоплавающее да хрюкающее карауль... Сердились ребята на них, но ничего не поделаешь: приходилось пасти. Хотя некоторые из них и не слушались родителей: на угоры убегали, полдня там играли, бегали, дурачились, а потом как ни в чём не бывало на луга и к пруду приходили, будто и не отлучались...

А курицы по всей деревне ходили: вот уж действительно самая глупая птица. Где попало неслась, где придётся парилась, цыплят значит высиживала. Яйца-то хозяйки ближе к дому собирали, может свои снеслись, а может и нет. Кто первый собрал - того и яйца. А курица котора, иногда неделями домой не приходила, думали уж в лапы лисы попала, а нет. Придёт, да не одна, а с целым выводком цыплят... Индюки горделиво всё окрестности оглядывали, грозно гоготали, если к ним приближались, от дома далеко не отходили, боялись видать.

С каждым часом жарче становилось, солнце и само уже взопрело, пот со лба стирало, да в пруду вместе с утками да гусями ныряло, купалось. Бабки в огородах грядки пололи, по дому хозяйничали. Деды у верстаков домашнюю утварь чинили, строгаи что-то да пилили. Доярки между дойками в лес спешили по ягоды, грибы. А то и травы хоть немного сжать серпом на полянках маленьких да вдоль дорог для скотины домашней, и охапку эту на своём горбу в ватоле (большая холстянная тряпица) домой принести, раскидать для просушки.. Трех-пятилетние подростки только беззаботно носились,

бегали вприпрыжку. На палочках деревянных, будто лошадки по улицам да проулкам скакали; на самодельных качелях, из доски, поверх бревнышка положенной, качались сами по себе. У взрослых не было времени за играми и бегом: малышня смотреть, все было быстро самостоятельными становились.

Вот и время обеда приближалось. Ефимья Родионовна Сальникова на дальнее поле спешила, готовые обеды (первое и второе) механизаторам молодым несла... А колхозники свой нехитрый обед из тормозка доставали, на газетку раскладывали, под стожок присаживались. У всех примерно одно и то же: ломоть каравая, вареные яйца с картошкой, пучок зеленого лука, огурец да помидор. Иногда сала или мяса варёного кусок, пироги с луком и яйцом или шаньги картофельны да налёвочны. Не спеша ели, стараясь, чтоб ни одна крошка хлебушка не упала на землю: по себе знали, как достается хлебушек-то. Запивали молоком, квасом, а то и водичкой ключевой: у кого что было. В это время улицы деревни пустели, только утки с гусями на пруду купались, свиньи во сне в лужицах посапывали да куры под кустами, где посуше пурхались, в земле купались. В домах за столом, засланным клеенкой, ложки о борта чашки большой с супом стучали. Все обедали молча... Иногда ребятишки носами хлюпали, ногами болтали под лавкой, а если смешок к кому в рот попадал: так сразу и лоб у этих ребяток свистел. Ложкой своей дед мальчика приструнивал. На второе кашу ели, селянку или кисель с ягодами. Пили молоко из больших железных кружек.

Сразу после обеда ребятишки бежали свою водоплавающую птицу и свиней караулить. Малышня засыпала за столом или увязывалась за старшими братиками или сестренками. Там, возле пруда играли. После дождя глина вязкой становилась, из нее хорошо лепёшки получались, пироги да калачи. «Стряпали» ребятишки да понарошку, будто сладким полдником, друг друга кормили, угощали. В «магазины» играли: разных цветочков, листиков, камешков собирают; по отдельным кучкам разложат и «продают» друг дружке... Тут-же дурачились, на травке принимались кататься, кувыркаться да друг дружку бутузить...

Под вечер ребята птиц да свиней домой гонят, в стойке запирают, да с куском хлеба за деревню бегут, коров, баранов и коз встречать.

Только кусок хлеба часто не в тот рот попадал, дорога-то длинной казалась, а хлеб такой вкусный для скотины пекли... Махонький кусочек оставался, а иногда и кулачком маленького хозяина, скотину манили. Корова с теленком, да овцы с козами бегут и удивляются, когда же им корочку хлеба отдадут. Коровы войдя в деревню на траву по обочинам дорог вновь набрасывались, словно за день ничего не ели. Козы снова на садках висели, проверяли вкус кустов и хватали то, что утром вроде и не распробовали да съесть не успели...

Понемногу возвращались домой работники. В домах звенели счастливые детские голоса: их наконец-то отпускали побегать, погулять. Хозяйки управляли скотину: поили, доили, кормили. Доярки вновь шли на вечернюю дойку: стадо нетерпеливо входило в корпуса, лязгали цепи, коров скотники загоняли в стойла. Чистили полы, ложили корм в кормушки. Коровы жадно и шумно пили из поилок, тяжело дышали от распиравшего вымя молока. Они привыкли к заботливым рукам доярок и когда вместо рук им доильный аппарат стали навешивать - не все молоко отдавали; стояли, лягались и даже рогами пытались это механическое чудо с себя сбросить. После дойки, доярки устало процеживали молоко через несколько слоев марли, из поддоинок во фляги и вдвоем ставили их на телегу, для отправки на молокозавод в Петропавловск. На смену доярок приходит сторож Семён Родионович Сальников, шел в кормокухню (кочегарку, сторожку), растапливал печь, подогревал воду для питья в телятник и на фермы, принимался колоть впрок дрова, обходил вверенное ему хозяйство. С полей далеко окрест доносились стихающие звуки тракторов, голоса людей, фырканье лошадей. На телегах в разноцветных платьях возвращались, бойко разговаривая и подшучивая над возникшей колхозницы. Постепенно все расходились по домам: управлялись с личным хозяйством, брякали ведра на ключиках и в деревянных бочках - овощи дождались поливки. В домах работники с домочадцами за столы садились, ужинали... Смолкали детские неугомонные голоса...

Раскалённое от жаркого дня, солнце медленно опускалось за горизонт. Постепенно темнело, надвигался поздний вечер. Воцарилась тишина и на скотных дворах.. Лишь изредка кое-где сполошно тявкала собачка, ей сразу отвечали басом одна, другая. И

снова тихо... Голоса были отчетливо слышны в любом конце деревни, словно эхо... Иногда тишину прерывал девичий смех на уторах, баски парней и звуки гармошки двухрядки... Время молодежи наступало. Они могли до первой зорьки гулять за деревней или в соседнюю деревню, Селетки, в клуб да на игры, танцы сходить. На Черепаны опускалась ночь, ласково окутывая деревню прохладой, над прудами поднимался туман. Терпко пахло мятой, смородиной... Все засыпали, кроме сторожа на скотных дворах, молодежи на уторах да дежурного с колотушкой. До рассвета он ходил по деревне, к ночным шорохам прислушивался - сон земляков охранял... Черепановцев убаюкивал легкий ветерок, заигрывающий с листвой на макушках деревьев, монотонный стрекот кузнечиков, скрип коростелей и тревожащие душу соловьиные трели...

А где-то далеко - далеко, в вышине, смотрели вниз, миллиарды сверкающих планет-звезд, как на одной из них, по имени Земля, засыпала маленькая деревенька, Черепаны...

Макариха

У нас в деревне у баб да девок имена схожие были: пол деревни Нюрок, да Фросек, Агрипин да Степанид, Тиз да Марусек. Так решено было на сельском сходе баб по именам мужей звать. Если муж Егор, так Егориха, Аполлинарий - так Аполлинариха, Елизар - Елизариха. А эту бабёнку Макарихой звали, мужа Макаром раз величали. Сама Макариха маленькая была росточком-то, худенькая, а уж до чего хитра да шустра. На работу в колхоз не больно любила ходить: всё больной прикидывалась: то рука у неё болит, то нога отнимается, то голову кружит - мигрень нападат, а то сердце не так стучит - выскочить или остановиться хочет. Впрочем вся из себя больная. Жалели её все, поначалу-то разные советы давали, снадобья приносили, да велели к знахарке в соседнюю деревню съездить, порчу снять.

Да вот как утро-то наступит, она мужа на работу проводит, а сама еле идёт да падат. Да и домой сразу - отлежаться. Макар шофёром работал. Ценили тогда шофёров. Шофёр-от в хозяйстве ой как сгодился бы: и на покос увезёт, а оттуда на возу с сеном для коровки;

за дровами опять-же; а по грибы, а за малиной, а просто прокатится по деревне с ветерком, да на полуторке! Никого нанимать не надо и кумышку аль самогонку гнать не для кого. Все замуж с большой охотой за шофёров шли. Но Макар рано обженился, но на девок, да баб иногда поглядывал, подвозил, если надо было куда той на сторону, съездить... А уж за жену горой стоял, даже председатель его побаивался. Да и кого выгоднее на работе держать: бабёнку больную, квёлую или мужика здорового, который одной рукой мог быка за рога остановить. Все уж потом к этому попривыкали и помалкивали. Пушай уж дома сидит, да деток малых нянчит. А когда на работу Макариха выходила - так вся истонется, изжалуется на болячки-то свои, так хоть уши затыкай или с поля от неё подальше убегай...

Так вот: мужики да бабы, парни да девки в поле надрываются, а Макариха опять занемогла. А когда все на работы разные уходят: сразу болезнь у неё проходит. За день-то всё успевала сделать: и скотину управит, ребятишек накормит, да бабке старой своей спихнет, в хозяйстве всё почистит, подберёт, обеды сготовит, в огороде чисто всё выполет, да польёт, да в лес за грибами или ягодами сбежать успеет огородами, что никто не видал. А к вечеру, когда муж с работы приходит, она уже опять пластом лежит, да постанывает: уробилась вся... К утру новую болезнь придумывают... У других соседей опять неурожай и скотина не кормлена, тут не доглядели: поросята овощи потравили и там не успели, с работы поздно пришли, а уж солнышко чуть покажется - снова на работу бежать. Одна надёжа на деток малых да старух: они и хозяйничают в доме да огороде, управляются как могут.

А у Макарихи какие овощи-то родились, всем на диво: кочан капусты вдвоём не могли обхватить, помидоры с голову ребёнка годовалого зрели, огурцы с руку длинной, а уже корнеплоды: морковь, свеклу, репу да редьку хоть трактором из земли вытаскивай. Вот вам и сказка про репку!.. А кусты малины, крыжовника, да смородины к осени от ягод спелых на землю ложились, будто тоже, как хозяйка, отдыхать вздумали - газетку приходилось подлаживать... Отменная была хозяйка Макариха. Но только для себя, своей семьи. Бывало соседи или родственники обратятся к ней или к Макару за помощью какой или урожая

попросят. Так вы что! Оба сразу на дыбы. Макариха плачет, трясется вся: «Да я ночами не сплю, всё роблю, на коленках ползаю - грядки полю, да слезой поливаю кажину овощину, не могу да обхаживаю. И не меньше вашего роблю». А Макар как засверкат глазищами: «Ещё чего! Чтоб у нас расти потом не стало, чтоб сглазили. Да я лучше в помойку или свиньям весной овощи скормлю...»

Обособлено они жили. Дальше ворот никого к себе в гости не пускали. А со временем никто к ним и обращаться не стал. И дом-то стороной обходить начали, опасались что хозяева в след какую-нибудь гнилую овощину кинут, и такое случалось. Вот так незаметно и старость подошла. Теперича Макарихе уж и ухитриться не надо: действительно всё болит, восьмой десяток идёт. Только ни дети, ни муж теперь ей не верят, о болячках и слушать не хотят: «Опять, - говорят, - приставаляшся». Вот и доживают свой век вдвоём Макариха с Макаром. С соседями они в ссоре. До сих пор какую-нибудь пакость сделать норовят: то семян сорняков им через забор подбросят, то жуков колорадских метлой в их огород сметут, а то «случайно» ягодные кусты помоями окатят. Никуда не ходят, да и к ним никто не просится. Дети выросли, в город упорхнули, в родительский дом носа не кажут. Внуков да правнуков только на фотокарточках высылают...

Так и живут Макариха с Макаром, у окошечка сидят, да на белый свет глядят... Хитростью, да жадностью век свой прожили. Все добро наживали. В сундуки на амбарные замки запирали, деньги на сберкнижках копили... Даже детям который раз отказывали: «Сами заробейте!...» И где теперь всё? Деньги в копейки превратились, добро в сундуках да амбарах гниёт и никому-то оно не нужно: ни детям, ни внукам, ни правнукам... Не весело теперь старикам, ни радостно. Что-то главное видать проглядели... В жизни никому добра не сделали - так и их оно стороной обошло...

Петровна

В деревне у нас говаривали, что будто бабка Петровна колдуньей да ведьмой была. Все бабы и мужики подтверждали это и даже божились. А может больше наговаривали на Петровну, да детей пужали ей?.. Да только Петровна видно не для всех доброй была,

многие о колдовских замашках поговаривали... Однажды тетка Александра, сама была свидетельницей ужаси такой. Её корова «Марта» как-то с поля шла, с полным выменем молока, даже на дорогу лилось. Увидела хозяйку, замычала, шаг ускорила, а перед домом Петровны, лепёшек навалила прямо на травку-муравку зелёную да спорыш траву. Петровна глазами недобрыми проводила и корова домой с пустым выменем пришла. «Изурочила!..» - сразу догадалась тётка Александра и побежала про свою беду и корову стельную, соседям рассказывать. В людях Петровна говорила: «Кто колдует - тот и лечит!..» И вправду, скотина, которая только что «заколдована» была - больше молока давать стала, когда тётки с просьбой, да мольбой о помощи к «ведьме» приходили...

По улице, когда «ведьма» проходила - все окна зашторивали, а прохожие отворачивались или на землю, под ноги себе смотрели, да озирались, будто потеряли что. Все её бояться стали, особенно ребятишки: увидят - сразу в чью-нибудь подворотню лезут, и не горе, что там на цепи злая собака. Она, в крайности, только укусить может, но глаз-то дурной не положит. Мальчишки-баловники чем-то насолили видать Петровне, невзлюбила она их. Бутылок насобирает, на обочинах дорог после праздника, стекла набьёт и в пруд бросит. А ребята из пруда летом и не вылазили: ныряли, наперегонки плавали, брызгались да шлепались. И то один, то другой об стекла раниться стали. Вот - опять проделки Петровны, да не просто шалости, а целое членовредительство!.. Ребята осколки выловят, соберут все, а на другой день тоже самое. Разве это не колдовство?.. Не замашки ведьмины?.. Да и в те года много младенцев умирало, опять же все смерти на бедную Петровну списывали. Хотя до неё и после слабенькие рожались и почти сразу на тот свет, к ангелам небесным улетали... Так даже семьи, которые хотели деток иметь, а по причине неизвестной, а скорее от сглаза, не имели - после посещения «ведьмы» и ночи, проведённой с мужем просительницы - зараз и беременели оба!.. Потом правда выяснялось, то у мужика беременность - то ложной была... Просто живот вдруг вырос, а может и грыжа - от «ведьминой» любви и ласк...

А то она с подружками: Харитоньей, Марьей да Синкой соберутся вечерком, языком почесать, песни попеть да кумышку Синкину

испробовать. Сидят как все бабы, вроде, и подружки на вечер, по одной только стопочке и выпьют. Да ещё на «посошок», а домой возвращаются пьянёхонькими, даже язык не ворочается. Мужики у ворот с вопросом, а оне в ответ только одно слово и молвят: «Петровна...» Синка кумышку свою попробует утром, а она вода-водой... Сглазила Петровна!.. И кумышку и баб!..

В конце той улицы, где Петровна одна жила, чудаковатый мужик, Демьян, с семьёй проживал. Перед его окнами соседские ребятишки любили собираться и играть под березами. Их ещё прадед его, Филипп посадил. Большие, раскидистые березы были, ветки с шишками почти до самой земли свисали. Ребята качались на ветках, словно на лианах и прыгали, как на тарзанке. Демьяну не понравились вдруг березы, а может в избе темно стало: решил он их укоротить. Полез на березу с топором, да и давай нижние ветки обрубать. До середины березы все оголил, окоротил. А из веток-то шершавых с шишечками, сидя на завалинке у дома, веники для бани стал вязать: в лес-то ведь далеконько идти - всего ничего, за один угор. Ребятишки хоть и малы были, а уж понимали, что веники банные из молодых да гладких березок вяжут, но ведь дяденьку старого не будешь учить... Веников Демьян навязал, баню новую пошел затоплять. А он недалеко от улицы её поставил. Ребятня уж там ново место для своих игр облюбовали: клеток понастроили, пирожки с клубникой пекут. В листик клубничный ягод намнут, завернут - вот и пирожок получился. Угощают, потчуют друг дружку, вместе с травой едят, да хвалят... Или галечку маленькую в фантик конфетной положат, скрутят - настоящая конфета получатся... Можно и в «Магазин» играть, продавать... А дяденька Демьян уж в баню пошел. Всегда один ходил, без жены и детей. Сам маленькой был, худосочной такой, худошавый значит. А в бане-то тело его видимо большим становилось: разопревало, распаривалось да вымачивалось дак... Часами мылся, парился, да видно како-то место всё вымывал, да дочиста вымыть, выполоскать не мог. Ещё он в бане пел... басом!.. Что при его комплекции было удивительно, и любил чтоб вокруг тишина была!.. А тут ребята впятером играют, шумят. На этой улице в каждом доме по пятеро ребятишек было, словно сговаривались родители заранее о количестве, прежде чем родить. Демьян-то из предбанника раз их стюгнул, одернул значит;

вдругорядь, а они вроде и не слышат или не понимают: что дяденьке мыться в бане мешают!.. Выскочил тогда Демьян нагой совсем, с веником березовым в руке, да за ребятами вдоль улицы вприпрыжку. Срамно-то место, передне, веником прикрывают, а забудется - так ещё им и машет, веником конечно, да нехорошими, матерными словами ребят ругат!.. Ребята напугались, хоть и смешно: голого дядьку с веником никогда не видали!.. Но и им не до смеху стало: догонят... Они тогда в первый попавший двор нырнули. А двор-от оказался Петровны, «ведьмы», «колдуньи» деревенской!.. Демьян немного не добежал до этого дома, решил больше не рисковать - вдруг Петровна и его, как скотину, детей-младенцев да баб сглазит!.. Обратно побежал, теперь уж поперёк улицы, а веником задне место, сидячее прикрыл...

Ребята стоят перед «ведьмой», словно кролики перед удавом и даже шелохнуться боятся: «как из огня да в полымя попали...» Она их в дом пригласила, улыбается приветливо. Не посмели отказаться, вошли. Думали страшное что-то увидеть: кота черного, черепа, пауков в тенётах, книгу Чёрную магию, травы развешанные по избе, но ничего этого у Петровны не было. В дому, как у всех: скромно, чистенько, на полу половички в клетку домотканые, на окнах на полотах - занавесочки в цветочек мелконькой. Кровать покрывалом лоскутным с подзором (занавес у кровати, свисающий до полу). А на столе шаньги горячие, только что испечённые. дымятся. И совсем не страшно! «Колдунья» Петровна ребят к столу пригласила, шаньгами картофельными да куликами угощает, кормит. Сначала не смело, а потом и с большой охотой ребятня на угощение накинулась. Да и вмиг чашку большую, нечаянно, умили, съели значит... Шаньги да кулики Петровны были просто объединение!.. Видно свой «колдовской талант» она встряпню вкладывала, и оне, шаньги и кулики, во рту словно таяли... Ребята ведь росли, всегда есть хотели, а дома не всегда было густо, а иной раз и пусто... Стыдно им стало, что хозяйке ничего не оставили. Петровна улыбнулась: «Сейчас новых напечём!..» И давай тесто месить. Сочни у неё получались тонкие, вот почему они хрустели!.. У круглых шанежек сочень она руками, по кругу закатывала, закругляла, а у куликов с боков защипывала. Да и пюре картофельно тоже, как-то по особенному готовила: маслицем топлёным сдабривала, молочком парным да парой, тройкой яиц

свежих разводила. Вроде все так делали и дома мамка так же готовила, пекла... Но девкам шаньги да кулики Петровны всех слаще показались... Вот уж и правду говорят, что в гостях всё вкуснее. Снова перед ними чашка с шаньгами картофельными да куликами...

С того случая ребята часто Петровну навещали. Не для всех она злой «ведьмой» и «колдуней» была... Некоторых выделяла, в гости приглашала, угощала и баловала... Хотя люди всякое говаривали...

Бабай, Бабай - ко

В детстве ребят баловников часто Бабаями пугали, пугали значит. Чуть расшались, взрослые им сразу: «Вот придёт Бабай, да в дремучий лес вас заберёт!» А рукой показывали на тот лес, далеко-далеко, даже за Селетками, аж за самым горизонтом. Некоторые ребята, самые смелые, угорами на гору, Подкаменное шли. Там ко лбу ладошки приставляли, да смотрели на тот лес, где Бабай живёт, а вдруг он покажется.. Домой возвращались весёлые - уж больно далеко он живёт!.. Когда ещё до их деревни дойдёт, и сразу страх проходил... Но в воображении Бабай представлялся чудищем страшным, большим, лохматым с глазищами в пол лица, мордой медвежьей и с когтями на лапах. Да и ходил он как человек, а не на четвереньках. На пути своём все ломал и крушил, рычал, глазищами вращал, лапами махал и дико ревел.

В семье деда Демьяна и бабки Феоксиньи, по тем временам проживало немного, всего девять человек: сын Филимон с женой по своду, Анной и пятеро внучат: два парня да три девки. Родители внучат, Филимон и Анна, целые дни на работе в колхозе, а старики за ребятишками приглядывали. Как только робята выспятся, наедятся и бегать, играть начнут: только двери хлопают да брякают, половицы скрипят. Заводилой средняя девка была, Татьянкой звали. Сколько раз ей ремнём-то от деда Демьяна попадало, по мягкому месту, но видно бесполезно - коротка у девок память-то: тут-же и забывала. День, два пройдёт и снова она что-нибудь придумат да натворит... Да не нарошно: так уж получалось у неё. Бойка девка-то была!.. Не сиделось ей на месте, словно всё кто-то её подталкивал. Дед Демьян опять ремень сымат, чтоб Татьянку проучить, а бабка

Феоксинья всегда уж защищала девку-то, да страдала: «Вот Бабай, Бабай-ко придёт за тобой!...»

А тут к соседям из Сибири, в гости, дед Влас приехал. Ему уж восьмой десяток шёл и он решил на старости лет с родиной да родными повидаться, мало ли что - не молод уже был. Дед Влас, как все староверы, большую окладистую бороду носил, ниже поясу. С годами борода седой стала как и дед, но объёму-то не теряла, красивой была, пушистой. Дед Влас очень гордился ей и подолгу по утрам расчёсывал, приглаживал волосок к волоску. На другой-от день, ввечеру, дед Влас решил и семью Демьяна попроведать, в детстве росли и бегали по угорам вместе. А в Сибири дед Влас знатным охотником был, даже не раз на медведя ходил. Тому и доказательства были: страшные, рваные рубцы от когтей мохнатой медвежьей лапы на лице, от схватки с медведем остались. Бородой он и закрывал их от людского глаза, чтоб не пугались...

По охотничьей привычке, дед Влас, двигался неслышно. Вот он уж в прихожую зашёл, шапку снял да перекрестился в красной угол, где иконы висели и дальше, в комнату, на свет пошёл. А в это самое время Татьянке что-то в прихожей понадобилось. Она пулей влетела в прихожую, медленно ходить не умела, и наткнулась на что-то мягкое и белое: «Бабай! Бабай-ко!...», - закричала от испуга девка, да и впелась двумя руками в бороду деда Власа. Тут на крик дед Демьян, с керосиновой лампой прибежал. Так Татьянку еле от деда Власа оттащили, да руки-то от бороды отодрали. Хотя несколько волосиков у неё осталось «добыча от Бабая...» Насмеялись конечно все тогда, только Татьяна долго успокоиться не могла и недоверчиво на бородатого деда Власа косилась. Наказывать тогда её не стали...

Света и Бабай

Семья у Артамона большая была: они с женой Глафирой, сын Севастьян со своей женой Федорой, да пятью внучатами. Летом к деду Артамону и бабке Глафире всегда сын, Садофий, приезжал из городу. Он из деревни уехал, когда дочкам его одной пять, другой три годика исполнилось. Девчонки Люда и Света городскими росли, много знали такого, что деревенским неведомо было. Рано

научились читать, уже и в школу ходили, у них даже телевизор был и радио!.. Но на каникулы любили в деревне у деда Артамона и бабки Глафиры погостить, да с пятью двоюродными братьями и сестренками поиграть. Перед приездом гостей бабка Глафира строго-настрого наказывала своим двум внукам да трём внукам городских девок не обижать, слушаться их, не дуреть, да называть уважительно: Люда и Света, а не по-деревенски Людка и Светка.

Люда была немного постарше всех, ей так казалось, на сестер и братьев, по приезду, внимания не обращала. Большую часть времени проводила со взрослыми или читала умные книги, привезённые с собой, сидя у окошечка; о чём -то мечтала... А Света вела себя иначе. С первого дня приезда, она успевала обождать всю деревню, поздороваться со старыми знакомыми, и с ватагой ребятишек, уже скакала под окнами. Она всех-всех любила, всегда была весела, не умела грустить совершенно!.. А уж дедушку да бабушку, на дню, раз по пять а то и боле расцеловывала. Видно не зря ей при рождении имя такое светлое дали: Света!.. Она и в действительности-то светлой, чистой, словно ангелочек какой была. Всё её интересовало, со всеми разговор заводила, справлялась о здоровье всех домочадцев, их соседей, да и вообще жизнью всех жителей деревни интересовалась... Свету нельзя было не любить за её какое-то не детское простодушие, отзывчивость и искренность. А уж ребятня в ней души не чаяла. Из города она привозила много интересных игр и тут-же разучивала с ребятами песни, стишки в перерывах между играми. А ещё она любила рассказывать страшные, жуткие истории и сказки. Ребята слушали её, раскрыв рты, от страха ойкали, но просили ещё что-нибудь рассказать. «А у нас, - говорили они, - тоже нечистая сила живёт. В лесу Бабай, Леший, а в огородах, на лугах и даже в воде с Русалками - Полудница!..» Но, в сравнении с рассказами Светы, страшилки черепановские были совсем и не страшными, а так детскими смешными забавами. А у Светы ужастики были ужаснее и кровожаднее в сто раз, а может и более...

По субботам в деревне был банной день. И Артамон баню для гостей и своей семьи истопил. В первой жар он с сыновьями сходил, долго парились, от удовольствия ахали... Пришли все покрасневшие, усталые, сидят, квас пьют. А ребята-то

Севастьяновы всегда все впятером в баню ходили, мать по очереди их мыла. Олёнка, средняя девка ввела новшество: в бане они ели хлеб с вареньем и пели... Родители ругали их поначалу, а потом рукой махнули: «Пусть едят, хоть не балуют!..» И на этот раз они отрезали пять ломтей хлеба, густо намазали их клубничным вареньем и пошли в баню, во вторую очередь. Сидят на полке-то, хлеб едят, прямо из ковшика водичкой запивают. Водичка ключевая, у них прямо в огороде ключик из под земли бьёт. Ждут мамку, а она с гостями видно заговорила и не торопится. А Света решила напугать ребят. Пошла за ними следом, а в предбаннике зимняя одежда висела. Она вывернула тулуп овечий шерстью наружу, одела, да в баню, на порог ступила и зарычала страшным голосом. Ребятня увидели и услышали это лохматое чудище, хлеб побросали да в ужасе кто под лавку, кто под полку прятаться стали. А Олёнка схватила ковшом с каменки кипятка да и плеснула в чудище. «Оно», чудище лохматое, упало назад себя. «Бабай! Бабай-ко!» - закричала Олёнка и бросилась домой. А за ней и остальные ребятки, перепрыгнули через чудище, бегут, визжат и кричат: «Бабай! Бабай-ко к нам в баню пришёл!» Севастьян с Садофием в баню бросились, а в предбаннике увидели хохочущую Свету, запутавшуюся, с перепугу, в тулуп. Дед Артамон уж ремень приготовил, только не знал кого наказывать: Олёнку, что чуть Свету не ошпарила кипятком, то ли Свету - «Бабая»... Посмеялись, когда всё выяснилось, да наказывать никого не стали... Только с той поры уж «Бабаем» редко стали пугать, а вдруг ребята опять что-нибудь учудят, а взрослые не поймут их шалостей...

Полудница

У Селиверста трое ребят-то было: старшая девка Фаина, да два мальчонка Никитка да Илюшка. Они в один год родились, так двойняшками их звать стали. Фаина всегда уж над братьевыми хороводила. Шутки разные да игры выдумат да их в забавы-то свои вовлечат, где по доброй воле, а где и принудит. Смекалиста девка была да шустр шибко... То в школу играть заставит летом!.. За стол, словно за парту усадит, примеры аль задачу напишет: чтоб решали. Никитка с Илюшкой сидят, лбы моршат, потеют, они первой класс-

то еле закончили, писать да читать почти не умели... То азбуку перед имя выложит, а они по слогам читают, некоторые буквы за лето забыли. Ну так больше наугад, по картинкам читают, да в голос ревут оба. Тут уж мама стара, баушка, значит выручат. «Хватит, - говорит, - тебе над ребятами дековаться. На улице тепло ноне. Пушай идут, побегают». Внуки сразу реветь перестают, да за дверь. А «учительша» табеля выпишет, да вдогонку. А там уж нову игру задумат «Дочки-матери». Она мамка, а дочки, вернее сыновья - братья. Вот одного уложит на лавку аль завалинку, другому велит пеленать братика в шалаболу каку, тряпицу, значит. А ребятам бегать охота, не любили они в бабски игры играть. Сопротивляются, чуть опять не ревут. К маме старой на Файку жаловаться бегут. Баушка стюват да грозится: «Вот вас сейчас, Полудница придет, да в омут утащит. Фаину в перву очередь». Перестанут на время внуки баловаться, по углам разойдутся, молчком стоят, друг на друга бычаться. А Файке хоть бы что, к бабушке уже прилипает, как банной лист, не отодрать: «Баушка, а ты видела Полудницу? А какая она? Красивая?» Мама стара перекрестится: «Тьфу на тебя! До чего девка настырна, да неугомонна. Про Полудницу да нечистую силу, в дому лучше не вспоминать, а то ведь и взаправду придет!..» А Файка и не думат отступать: «Ну, баушка, расскажи, я больше баловаться не буду. Никитку с Илюшкой обижать не стану. Правда, правда!..»

Тут уже бабушка сдается и небылицу про Полудницу внучатам выдумывать начинают: «В нашей деревне девушка жила, Полинкой звали. С детства озорничать любела, да все наоборот, поперек делала. Что ни попросит её отец ли, мать, братья ли с сестрами: все делала поперек. Вот и стали её тогда не Полинкой звать, а Поперечницей. Подрастать уж стала, а ума-то не наживала. По-прежнему всем и всё на пакость делала. Только о себе самой думала, ни о ком заботиться не любила, младших братьев и сестер обижала. Да на уме-то у неё все игра была, забава да веселье. А тут как-то мать у Полинки-Поперечницы заболела, в бреду мечется да просит «Полинка, доченька, подай мне водички». А Полинка вроде не слышит. Мать еле встала, к столу подошла, за стенку держится, крынку взяла, а воды там и нет - Полинка всё выпила... И дома никого, кроме них с Полинкой. Она опять просит: «Доченька, пить очень хочется. Сходи, милая на колодец. Хоть кружку воды мне

принеси...» Нахмурилась Полинка, взяла кружку, на мать злыми глазами посмотрела и пошла. А у колодца подумала: «Зачем я буду целое ведро воды доставать. Вот ещё! Мамка ведь только кружку просила...» Заглянула в колодец, вода ей близко показалась, нагнулась, да и упала на самое дно. Вечером родные хватились: нет Полинки-Поперечницы, а мать, не дождавши водички, умерла... Только на другой день мужики Полинку-Поперечницу на дне колодца увидали. Она словно окаменела вся, да состарилась. Лицо-то зеленым стало, от злобы перекошено, глаза ввалились, да внутри них словно огонек горит синим цветом, руки костлявы к людям тянет. Мужики лбы-то перекрестили: «Чур меня! Чур меня!..», да колодец тот сразу от нечисти такой забили досками. Велели никому к нему близко не подходить, чтобы нечисту силу не разбудить. Да нечистую эту Полудницей звать стали.

А потом иногда примечать стали, что она, Полудница - то в других водоемах показываться стала вместе с русалками, подружались видать. Вода то вдруг забурлит, заволнуется, словно водоворот получится от центра к берегу, будто там, в глубине-то кто-то воду мешат, да вверх водоросли да траву выбрасывают. Это, говорят, Русалки с Полудницей резвятся, балуют. Видно, чью-то невинную душу опять загубили... Да еще говорят, что они к себе баловников да неслухов забирают. Из воды-то выходят, глазищами сверлят да словно магнитом к себе привязывают. Ребята сами за ними идут на само дно, а кто отказывается - так костлявыми руками за рубашонку схватят и утащат. Полудницу и в реке, и в пруду, и на лугах, да и в огородах можно увидеть. Лицо ее зелено многие видали и в здешних лугах».

Баушка свой сказ закончила, а внучата Никитка с Илюшкой прижались к ней, от страха дрожат, а Фаина храбрится. Но видно и ей не по себе стало, и она присмирела. На речку да пруд или ключик долгое время одна не хаживала, все за взрослыми увязывалась. А в лужи, что после дождя кое-где появлялись, так сразу палкой тыкала да приговаривала тихонько, чтоб не слышал никто: «Брысь! Полудница, Полинка! Только попробуй на моих братиков Никитку да Илюшку посмотреть! Я вот тебе задам тогда!..» Файка сказкам не верила и Полудницу не пугалась, не боялась, значит. А в огороде-от

когда ходила за морковкой ранней, али репкой - так тоже вицу или с хворостину длинную брала...

Шалопутные

... Дитяtko - что тесто: как замесишь, так и выросло...

У Онисьи трое девок было: Нинка, Анька да Манька. С детства девки-то шалопутными да полоумными росли. А в соседях намного старше парень жил, Федотом звали. Немного не в себе он был, про таких в народе-то говорили «божий человек». Отец Федота все при себе его держал, ко всякому деревенскому труду приучал. Парень рос добрым, миролюбивым да отзывчивым. Всем, кого ни встретит, улыбался приветливо, да радовался, если кто помощи какой попросит. Услужить готов был всем и всегда. Понимал земляков с полу взгляду, видно нутром чуял добро отношение к себе. Особенно ребяташки его любили, он им игрушки деревянные мастерил. Колёсико выточит в бондарке, палочку вырежет, приклеит накрепко столярным клеем: вот и готово. Ребята табуном по дороге бегут, колёсико, будто машинку перед собой катят, да на ямках буксуют взаправду «В-жжж, в-ж-ж-ж, ж-ж-ж!..» Или клоуна им вырежет, все части: руки, ноги, голову и туловище по отдельности, да всё нитками свяжет. Получалась кукла марионетка, в руках она у него ходила, играла, плясала: ребята рты раскрывали... В деревне все его знали, не обижали, сочувствовали...

А соседски девки Нинка, Анька да Манька проходу Федоту бывало не давали. Бегут за ним, руками машут, походку передразнивать начнут, обзывают словами обидными. А то наперед перед ним выскочат да скакать начнут, пальцем вокруг виска крутить да хохотать. А что с их возьмешь: шалопутны дак. И мать-то, Онисья, их никогда не стювала, не стыдила, сама посмеивалась над бедным Федотом. Вот парни деревенские проучить девок Онисьиных решили. Подсмотрели, когда они баню топить будут. А бани-то в деревне всегда на отшибе, подальше от изб да хозяйственных построек ставили. Жарко натапливали, подолгу мылись да парились. Случалось, что перетапливали, перегревали баню, она ведь по-черному топилась, дак бывало и сгорала. Ребята дождались, когда баню - то истопили, вошли, да в кадушку с холодной водой

большущего головня выпустили, что накануне изловили для этого случая. Сами в рябиннике схоронились. Вот Онисья с девками в баню пошли. Моются, плещутся, хохочут по - взбалмошному. А когда вода в кадушке убывать стала: головель-то забеспокоился видать, заплескался да выныривать стал, свою рыбью голову казать, от жару и рот-от открыл... Онисья с девками завизжали, да голышом из бани, да домой. Летят да орут по-страшному: «Полудница! Полудница!..»

Полудницей у нас нечисту силу звали, ну девку такую зеленую, в воде водилась, в огородах, на лугах: повсюду встречалась. Но наука девкам видно не в прок пошла. По - прежнему травят Федота, не унимаются, полоумы дак... А ведь подрастать уже стали, заневестились, а ума-то не прибавлялось. Парень завидит их, так в проулок или улицу своротит, или во двор кому, если ворота открыты. Иногда только пальцем погрозит девкам да улыбнется по - детски наивно да жалостливо... А им все неймется!.. Тут уж парнишю раз удумали девок-то проучить. На улице уже зима была: бело кругом, снежно, все в инеях, студёно значит. Снова банного дня дождались... Да перед приходом Нинки, Аньки да Маньки лавки, пол и полок стручками перца 'красного жгучего натерли и в сугробе спрятались. Вот девки в баню париться пошли... Идут, вениками машут, похахатывают. Немного времени прошло, парни даже замерзнуть не успели: шум в бане сделался... Жар, вода да перец жгучий «свое дело сделали!..» Девки из бани, как ошпаренные, нагишом повыскакивали, да давай по снегу метаться да кувыркаться. А парни из засады показались, да ихними-же словами, что они Федота травили, да смехом, до дому их проводили...

Поутихли тогда девки, видно поуменьли немного, да и догадались... Весной с парнями заигрывать стали, да только никто из деревенских не хотел с шалопутными да полоумными жениться. Славу себе хорошую сыскали дак...

Рождественские вечера

Царь батюшка наш, Петр Алексеевич (Петр I) постоянно указы разные писал: начиная с 1700 года в России появилось около 500 указов, после 1710 (после перелома в войне со шведами) - 2500, а с

1720года государь сочинял законы в ежедневном режиме. Законы были как трактаты педагогические: с обоснованием, необходимостью закона, повелеванием и угрозой (как будут караться нарушители). Кроме основных указов гражданского, уголовного права, военные, торговые, промышленные уставы, градостроительства, межведомственных отношений, были и избыточные, и весьма удивительные. Например: «Как можно строить дом; как одеваться; кому носить бороду, а кому бриться; как веселиться и как скорбеть; как лечиться и даже: в каких гробах ложиться в могилу...». Необычными были законы «О дураках и дурах» (1722г.), «За праздную болтовню в церкви» (штраф 1 рубль), «За прогулы», «За неслужебные разговоры». Самое жёсткое наказание полагалось за предательство, за измену Отчизне. Предателей предавали четвертованию: поочередно отсекали конечности. Преосвященный Феофан писал о Петре Великом: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагам страшную, страшной и будет; сделал на весь мир славную, славной и быть не перестанет...» Вся Россия следовала Указам Петра - он строил новое государство!.. Только староверы не все законы царя принимали, считали его «антихристом».

Одним из указов Петра I был о праздновании Нового года 1 января и веселии до 14 дней; рождественских и святочных празднованиях, гаданиях, ворожбе. Человека всегда интересовала его судьба, здоровье, любовь, но только на рубеже 19-20-х веков молодежь старообрядческая «стала следовать законам царским». Самые страшные и таинственные гадания были конечно на Рождество (7 января) и Крещение (19 января).

Девки и парни черепановские тоже гадали, в тайне от родителей. Вот девки, встав в ограде перед воротами спиной, с левой ноги валенок через них бросили: в какую сторону носком ляжет - оттуда и сватов жди. А парни подшутили - попросили деда Феонета перед воротами пройти. Девки на улицу, смотреть... А там дед старой Феонет с бородой и ихними валенками под мышкой стоит, да лукаво посмеивается: «Девки не вы валенки потеряли, а то я своим внучатам заберу...» На другой улице девки - малолетки из поленицы, в темноте поленья вытаскивают (если ровное да гладкое попадёт -

значит и жизнь и муж хорошими будут, а если суховатое - дурной, злой, сердитый муж будет), а подсанята, с другой стороны поленницы или с боков им обёрнутое, в рукавицу мохнатую, полено подают... Или присядут пониже, чтоб в темноте их не видать было, да перед девками и выпрыгнут...

А четверо девок, самых смелых: Наталья, Ульяна, Парасковья да Фаина в баню гадать пошли. Там тепло было - в праздники иногда с утра протапливали. Вот они до исподнего белья разделись, свечу в ковшик поставили и зажгли, а за свечой - зеркало. Первой перед свечой Наталья села, спрашивает: «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать!..» В зеркало смотреть надо, там суженый показаться должен. А парни: Егор, Пётр, Исаак да Тит углядели, что девки в баню пошли гадать, да за ними. В предбаннике сидят, лица сажей предварительно намазали, сами в простыни светлые обернулись, ждут. Услыхали, голоса девичьи про суженного: «Пора!» Егор тихонько дверь приоткрыл, вошел и в зеркало смотрит через Натальино плечо. Девки не сразу скрип двери услышали, а когда уж чёрну голову в зеркале увидали - завизжали и из бани, а в предбаннике ещё трое стоят, словно арабы в белых саванах... Потом с девками-то отваживаться шутникам пришлось: святой водой брызгать да молитвы читать...

На другой день посмеялись все от души и решили: «Ну это гадание, лучше колядовать пойдем!» Как свечерело: собрались они снова: четыре парня да четыре девки на колядки. Снова парни лица сажей обмазали, а девки занавески на лица повесили, под шапки-ушанки мужские. А лица-то тоже ярко свеклой нарумянили до неузнаваемости. На себя полушубки да тулупы вверх шерстью вывернули, одели. Девки на ноги - сапоги со штанами, а парни - юбки длинные домотканые и лапти. Парни-то сверху полушубков бабьи запоны (фартуки) ещё одели с большими карманами. В карманы запонов пирожков маленьких положили да стопочки. А у девок к грудям-то большие баллончики с кумышкой привязали, а другим (в парня переодетым), к поясу на верёвке, чтоб между ног болталось - тоже баллончик резиновый с брагой, или боркунец (колокольчик звенящий при ходьбе) или морковку, Гармонь с собой взяли и пошли по улице... Вот в дом к Феофилу постучались, их уж словно ждали, в избу впустили. Гостям рады, за стол приглашают,

угощают А колядовщики давай вначале петь да плясать, да хозяев дома славить.:

*Коляда ты, коляда
Заходила коляда,
Заплясала коляда,
Государева двора.
Феофанов двор,
Средь деревни стоит
Средь деревни стоит,
Нас в гости манит...*

*Хозяйка - голубушка,
Хозяин - голубок
Пожертвуйте на святые вечера,
Да на игрища, на сборища...*

На Руси издавна считалось, что коляда приходит в дом благославить и дом и хозяев, счастья на грядущий год пожелать, здоровья всем живущим в нем, благополучия: и людям и домашней скотине. Поэтому колядовщиков в рождество всегда ждали, старались угостить и не обидеть, а подать -то, что есть.

*Коляда, коляда,
Ты подай пирогами
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину
Или курочку с хохлом,
Петушка с гребешком.*

*Все грехи вам сейчас отпускаются!
Завтра - новая жизнь начинается!*

*А пока ещё у нас
Для потехи - целый час!
Не всё сведено,
Не всё выпито,
Девки не целованы,
Ребята не балованы!..*

Хозяевам по стопочке кумышки подали, сами за столом угостились, пирогов с собой взяли и дальше пошли: К Панфилу во двор стучат:

*Коляда, коляда...
А у деда Панфила борода...
А у бабы Акулины вырос хвост...
В садке бегают прохвост!..
Коляда, коляда.
Нам и горе не беда,
А вам здоровья дает сполна!...*

Ходят снаряженчики да ряженные по деревне, поют, навстречу: другая ватага с колядками. А колядовали все: и ребяташки, и молодёжь и взрослые.

*Коляда, коляда,
Отворяй воротами
Доставайте сундуки,
Подавайте пяточки.
Хоть рубль, хоть пятак.
Не уйдем их дома так!...*

*Коляда, коляда,
Кто не дает пирога:
Мы корову за рога.
Кто не даст пышки,
Мы тому в лоб - шишки!*

Ребяташки, переодевшись, тоже колядки да песенки нехитрые пели, к своим друзьям и родственникам в гости ходили. Колядовали за пряники да конфетки: взрослые всегда уж им припасали на рождество.

*Коляда, коляда
Я у мамоньки одна -
Коротенький кожушок,
Дай мне баба пирожок!
У нас валенки маленькие -
У нас ножки зябнут!..
У нас рукавички худеньки -
У нас ручки зябнут!..*

*У нас платочки тоненьки -
У нас ушки зябнут!..
А кафтан -то короток! Колядовщик передрог!..
Что ты, тётка наварила?
Что ты, тётка напекла?
Выноси нам поскорей!
Не морозь нас, детей!..*

А уж после угощения, да подношений - все колядовщики обязательно с хозяевами прощались, с Рождеством поздравляли, счастья дому этому и хозяевам, и всем домочадцам желали...

*Поиграли, поплясали -
Что - ж хозяева устали.
Надобно к другим идти,
Там колядки провести!..*

*Счастья будет вам горой!.. Урожая воз большой!
На столе - всегда пирог!.. Лёгких вам всегда дорог!..
Уродись у вас пшеничка,
И горох и чечевичка!..*

*Желаем жить вам вместе,
Лет до двести!..*

Вот так до полуночи от дома к дому и ходили по деревне группы парней, девок, ребяташек и взрослых переодетых кто во что. Колядки, песни, частушки пели, под гармонь плясали...

*Пойду плясать,
Аж пол хрустит.
Моё дело молодое,
Меня Бог простит!..*

*Ах, глазки мои,
Серые прижмурки!..
Один Лёньке моргнёт,
А другой Шурке!*

*Светит месяц и луна,
Девки любят плясуна!
За хорошим плясуном
Девки ходят табуном!..*

*Ах, дым столбом
На меня валится.
У меня залётка есть,
Я могу гордиться!..*

В каждом доме потчевались и с собой немного в дорогу брали. А потом собирались у кого изба попросторней, или в клубе, на столы всё ссыпали, кто, что накалядовал. На лавки садились. Вместе ели, остатки бражки и кумышки допивали (обычно уж с пустой посудиною приходили, порожними), водицей чаще запивали и почти до утра пели, плясали, да рассказы про рождественские вечерки, колядовщиков и гадания слушали... Хотя и знали: судьба не любит, когда её пытаются, опасно это. Гадалки с ворожеями редко счастливы бывают...

А ребятишки после колядок, да и в будни дни, любили в избе Харитоньи Нестеровны Каракуловой собираться. У неё своих ребят восемь головушек, да Пина с братьями Петром и Шуркой придут, да Наташка, да Катька, да ишо кто-нибудь по дороге увяжется: полон дом народу! Хозяйка гостеприимно за стол всех усадит. Большую чашку редьки натёртой со сметанкой, капусты квашенной да шанег морковных, пирогов свёкольных перед ними поставит: «Ешьте, колядовщики, гости дорогие...» Ребятня пряники да конфетки наколядованные выложат, угощаются. Да только ложки свистят, всю редьку и капусту съедят... Вкусно и сытно готовила Харитонья!.. А потом все на полати да на печку забьются и играют в самодельные куколки. Стекланные бутылочки из под одеколонов «Тройного» и «Шипра» (одеколоном Харитонья ноги да поясницу лечила) в тряпки обернут, замотают: вот и куколки у всех, младенчики... В мамки да няньки с имя и играют... В дому шумно!.. Весело!.. Никогда уж хозяйка не ругала ребят, не выгоняла, могли часами зимой у неё гостевать... на печке да полатах греться...

Кот «Мур»

У нас в деревне вот такая история приключилась. Поехал как-то наш дед Савелий на базар мясом торговать, по осени. Прохладно уж было, зябко. Ну он в тулуп завернулся да и торгует. А городские мясо очень любили деревенское - быстро всё продал. Да вдруг видит: котёнок поодаль сидит, от холода дрожит. Лапки, ушки да мордочка чёрные - измазался видно где-то. А глазки умненькие, печальные с голубой поволокой. Видно местный котёнок-от, заморской. Дед Савелий огляделся по сторонам: не обронил ли котёнка кто, или заблудился где-то хозяин. Никого нет. Базары большие были тогда, народу много из разных мест приезжало: далеких и близких. Пожалел его дед Савелий, дал ему кусочек мяса, завалившегося за полог. А тот и обрадел сразу, песню на кошащем языке затянул: «Мур да мур, мур да мур». Народ с базара разъезжаться стал, да и дед наш собрался, попрощался с котёнком, да и поехал на своей каурой кобылке домой...

В деревне-то лошадку распряг, на место поставил, да с телеги товары куплены с гостинцами забирать стал, а тут: «Здрасте!» Котенок в повозке среди подарков притаился и лежит, от страха и холода дрожит. Что делать? Пришлось его с домашними знакомить, от грязи морду с лапами, да хвост отмывать. Ан нет - не смывятся, порода видать диковина така, сиамская. Это уже потом, пришлые мужики, что в работники наниматься пришли, рассказывали. Вся деревня конечно приходила, на котенка заморского. сиамского поглядеть, а он ласковой такой оказался, всё: «Мур да мур...» Ну Муром его и назвали, место определили, красну бархатну подушечку выделили. Но Мур другое место облюбовал. С утра, до ночи на подоконнике лежит, свернувшись клубочком или на улицу глядит, прохожих разглядывает.

Но в деревне каждой должен пользу приносить, хоть и маленький. Он тогда термометром работать стал: лапой морду усатую прикроет: к непогоде, холоду, растянется во всю длину - к ведру. А по утрам будильником стал, раньше петухов будил. Встанет на задние лапы у постели, а передней правой в щёку али нос тычет: «Мол вставать пора, засони, просыпайтесь. Мура кормить надо!..» Бывало разоспятся в праздник или выходной хозяева, так он целоваться

начинает и песню кошачью свою заводит: «Мур да мур...» Приходилось вставать, ни свет - ни заря. Котёнок быстро подрос, на кота стал похож, только чёрный весь, словно негра. Пока бабка Устя скотину управляет, он всё около неё кругами с песнями ходит, а уж молока-то парного как напьётся, так его и не видно до обеда, лежит на любимом месте, да похрапывает...

Больше всех он конечно деда Савелия уважал, словно ребёнок малый к нему привязался. Бывало тот только присядет на лавку либо табуретку - Мур тут как тут. На колени прыгнет, на ногу растянется и лежит дремлет, или к груди, словно младенец какой прижмется, голову под мышку засунет а лапой-то одной словно обнимает: так и засыпают оба. К другим домочадцам так не шёл, гладить только себя разрешал иногда, по настроению. Дед Савелий с ним и на рыбалку хаживал. Сидят вдвоём на берегу прудика, кот за поплавками следит, а дед дремлет. А уж рыба кака подплывёт - так он деда под бок мордой усатой тычет. Порыбачат, Мур наестся и домой идут, бок о бок. Мур, хвост трубой, от собак деда защищал по дороге, никому спуску не давал. А кака шальная собачонка заезвается: так он лапами пощёчин ей надаёт, та заскулит и виновато убегают, хвост, поджав. Собаки-то потом уж издаля его видели, так сразу в други проулки сворачивали, опасались. А вот мышей он ловить не любил, считал, что это не барско дело. Если угощали - брал конечно, не отказывался.

А тут девки как-то на завалинке сидели, семечки лузгали жарены. Кулёк-то и порвись. Собирать темно, фонарей в деревне нет, в избях при лампах керосиновых сидели, да при лучине. А мышей к осени много развелось, вот на запах-то семечек они и сбежались. Семя поели, да давай норы рыть. До подпола все прорыли, и, остались на зиму, у Савелия, в подполье жить: корма-то полны закрома. Овощи сначала снизу подьедали, чтоб незаметно убыли было, а по ночам и в избу заходили. Мура не боялись, думали игрушка мягка кака, на окне валяется, лежит...

Вот как-то дед за картохой полез, а видеть-то уж плохо стал: очки носил, а тут не одел их. А мыши к тому времени раздобрели, толще овоща какого стали и вместе с картохой в ведро-то и попали, по лениности да глупости. А как в дому-то оказались, из ведра вывалились, да по углам прятаться стали: под шкафы, да кровати

пищат да лезут. Дед думал: картоху рассыпал, очки-то одел: «Мыши!..» Ну на кота «Мура» тогда дед Савелий впервые и голос повысил, закричал даже, с подоконника сдернул его за загривок. Кот с испугу сразу трех мышей перед дедом положил, и за другими стал гоняться, пока всех не разогнал. Конечно потом в подпол спустился, все норы да дыры мышинные зарыл, запечатал. С тех пор уж дом стал и от мышей охранять, как какой-то деревенский кот, не породистой... И даже с местными кошками кот «Мур» гулять стал, а до этого случая и не смотрел на них даже, отворачивался. Вот така история в нашей деревне с дедом Савелием приключилась... Да...

Заяц «Заяц»

В лесах, вокруг деревни Черепаны, зверья много всякого водилось, особенно зайцев. Хозяйки бывало к празднику пирогов напекут, а зверье-то лесное на запахи к деревне и подходит на почтительное расстояние. У них обоняние лучше людского развито. Воздухом-то сытым надышатся, так словно сдобных пирогов наедятся, да и уходят восвояси.

Одна баба, Лукерьей звать, как-то пожалела одного зайчишку - уж больно голодными глазками на нее через прясло - забор глядел. Она возьми, да и брось ему кусочек пирога с кисленкой. Дак потом ведь целый год горя с огородом-то не знала!.. Да... Он кажинную ночь приходить стал, будто сторожем оформился. Сам ни к одной овощине не подойдет, не попробует, не касатся, да и других-то зайцев близко не подпускает: на соседних огородах все паслись. А Лукерья ему даже имя дала «Заяц «Заяц», ударенье на другую букву переставила. А уж угождать-то он как ей стал: грядки чисто все прополет, капусту да картоху окучит, под горохом да бобами землю взрыхлит, подсолнухи к солнышку головками поворотит, цветочки все обнюхат - ему разрешали, за своего в огороде считался...

Другие-то бабы увидали тако дело, так тоже стали зайцев привечать, да пирогами капустными угощать. Уж больно капустны пироги зайцам по душе пришлись, едят да хозяек нахваливают. Много тогда в окрестностях зайцев развелось. Охотники их не трогали - поди тут разбери: кто свой, а кто чужой...

А зайцы совсем осмелели: по деревне и днем стали хаживать, с ребятишками играть, хороводы водить, наперегонки бегать. Зайцы конечно проворней оказывались в гору вскачь, а с горы кубарем. А уж совсем малым-то поддавались. Ох и визгу тогда было!.. Им даже иногда домовничать поручали: сидят на табуреточке, да в люльке младенчика покачивают. А он и не плачет с нянькой - то лохматой да ушастой такой, лежит да гулит, улыбается... Весной только малышня «мохнатыми» приходили домой. Зайцы зачинали линять вот шерсть к малышне и льнула - они же все сопливые весной-то были. Но не обижали зайцев, нет. Ребенка мамка сполоснет, холщовым рукотёром али запоном вытрет и снова за порог отправляет. Зайцы в нашей деревне озорничать перестали - в соседние деревни набеги делали, если хозяйки вовремя их пирогами не накормят.

Да вот только однажды опростоволосился наш заяц «Заяц». Дочка Лукерьяна Нюрка однажды в городе была и чудо семя оттуда привезла: красной люпин, она с младенчества о нем мечтала. А на те, что по обочинам, да вдоль дорог растут, синие да фиолетовые, даже и не смотрела. Это, - говорит, - сорняки! Полоть их надо! Заяц «Заяц» в огороде все люпины синие выпалывал и всяку мелкую травку подчистую, а каку и съедал. А этот люпин красной, рос да рос, да и зацвел, словно огонь запылал. Заяц его как-то вовремя не заметил, огород-от большой: за всем не углядишь. А тут как раз ещё и дожди пошли - вот люпин-от и вымахал выше человеческого росту. Увидал тут его заяц «Сорняк!», накинулся на люпин, да и сглодал весь, прям до корней, торопился на сходку лесную. Нюрка вышла поутру цветком полюбоваться, а его нет. Нюрка в рёв, мамку зовёт, зайца проклинат. Ну Лукерья конешно за Нюрку вступилась, своя-то рубаха ближе к телу... А зайца не простили, нет. Он хоть и приходил тогда, букет розовых да белых люпинов им принёс, прощенья просил, извинялся... Но нет, не приняли извинения, прогнали...

А зазря!.. Зайцы-то остальные, тоже за своего заступились, в огородах хозяйничать начали!.. Охотников бабам пришлось вызывать - да облавы поголовные начались... Робят только жалко, они долго горевали, даже ревели по ночам, лапки заячьи забыть не могли, как здоровкались, как жали их; усы им расчёсывали, братьями меньшими, пушистикami называли... Попривыкли они к зайцам: играть-то не с кем теперь стало...

Нагостилась

Собралась как-то наша бабка Евдокия, что в соседях живёт, в город, внуков повидать. Больше полугода их не видела - истосковалась. Сами, сын со снохой ездят редко: «Всё некогда. Работы много. Отдыхать не успеваем...» Да, в городе конечно тяжелее нашей жизнь-то. Это тебе не литовкой по росе спозаранку махать, да на солнцепёке на стогу сена с вилами стоять. И коров целое стадо легче вручную подоить, да телятники почистить, всем корма раздать, да на семью обеды сготовить. И ишо какую работу по дому управить: всё равно это нам, намного легче, да привычней, чем в городе жить. Там надо целых восемь часов у станка отстоять!.. Или в больших кабинетах бумаги поперебирать, да в супермаркетах потолкаться, да час до работы добираться и столько же обратно... Тяжелее в городе жить, да и голодней, огородов у них нет, а дачи бурьяном заросли. Обрабатывать то некогда да и далеко добираться. Да и к слову сказать: не охота молодым в земле ковыряться...

Вот и поехала бабка Евдокия с внуками понянчиться и помочь чем. Полны сумки гостинцев набрала, всё с огорода своего, свежее. Да и еды какой: и варено и жарено и парено. Еле допёрла до автобуса, а там уж сыночек родимой встретил, обнял мамку свою, на квартиру привёз. Внучата бабушке очень обрадовались, редко видятся. повисли на ней, целуют, да за гостинцами тянутся. Евдокия стала из сумок подарки-гостинчики доставать, да внуков угощать. Сноха нахмурилась: «Мы такое не едим. Мучное вредно для желудка. Это вы в своей деревне что попало едите, да из общей миски, мешанину всякую, а потом жалуйтесь, что всё у вас болит...» Сказала - как отрезала... Но в холодильник соленья поставила, овощи положила, детям по шанежке дала, а остальное в сторону отодвинула. Сын помалкивал. Внучата бабушку в свою комнату повели. Сноха на кухне ужин стала готовить: салат строгать из экзотических фруктов. Вот все кушать собрались, на столе салат да чай с городским печеньем. Деревенские гостинцы: постряпушки всякие, пирожки, шанежки да ватрушки, в пакете из мусорного ведра торчат... Сдоба вредна для городских - полнит!.. А внуки Евдокии маму послушаться боятся, да вместе с отцом авокаду, мангостину, гранадиллу да

папайю с дурманом едят. Бабка Евдокия чаю попила, да в горле вдруг что-то у неё запершило, и в глазу зашипало: соринка видно попало али семечко како... авокадно... Спать в детскую пошла... В деревнях рано встают, бабка Евдокия спозаранку уж на ногах. Тихонько собралась, водички попила, внуков поцеловала спящих, да за дверь

На вокзале в буфете пирожков купила, наелась, да в деревню домой поехала. Нагостилась...

Пашуня

В деревне у нас всё больше чернявые да русые ребятишки-то рождались. Ну черные понятно - по ночам родились... Днем-то бабам некогда: в колхозе «Труженик» трудились. А в свободное время - пожалуйста: хоть гуляйте до следующего рабочего денька, хоть спите, хоть рожайте, если приспичит... А русые больше на рассвете появлялись. Вроде бы уже и не ночь, и не утро, да и не день. А так, чуть светает, рассвет значит - вот русые и получались...

А этот ребёнок, мальчонка у Фёдора и Гультенеи рыжим родился... В какое время суток и упомнить не могли, потому как ни чёрной, ни русой и даже не лысой головка-то показалась, а огненно рыжей!.. Может оттого рыжим родился, что на угорах черепановских много рыжиков росло, а может и потому, что на Урале солнышка мало светит да греет. Вот и рождались изредка рыжие парни да девки. Их бы конечно золотоголовиками звать, или хотя бы красноголовиками, так нет, в детстве обидно «рыжими» звали, дразнили даже: «Рыжий, рыжий, конопатый...» А они ведь, рыжие эти, словно солнышки, жизнь людям украшали, добро и свет несли. С имя и без лучины в избах-то светло было!..

Так вот, народился наш мальчонка: махонькой, пухленькой с пучком рыжих волос на затылке. Да сразу мамке с папкой и улыбнулся ротом-то своим беззубым - так они его сразу Пашуней и назвали. А больше ему никако друго имя и не подходило, только Пашуня!.. Чтоб ему одному-то, рыжему, не обидно было на свете жить, да и не скучно, потом еще сестренку рыжую сладили, Фросей назвали. Оба два, в бабушку по наследству пошли - в Устинью. Она на починке «Кокошники», что к Селетковскому сельскому обществу

относилось, родилась. А там, в Кокошниках-то все рыжие, золотоголовые да красноголовые были. Девки рыжину-то кокошником прикрывали зимой, а летом - венком из цветочков луговых, чтоб не ослеплять сразу прохожих - заезжих. Парни на глаза картузы надвигали или рыжесть свою гуталином смазывали, чтоб сияла и блестела лучше. У их в Кокошниках, и днем и ночью всегда светло было. Как выйдут вечером ребята, молодежь с девками гулять: так в небе будто северно сияние сияет. Не только у них, а и в Селетках да Черепанах, и даже в Солодах! светло как днём становилось... Поначалу люди пугались светлости такой: думали уж утро наступило. На работу полусонные да полуодетые выскакивали, а потом уж попривыкли и до наступления настоящего утра спали.

А у Федора с Гультенеей, кроме рыжих, уже двое девок было, белоголовых, в мать. Она белой была, седоватой. По ошибке родителей видимо, днём родилась, в декабре. Зимой иногда белые рождались, разрешали. Так и жить все вместе стали восьмером: четверо ребятшек, отец с матерью, да родители отца: Малафей да Устинья. Рыжие-то детки умными у них росли, а остальные, девки белоголовые - красивыми... С утра до вечера в доме шум, гам: одна поет, одна кошку Муську с котятами микосит, мнет, давит, играет значит; а рыжие - в люльках режут...

Вот как - то белоголовы девки вынули братика Пашуню маленького, да и сами решили в люльке-то покачаться. На кровать поодаль положили, да сразу обе, две в люльку залезли и ну её раскачивать. Весело смеются, брат тоже им улыбается, хохочет даже. Люлька-то к потолочной матице на крючке висела и не выдержала веса двух девок и оборвалась. Да ладно сами не покалечились, на кровать упали и брата не пришибли. Дома никого не было, одни домовничали. Потом уж Пашуню по очереди, до прихода взрослых, на руках носили...

А он крепким рос, веселым, статным, породистым... Да всегда шуткой-прибауткой родных развлекал и радовал, и на гармошке выучился играть, почти с младенчества. Когда праздник какой намечается, они вчетвером дня за два к нему готовятся. Девчонки к маминой или бабушкиной ли юбкам лямки пришьют, на себя меряют. Вроде сарафаны получают - вот и наряд готов. А Пашуню тоже в сарафанчик нарядят, платочек на головку повяжут. А Фросю

в парня обрядят: рубаху отцову напялят, оденут значит, кушаком подвяжут, чтоб с плеч не спадала, а на голову шапку-треух. Репетируют. Фрося «детским басом» поёт:

...Милка чё, да милка чё, осерчала ты на чё?

А ли люди чё сказали, али выдумала чё?

А Пашуня в ответ тонюсеньким голоском почти верещит:

...Я у зеркала стояла и платочек меряла,

Про чё ты мне говорил, все я дура верила...

Отрепетируют так, костюмы приготовят и занавес (две шторки в дверях), и ждут. Вот гости в дом приходят, празднику рады. За стол садятся, угощаются разносолами всякими да пирогами румяными, по стопочке кумышки пригубят, попробуют значит. А тут занавес открывается и Пашуня концерт объявляет: «Выступает заслуженный квартет брата и сестер Черепановых! Частушки! Поют сестры, аккомпанирует Павел Черепанов! Пашуня!..» А сестренки: две белоголовы да одна рыжая, в руки платочки возьмут, в позу встанут, музыку ждут. Как гармонь запиликает, ножками притопнут, ручки в стороны откинут, разведут, взвизгнут пронзительно звонко и давай крутиться, да кружиться перед гармонистом да частушки петь.

*Что же мне не плясать,
Что же мне не топнуть.
Неужели в нашем доме,
Половицы лопнут.*

*Ходи хата, ходи хата,
Ходи хата, ходи печь.
Ходи кошечка усата -
Гармонисту негде лечь*

*Мой милёнок хуже лошади ,
Куда его девать?
Скоро ярмарка откроется,
Поеду продавать!..*

А Пашуне и самому плясать охота!.. Гармошку бросит, да и пойдёт впрысядку вдоль и поперек комнаты, да вокруг сестрёнок. Под девичье «траля-ля» плясал да аплодисменты родственников.

*Эх топни нога,
Топни правенькая.
Всё равно девчата любят,
Хоть и маленькой я!..*

*Запляшу, держись,
Ножской топну я!
Прощай моя жизнь,
Допотопная!..*

Хороший концерт получался. А смех-то у Пашуни таким заразительным был: словно колокольчик звенел, переливался, и все тоже смеялись вместе с ним...

Только вот сестренки «не всегда с головой дружили», часто обижали Пашуню. Просто так, по глупости. Игрушек у них не было, в черепки, стеклышки, четки играли и в клетки, а брату не давали. Потом уж дед Малафей ему палочку - лошадку изладил, вместе назвали «Стрекозой». Так Пашуня на своем «гузовом транспорте», лошадке «Стрекозе» всё галопом по улице скакал, пока не застрянет в канаве или луже глиняной. Старшие сестры почти всегда его оттуда доставали, так он вначале свою лошадку «Стрекозу» подавал, вызволял. Потом уж и сам, почти по пояс в грязи, на руки шёл. Иногда и засасывала глина его, тогда соседи или родители на помощь приходили. После лошадки другу «технику» осваивать стал - машину. Опять-же дед к палочке колесико прибил и внучку вручил. Взаправски Пашуня ездить начал, буксовал даже в канавах: «Ж...ж...жж..-жжж!..» Вот тогда он и решил профессию шофёра выбрать, да и гармонистом быть хотелось...

Что шофёр, что гармонист - первые парни на деревне были!.. Все девки по ним с ума сходили: вечерами - по гармонистам, а днём по шофёрам... Тогда он твердо решил сразу две профессии освоить: чтоб никому не обидно было: ни девкам, ни бабам... Как подросток - так и сбылись мечты детские. Вечерами целой табун девок за собой водил, пока другие гармонисты - ухари на улицу не вышли. А уж днем, никогда один за руль не садился. Всегда как-нибудь девку или бабу незамужнюю подсаживал, чтоб дорогу указывала. Сразу неграмотным прикидывался, хотя к тому времени Зюкайский техникум, после школы, окончил. Только стеснялся он талант свой

певческий показать, пока не женился. А так все тихо пел, больше людям доверял, а сам только подыгрывал на тальяночке своей...

А уж как обженился, так и жизнь вся сразу наладилась у Пашуни. И работа по душе: ездил на разных машинах: и легковых, и грузовых и автобусах; и на газиках, и на уазиках, хлебовозках, пазиках. Двоих сыновей, красавцев вырастил. А жене Маланье, по праздникам, Пашуня песни пел, да стихи собственного сочинения читал...

В люди вышли

В Черепанах раньше, в каждом дворе, аль избе, свой уклад, свои правила были. Вот взять хотя-бы семью Осипа. Обычно в доме говорят хозяин, голова - муж, а вот у них наоборот - Анисья. А люди, пусть хоть что говорят, главное у их промеж собой мир да лад. Осип-от совсем бедной был, когда Анисью увидал. Анисья наоборот, побогаче, да побойчей была, в магазине работала. Всегда на виду: и певунья, и красавица, и стать-то у неё горделивая, а вот Осипа выбрала, хотя парни многие на неё заглядывались. На свадьбу Осип пиджак с карманами и штаны у соседского парня взаймы взял, чтоб наготу-то холостяцкую прикрыть. Четырех сыновей да дочку-лапочку Анисья мужу подарила и в люди его вывела. Тогда колхозы по деревням стали организовывать, так он вторым человеком, после председателя стал: бригадирствовал. Осип часто сыновьям говаривал: «Чтоб все высшее образование получили!.. Чтоб все в люди вышли!..» Тогда это, в те года, модно было, высшее-то образование... Получишь его, образование это, дак сразу умным сльвешь, хотя по уму-то и не все до него дотягивали... Но они, все, как один, образование-то энто получили, да не понарошку, а по-настоящему...

Старшой Егор с малолетства о полётах мечтал. Вскарабкается на самую высокую гору, что над деревней нависала, на Подкаменное, Икаром себя представит и сиганёт вниз. А уж братья его там, внизу, имают, ловят значит... Сколько шишек в детстве себе набил! Но шибко упорной был: четырёхклассно черепановско училище окончил, школу Петропавловскую и в институт пошёл. А уж там ему сразу учёную степень дали, молодёжь лапотную учить авиамоделированию поставили. Высоко взлетел...

А второй-от, Осипов сын, Григорий, с детства все разными травками увлекался: какие-то гербарии собирал, в блокнотик всё записывал и говаривал-то не по нашему, а по латыни. А в деревне народ-от тёмной в основном: о латыни, пестиках, тычинках, лепестках и слыхом не слыхивали... Никто и не догадывался, что это есть наука така - «Ботаника!..» Девки да бабы шибко Григория-то боялись: даже думали - наркоман... А он, на тебе - биологом стал, учительствует и жену-то из городу взял, она латынь знала, да и други иностранные языки...

Третий сын Никифор по стопам отца пошёл. Куда тятка ступит - туда и Никифор, след в след. Дак академию, сельскохозяйственну окончил!.. Большим начальником сделался!.. В большом доме работал, в департаменте... Аж до пензии с портфелем хаживал или с шофером ездил. Всем колхозам в Вятской губернии а ныне области, распоряжения давал. Но с математикой Никифор, правда, не дружил, не всегда понимал её... Так и тут выход нашёл: пошёл в институт, где на математиков учат и приглядел себе женушку. Ну она ему гектары да центнера-то и подсчитывала... Никифор и сейчас на пензии хлеборобом остался. На машине железной - мотоблочит: и пашет, и сеет, и окучиват картошку, морковку, свёколку и другу культуру овощну. И все-то у него, ладно, да по науке: грядки - половыми досками обшиты; луковки по линейке посажены; на помидорах бирки висят, словно на ушах коровьих фермерских; даже на смородине и других кустах ягодных приказ висит: «Сколько килограммов с куста должна выдать!..» Одним словом - в люди вышел!.. Хозяин!..

А уж четвёртый сынок Осипов, Фёдор, с младенчества синоптиком мечтал стать, братовьям погоду предсказывать: Егору - когда летать, а когда крылья из перьев куриных в сарае запирать; Григорию - в какое время года травы лучше собирать; Никифору - когда сеять, пахать да урожай богатый собирать... Вначале он всё больше по ромашке гадал, чисто всю деревню, Черепаны, её лепестками завалил... Утром все проснулись: бело кругом, думали уж зима пришла, а угоры зелёными стоят, да и солнышко светит!.. Подивились: «Странно это, а снег не тает...» Председатель тогда предупредил Фёдора: «Чтобы больше так не баловался!.. На угорах гадай, сколь взлезет...А в деревне не сори, дворников нет... Да и

ромашка на лечение бабам нужна!..» Фёдор на угоры полез, облака кудрявые считать начал, по их барашковости погоду чуял... А когда все облака кончились, пересчитал и небо чистым стало - пришлось ему компьютер осваивать, в институт идтить. Закончил, так сейчас на даче живёт, да братьям эсэмески отправляет, указания погодные передаёт, всё чтоб по-науке...

А уж Аринушку, сестричку ненаглядную, братья всё детство на руках носили. Красавицей росла, ну чисто куколка: щечки пухленькие, румяны, губки аленькие, глазки весёленькие. Так и она грамоту познала, на инженершу сама выучилась!.. До сих пор работает, разны детали на заводе конструирует. Сейчас братовья её уже на машинах катают: «Хошь,- говорят, - по грибы, хошь по ягоды, хошь просто так по городу прокатимся, или на природу, подышать свежим воздухом, а не городским, задымленным...» Тоже в люди вышла, хоть и девка...

Да и братья с сестрой навестить не забывают родителей, наказ их помнят: *«Живы родители - почитай, а умерли - поминай...»* На погост кажинной год, издалёка приезжают. Могилки обхаживают, цветочками обсаживают, да и внуков, правнуков с собой привозят, на поклон... Чтут, не забывают родителей, дедов и прадедов своих, да и родину свою малую, Черепаны. Вот какие люди!.. в нашей деревне выросли, да в люди вышли!.. Да...

Фермер

В былые времена, в деревнях все в колхозах, да совхозах работали. Коллективной труд-от был в почёте. А единоличников, кто отрывался от коллективу, да с раннего утра и до полуночи на своём земельном участке спину гнул: так в кулаки записывали, да в Сибирь и на Алтай ссылали. Там, чтоб в Сибири да на Алтае, тундру распахивали да хлеба вместо ягеля сеяли; чукчей не оленей, а коров молочных разводить учили. Ну, конечно, и начудили тогда много с хозяйствованием-то. Ну, а кто без ошибок работает? А уж после перестройки колхозы и совхозы распустили, не выгодно стало. С заграницей дружить стали: оттуда и потекли к нам реки молочные...

Да модно стало единоличников-фермеров поощрять, финансы им на развитие фермерских хозяйств выделять, по - западному образцу

жить. Ну а тут уж, кто побашковитей, да похитрей был- так сразу за эту идею - то и ухватился. У нас в деревне тоже один парень такой смекалистой был, Степаном звали. С рождения он к земле прикипел. Родители почитай с пелёнок в поле его носили, с молоком матери сельским хозяйством пропитан был! Как подросток: так сразу и в фермеры подался. В начале пути трудновато ему пришлось одному. Жена-интеллигенция, городская, в поле на аркане не затянешь, детки ещё малы. А тут ещё кто посевы потравит, а то и рэкетеры прижмут. Пришлось ему работников нанимать, старые скотные дворы, амбары, сараи ремонтировать, да новые строить. Да и работникам-то целую улицу выстроил: живи не хочу. Вот так мало-помалу и на ноги встал, большим хозяином сделался...

Ну, а дальше по-западному, по-европейски развиваться решил. И по заграницам ежегодно стал езживать. Вначале, конечно, в Америку махнул, к ковбоям, на ранчо. А там, на ранчах, по подолгу жил, всё опыт перенимал: как коров правильно кормить, с какой стороны лучше доить, как на выпасе держать, по прериям перегонять. Много тогда нового, американского узнал, о чём даже и не подозревал...

Потом, на обратном пути, во Францию заехал, виноградарством заняться попробовал... Интересно, но: «Не для наших широт». На лягушачьи фермы заглянул. Диву давался и тут: лягуш да лягушек из головастика выращивают, по рациону кормят, взвешивают ежедневно да вытягивают до нужных размеров. И только потом в рестораны поставляют, деликатес энтот. Лягушки Степану не понравились, побрезговал попробовать, хотя и бесплатно предлагали. «У нас,- говорит, - таких лягушек да лягуш: пруд пруди»...

По дороге домой ишо в Германию заехал. Остался тут надолго, почти на полгода, а может и боле... Землицы там мало, не как в Америке, так весь скот-от в помещениях специальных держат и растут они там, как в сказке какой: не по дням, а по часам. Два и в одном месте: и молоко вам, и кефиры ягодны, и йогурты разные сразу из-под коров выходят!.. Чудеса!..

На родину Степан вернулся и решил всё по-европейски сделать. Всех наёмных работников распустил, с миром; дома им продал, а скотину деревенску на мясокомбинат сдал... А на вырученные деньги из Германии тамошних коров закупил, в Японии роботов

заказал, а в Америке компьютеры... К тому времени у него и дети подросли. Дочка Валентинка агрономическую академию закончила: узнала како семя да зерно на фураж коровам сеять. Сынок Олёшка на механика выучился, в разных механизмах да электронике разбираться стал. Степан от их тоже за границу, в Европу отправил, западному опыту набраться. Дочка быстро вернулась - отцу помогать. Он её сразу заведующей поставил. А сынок не поторопился уезжать: в Европах ему больше глянулось. Тогда отец сказал сыну: «Приезжай!.. Работать некому!..»

Вот так втроём и стали работать: Степан руководит, дочь Валентина заведует, а сын Олёшка работает - молодой ведь, всё успевают!.. Да и как тут не работать: всё механизировано да компьютеризировано. На бескрайних полях трактора-роботы и пахут, и сеют, и жнут, корма в рулоны скатывают, полителем обматывают и в амбары свозят. Зерно перебирают, сушат и в сусеки сыпают: программы в них таки заложены, в машинах-роботах...

А на фермах чистота, аж глазам больно, всё бело, стерильно. А коровы-то иностранки, к цивилизации привыкшие, в чистоте росли. Это не местные коровёнки, которые по лугам скачут, разные колючки цепляют, хвосты задрав, словно кобылки на скачках. Другие оне: гладенькие все, с блестящей шёрсткой. У каждой своя комната-светлица с мягкой постелькой - матрасиком поролоновым; душевой кабинкой и чашей Биде... На шее ожерелье из разноцветных кнопочек с именем, а не ботало-колокол на ошейнике. И имена у всех на европейский манер: Мари, Люси, Софи, Луиза, Алла-Виктория, Виталина... А быка заграничного Ксероксом назвали. Вокруг в коровнике: на стенах, потолке - приборы всякие, транспортёры, табло, счётчики, компьютеры. Как в ресторане, меню для каждой коровы составлено... И всё сбалансировано: тут и вика, и кукуруза, и соя, и клеверок с борщевиком да горошком. У каждой индивидуальная диета: на второе обязательно - витамины. Да всё делается по часам, по времени: корма по транспортёрам к каждой подплывают и по норме, по чашам ложатся; время вставать - пол начинает вибрировать; время дойки наступило - присоски к вымени сами прищепляются да дёргаются... Даже когда мочевой пузырь опорожнить надо, но время не пришло - коровы терпят, да потом сразу мыться спешат к чаше Биде... А на луга коровы не ходят,

травку щипать не умеют, да и зачем спину гнуть, ножки марать да репы на бока цеплять. Природу и по телевизору можно посмотреть, у каждой на табло он имеется. Кто-то «Сельский час» смотрит, кто - свои сериалы иностранные али французскую комедь. Ну, а которые к русской культуре приучится хотят - песни слушают по каналу «Жар-птица»... Если же кака коровка гулять шибко захочет - так ей с быком «Ксероксом» отдельную комнату, для свиданий, предоставляют... Только одно неудобство у коровок, они ежедневно за своим удоем наблюдать должны. Если норму не надоят, так сразу на витамины налегают. Иначе и до штрафа не далеко, забракуют да на мясокомбинат отправят. А зачем таку-то держать: отработанный материал!.. Ну коровы вначале думали, что мясокомбинат - это экскурсия така. Но нет, никто оттуда живой не возвращался. По телевизору мельком видали, в новостях, что там, на мясокомбинатах - то коровок в колбаски копчёны скручивают, ветчину, желатины разны, холодцы да консервы делают и по магазинам развозят...

К Степану почитай со всей России гости приезжать стали, опыт перенимать. Вначале их в душах моют!.. (приезжих) Микробов смывают да убивают, затем в белы халаты да белые тапочки облачают, а уж потом и на ферму заводят... Коровы-то, как солдаты в армии, сразу в шеренгу на задние копыта встают, хором хозяина приветствуют, хвостами с бантиками машут, со всеми почтительно здороваются. Гостям кланяются, на одно колено стоят, а передним копытом цветочек тюльпан каждому подают, их из Голландии оказией доставляют по такому случаю. А в воздухе - то ароматы плывут: коровы парфюм французский уважают, по полфлакона на себя, при утреннем туалете выливают... Мошкara всякая: мухи да комары сюда не залетают - у них аллергия на дезодоранты. По первости одна любопытная муха залетела, так еле выползла обратно, не помнит, как и жива-то осталась!.. А гости на тако чудо смотрят, глазам своим не верят, руками разводят, да на иностранном языке говорить начинают: «Вау!.. Вау!..» По русски-то выражаться нельзя при «дамах заграничных»!.. А уж когда иностранна делегация посетит, так их у порога самая шустрая коровёнка «Донна Роза» встречат в сарафанчике коротеньком, ивановского ситца, кокошнике расписном, да по - русскому обычаю хлебом-солью угощат. А кудрявой бык «Ксерокс» вокруг неё - в присядку скачет!..

Иностранна делегация в экстазе: «Гут, гут, Иван!..» Думают, что в России всех Иванами зовут... А Степан на них не обижается, только ухмыляется: «Знай, мол, наших!.. Деревенских!.. Черепановских!..» Русские гости поддакивают: «Да, да, йес, гутен морген..», - дескать тоже удивлены да моргаем «Йес, йес!..»

Да любо-дорого на тако хозяйство да фермы-то посмотреть!.. Какое времечко настало!.. До чего дожили!?!.. Вот каким фермером простой деревенской парень Степан стал!.. Да...

Где родился - там и пригодился

*«... Где родился ты, там и жить тебе,
умножать дела дедов - прадедов...»*

В были-то времена у нас в деревне почитай все строителями были, хоть и грамоту не знали, не учились нигде, а только ремесло это, да премудрости от дедов да прадедов по наследству передавалось. Ребенок-от ишо под столом ходит, а уже науку эту знат, столярный клей нюхат!.. Да отцу помогают... В деревне раньше быстро не умели строить почему-то... Строили больше артелью, да помощью, не спеша: хоть сарай, хоть баню, хоть хозяйственны каки постройки, али избу бревенчатую пятистенну. Лес для строительства заранее подбирали да растили, а какой и с осени присматривали. Рубили что ни на есть в самое холодное время года - зимой, в декабре аль январе, когда дерево, как какой-нибудь медведь бурой, уральской, в спячке находится. Просушивали годок-другой, а уже потом на доски да плахи пилили, разделявали и срубы рубили. Да и место под жилье выбирали загодя, с умом, чтобы и солнышка в доме вдосталь было, да и в любую стужу и ветрену погоду тепло держалось подольше.

Вот и Евстафий сына своего, Сергея, сызмальства к строительному делу приучал. Сергей ышо титьку материну сосал, придерживая одной рукой, а другой-то уже отцу то пилить, то тесать бревно помогал. Когда деревни нарушать стали - так они семьей в город подались. Там и отдали его в строительной институт. Сергей его с медалью закончил и даже в Артек, что в Крыму, съездил на море, пальмы, да ихние дома посмотреть. Так тогда и понял, что профессию по душе выбрал - востребована... Вот и стал настоящим

строителем с дипломом в кармане, а сметку деревенскую никогда не забывал. Не раз и не два она его в жизни выручала. Ну, конечно, обженился сразу, детей, внуков завел и работать пошел. Да не простым работягой, а мастером, прорабом значит, начальником. Но не кичился этим, не возвышался над подчиненными-то. И хлебал бывало с ними из одной чашки, и куском хлеба делился, и спал вповалку с рабочими под одним одеялом. По-первости ссорился с работниками, хотел бракоделов на чисту воду вывести. А где в городе чистая вода? В реке всякие отходы заводов да фабрик плывут да политилен. Рыбы давятся им, да на берег выбрасываются. Ну работники увидели такой брак в заводской работе, так словно переродились... Хоть и строгий был Сергей начальником, но побаивались его, уважали за прямоту, да браку в работе редко стали допускать, почти никогда. Да и бригаду (артель) не хотели подводить.

Раньше при строительстве больше на качество смотрели, а теперича - на скорость. Время скоростей... И никто в этом не виноват - только время одно!.. Народонаселения прибавилось: всем жилье новое подавай да объекты соцкультбыта (школы там, быткомбинаты, детские сады, да клубы-кинотеатры, да ишо бильярдные, казино всякие с «канканом»). В бараках, временках да избах угарных с печным отоплением надоело людям жить. А тут ишо и климат поменялся, лето на убыль пошло. Вот сроки-то и стали всех поджимать. Раньше избу деревянную год, а то и два строили, рубили. А теперича 2-3 месяца, в крайнем случае полгода и чтоб коробка-дом пяти али семизэтажна стояла!.. Ну а в недоделках виноватых нет, кроме самих жильцов: не надо было торопить!.. А уж если обои отошли - так и сами поклеить могут, руки не отсохнут... Да и двери с окнами подправить или местами поменять - тоже не велика наука!.. Главное ведь чтоб крыша над головой была, да стены стояли, а остальное - сделается, со временем!..

Строителей больше мужчин с юга да из средней Азии приглашали. Они по части строительства большими мастерами оказались!.. Наши - то артачатся: все им неладно, да не красиво, убого. А приезжие почитай пол России объехали и понастроили всего хоть в городе каком, хоть в селе. Всё могут!.. хоть школу; хоть сарай какой; хоть больницу али ферму; детский сад али конюшню; дом культуры или

жилой дом... Всё и везде одинаково, словно по шаблону - равенство должно быть!.. И никто ведь не жаловался, вроде даже и красиво, архитектурно: привыкли к этому. Но главное быстро, и начальству не в убыток - они и им хорошие дома-коробки возвели... Да и по одежке ведь принимать стали строителей. Энти конечно важные стали! На иномарках к администрациям подъезжают, да и так культурно за кофейями, о подрядах договариваются... А наш деревенской, мужик неотесанный!.. С топором в голенище, карандашом за ухом, да в грязных сапожищах в кабинет к начальнику ввалится - так тот ему сразу от ворот поворот!.. Мужик хоть и семи пядей во лбу, и строитель от бога, но нет!.. Вести себя не умеет, рукам волю даёт, языку тоже... Да и этикету не обучен, нет !.. «Куда, - дескать, - ты лезешь со свиным - то рылом, да в калашной ряд!...»

Вот и Сергей наш, хоть и городским стал, а всё-равно мужик-мужи́ком, лапотник значит... Не дают ему подряды хорошие, больше так, по мелочи всё... Вот и решил он поучиться со своей надёжной бригадой у приезжих. Один подряд с ихним Омаром взяли. Объект на две части разделили поровну: Сергею левое крыло, Омару - правое. Зачали ремонт - строительство значит. Здание до революции купцу принадлежало, всё в завитушках, да ангелочках, вазах с цветами в стенах вдавленных да выпуклых (барельеф и горельеф). В архитектурном стиле «рококо», значит, построено. Вначале его даже снести хотели, сверху директива пришла: «Нам такая изыщества не нужна. Враждебная культура!...», но тут вмешалась общественность: «Исторический объект!...» Тогда и порешили: «Ремонт произвести, лишнюю безобразну лепнину! да младенцев с крылышками замазать или отскоблить совсем!.. А здание под музей отдать!...»

Вот бригады взялись за дело. Сергей по базам да магазинам поехал: экологически чистой товар искал да прикупал, не глядя на цены. Бригада аккуратно от мусора своё крыло расчищала, щеточками пыль с амурчиков да розочек сдувала. А Омар бригаду каждый раз новую собирал: отработают и разбрелись, ищи потом ветра в поле!.. На этот раз на базар поехал - там в мясном ряду бригаду сколотил: они все с топорами, со своим орудием труда... Экономия!.. Правда они никогда со строительством делов не имели, а только со свинными тушами... Но ничего, Омар научит!.. И боги

горшки не обжигали... А за матерьялом Омар, за город поехал. В то время в деревнях много бросового бесхозного товару стояло: дома с резными наличниками, коровники, амбары да склады колхозные. Тут тебе уж и строгано, и белено, и крашено: бери сколь хочешь и можешь. Омар хозяев быстро разыскал, со всеми договорился, по рукам ударил. Как такому откажешь: на иномарке, язык подвешан, вежлив, со всеми «на Вы»...

И на стройке работа закипела: топоры стучат, мастерки с глиной летают, пилы ревут, дерево скрипит, шляпки гвоздей под молотками повизгивают!.. А вот и краской, побелкой запахло... Сергей от своей бригады ни на шаг, вместе с ними трудится, пот с лица рукавом вытирает: сам в цементе, извести да краске перемазан... А напарник Омар только на проверку приезжат, указания даст, по стройке пройдет, опилки с ботинок кожаных, бархатной тряпочкой смахнет и будто на другой объект торопится - уезжат... «Учись, - Сергею говорит, - как работать, руководить (руками водить) надо!..» Вот и срок сдачи объекта подошел, комиссия у ворот с ноги на ногу переминается. У Сергея сразу кой-какие недоделки обнаружили, головами запokaчивали, замечания дают, мол «ангелочки в другую сторону смотрели», а в вазонах ваших, роз не досчитались!.. У Омара же все в ажуре: даже лепнина нарядней стала - разными красками покрашена!.. и не беда, что амурчики амурами стали, в телепузиков превратились!.. Время идёт - подросли!.. Но в целом придраться не к чему, объект принят, здание музею передали...

Музейные сотрудники почему-то экспозиции да экспонаты дольше, чем ремонт шел, развешивали да раскладывали. Наконец день открытых дверей объявили. Вот первая экскурсия прошла по левому, Сергеевой бригадой отремонтированному, крылу и удивилась. Помещение что изнутри, что снаружи с фасадной стороны, в первозданном виде открылось, следов ремонта или реставрации не видно даже в очках и с лупой... «Хорошая работа, - говорят, - сейчас уже так и не строят!..» На вторую, правую половину ступили, а пол возьми и провались... Правда, никто не пострадал тогда, даже не покалечился, не ушибся. Подполье неглубоко оказалось - туда строители весь мусор да отходы свалили, дак мягко падать пришлось. Испужалась только экскурсия, а так всё обошлось. Оказалось материал дешёвой использовался, да ищо всё в

спешке делалось да и держалось на том, что у нас иногда при насморке из носа течет... Правда от грохота у телепузиков-амурчиков разные части. цветные отвалились, по потолку да стенам трещины пошли декоративны: словно ремонту и не было тут... А что скажешь: мясники ведь робили!.. А спросить не с кого... Омар к жене, да к малым детям укатил - один он в семье большой кормилец. Семья пока он тут на стройках горбатился, вкалывал! - на одних фруктах и соках жила... Крайним тогда Сергея сделали... Он ведь лаптем щи хлебал когда-то, да видать все тонкости науки строительной и души извилистой южной тонкой не усвоил. Психологию не изучал, доверял всем людям, документы, не глядя, подписал, вот и опростоволосился - поседел сразу. Пришлось ему ремонт тот переделывать из своего карману... Да впредь наука: в каки попало сани-то не садись!..

Шибко тогда Сергей осерчал, разозлился даже на себя, и в деревню, на родину малую махнул. В палатке под открытым небом жил: не ел, ночи не спал: деревню из небытия поднимал... Такие хоромы да дворцы с музеями понастроил, что бывшие жители, на праздник деревни собравшись, застыли в изумлении: стоят да глазам не верят... Какой деревня стала! такой красоты в жизни не видали!.. Везде прудики, а в них лотосы белые да розовы цветут; белы лебеди парами плавают; рыбы золотые плещутся... По берегам мята да кусты смородины благоухают... Вдоль улиц цветочки полевые: ромашки, васильки да незабудки приветливо головками кивают. В центре деревни фонтан бьет... Чуть поодаль памятник первым жителям деревни установлен!.. А на горе высокой, у погоста, маковки церквушки на солнце золотом горят...И стала деревня наша, Черепаны, музеем под открытым небом...

*Деревня, милая деревня
Волной гармонь, волною рожь.
Через надежды и поверья
Ты к возрождению идёшь.
И так уж повелось издревле
Через столетья и года:
Всегда энергией деревни
Мужали наши города...*

Кажинной год сюда земляки на престольный праздник - Петров день приезжают, да неделями при гостинице живут, благоустройством занимаются. А в друго время Сергеев зять горожан из разных мест возит. Супруга его Ирина, младшая дочь Сергея Евстафьевича, экскурсии проводит по музею: знакомит с деревенским бытом и укладом жизни старообрядцев - староверов. А внучата Сергея крестьянских ребятишек изображают: в лапотках, да домотканых холщовых рубашонках с вышивкой по деревне бегают, на деревенских самодельных лошадках скачут; в лапту, салки да городки играют... Матушка Евдокия со снохой Татианой при церквушке поют... А Сергей строительством дорог занялся, да возрождением окрестных деревень. Вот уж правду говорят: «Где родился - там и пригодился!...»

Годы террора

Политические репрессии обрушивались на головы советских граждан волнами. И каждая последующая захлестывала значительно большее количество людей, чем предыдущая. Но никогда гребень кровавой войны не поднимался так высоко, как в 1937 - 1938 годах. В эти годы «вредителей» и «врагов народа» арестовывали десятками и сотнями... Пресса без конца сообщала о разоблачённых «шпионах» и «диверсантах». Недавние кумиры становились объектами публичной травли. Дети и все ближние и дальние родственники также становились «врагами народа». Их сторонились, за ними была установлена слежка. Они не могли вступать в пионеры, комсомольцы, а тем более в партию. Перед ними были закрыты все высшие учебные заведения. Даже не всегда можно было найти работу - в анкете указывались все родственники ближние и дальние. Советскому народу начинало казаться, что «враги» окружают его со всех сторон... А «чёрные воронки» неутомимо сновали в поисках всё новых и новых жертв... Разгул «Большого террора» в 1937 - 1938 годах унёс жизни более семи тысяч расстрелянных жителей Молотовской области (Пермского края). Судьба многих не известна...

В 30 - е годы «чистка» проводилась повсеместно, не обошла она в первую очередь руководящих, партийных работников.

Избавлялись от непокорных, неугодных и здравомыслящих... Подобного рода работа проводилась и на селе, в колхозах. «Сверху» даже давали задание, указание: сколько (указывалось количество!) человек надо найти и «вычистить»... На места высылались директивы: «...Всем парторгам и уполномоченным РК... Поставить основной политической задачей: мобилизовать колхозников на скорейшую ликвидацию последствий вредительства и «выкорчёвывания врагов народа...» Чтобы выполнить такого рода приказы арестовывали ни в чём не повинных людей, по доносу стукачей... Забирали даже подростков, если им исполнилось 14 лет...

При раскулачивании отнимали всё имущество, вплоть до нижнего белья (посуду, постельное бельё, половики, холсты, продукты питания, предметы сельскохозяйственного труда, домашний скот и дом). Активисты не стеснялись и верхнюю одежду снять с раскулаченных и тут же присваивать себе... Да и в методах обыска особо не церемонились: выворачивали даже полы в избах, сараях, подсобных помещениях... Искали «награбленное» и следы «контрреволюционной деятельности». Раскулаченных ссылали в Соликамск, Коми - Пермский округ и в Сибирь.

Не обошла эта участь и жителей деревни Черепаны...

Черепанова Ирина Никифоровна, 1894 года рождения. Место жительства деревня Черепаны. Русская. Арестована 17.09.1935 года. Осуждена 05.01.1936 года. Обвинение «АСА» - антисоветская агитация. Приговор 4 года лишения свободы.

Черепанова Домна Савельевна. Место жительства деревня Черепаны. Русская. Обвинение «АСА» - антисоветская агитация. Приговор: ссылка в Сибирь, с конфискацией имущества.

Черепанова Елена Савельевна. Место жительства деревня Черепаны. Русская. Обвинение «АСА» - антисоветская агитация. Приговор: ссылка в Сибирь, с конфискацией имущества.

Селетков Константин Семёнович. Место жительства деревня Черепаны. Русский. Обвинение «АСА» - антисоветская агитация. Приговор: ссылка в Сибирь, с конфискацией имущества.

Даже во время Великой Отечественной войны, на фронте, находили «шпионов» и «врагов народа»...

Семушин Василий Александрович. 1914 года рождения. Место жительства деревня Черепаны. Русский. Арестован 07.09.1942 года. Военнослужащий. Осуждён 19.09.1942 года. Обвинение «АСА» - антисоветская агитация.

Черепанов Елизар Никитович, 1914 года рождения. Место жительства д. Черепаны. Рядовой 343-го стрелкового полка 143-й стрелковой дивизии. Попал в окружение 06.10.1941г. под г. Вязьма, Смоленской области. Попал в плен 07.10.1941г... Бежал из плена 08.10.1941г... До 27.01 1942 находился на оккупированной немцами территории, в д.Лёвкино, Темкинского р-на, Смоленской области. Прибыл в ПФЛ 12.04.1942 (проверочно - фильтрационный лагерь). После госпроверки направлен на работу в угольную промышленность... Узник проверочно - фильтрационного лагеря...

Черепаны, Черепаны... Болью сердца говорю...

*За старым кладбищем - поляны
И взгорье: здесь мой дом стоял,
Была деревня Черепаны,
Была... да ветер разметал...*

История деревни Черепаны уводит нас в далекое прошлое...Русские стали обживать Пермский край с середины XVII века, примерно с 1665 года. После религиозного раскола на Руси, во времена царствования Петра I, бежавшие в Камские леса приверженцы старой веры селились одиночками, небольшими починками. От гонений шли замоскворецкие стрельцы, переселенцы из центральной части России в поисках лучшей доли. Беглые старообрядцы - староверы (кержаки), бежавших от преследования властей за восстание против вводимых патриархом Никоном новшеств в царском богослужении и основали одно из самых старых поселений Большесосновского района, деревню Черепаны. По легенде, поселенцами здесь были найдены черепа неизвестных животных. Отсюда и произошло название деревни: Череп, Черепа, «Черепаны», а местных жителей стали называть Черепановыми. У подножия крутого холма, окруженная со всех сторон непроходимым лесом, в глухомани, расположилась

староверческая деревня Черепаны. Этот холм на юго - западе деревни - одна из достопримечательностей местности, самая высокая отметина Большесосновского района (283,5 метров). На его вершине величественно возвышалась сторожевая башня, и далеко окрест было видно всё и вся, в то время, как саму деревню было не так то легко увидеть и найти. Вокруг - всхолмленная равнина с балками, оврагами, непроходимой тайгой, небольшими речушками, ручейками, рукотворными прудиками...

Черепановцы обосновывались основательно, на века. Совместно раскорчевывали лес под пашни, пастбища, жилье. Возводили избы с надворными хозяйственными постройками, связанными с обработкой урожая и другой хозяйственной деятельностью. Жилые и хозяйственные постройки: хлев для скота, поветь (место для хранения сена), яму и погреб для хранения продуктов, амбар, колодец, баню ставили вплотную друг к другу, чаще всего под одной крышей, что позволяло, особенно в холодную зиму, по несколько дней не выходить со своего двора. Внутренняя обстановка избы отличалась строгостью и простотой: четверть избы занимала глинобитная печь, топившаяся «по - чёрному», по диагонали от печи располагался передний (красный) угол, там висели иконы, украшенные к праздникам вышитыми полотенцами. В переднем углу находился обеденный стол, это было самое почетное место, где всегда сидел хозяин дома. По стенам шли плотно прикрепленные и вырубленные лавки, параллельно лавкам, выше окон, полки - грядки, на которых хранили посуду и домашнюю утварь. Под потолком в задней части избы от печки до боковой стены делали деревянный настил - полати, служившие спальным местом. Также спали на лавках, печи, полу. Дома освещали с помощью лучины, вставленной в светец. Источниками света были окна и печь.

Вставали с петухами, используя рационально каждую минуту. Жили большими семьями, обособленно, хоронились от людей, отличались скупостью, замкнутостью, трудолюбием и суровым, независимым нравом. Деревню обносили изгородью из частокола, опасаясь хищного зверя (частыми гостями в этих краях были волки) и злого, недоброго человека. Деревня всегда считалась богатой, запасливой, зажиточной. Питание отражало природно -

климатические условия жизни, основу составляли мучные, крупяные и мясо - молочные продукты. Пекли шаньги, пироги, блины; варили каши, щи; употребляли в пищу продукты охоты, рыболовства, грибы, ягоды. Хлеб был главным продуктом, пекли его из ржаной, овсяной, ячменной муки. Тесто готовили в деревянных и глиняных квашенках, размешивая мутовками или лопатками, растаивали в плетеных чашах - корноватках, раскладывали деревянной лопатой на чисто выметенный Под русской печи. Хлеб пекли на неделю, хранили в больших глиняных корчагах или плетенных из лыка, ивы корзинах. Он практически не черствел, подолгу сохранял тепло и запах печи. Резали бережно, прижав к груди. Строго соблюдали пост, питаясь только растительной пищей. Попов черепановцы не признавали, молились, собираясь семьями в нескольких избах. Все обряды, начиная с крещения ребёнка, до погребения проводились местными, знающими бабками. Свечи готовили сами, иконы передавали по наследству. Черепановцы производили в личном подсобном хозяйстве предметы быта, одежду, обувь. Ткацкие станки были в каждом доме. Повседневная одежда - понитки, тулупы, лапти, домотканые штаны, рубахи, пояса, была в ходу вплоть до начала 19 века.

К сожалению, первые поселенцы при освоении территории свели на нет первичные леса. Современные леса - вторичны: ель, пихта, береза, осина, липа, да еще кустарники: можжевельник, калина, рябина, шиповник, не оберегали местность от ветра и холода, но всегда славились урожаем грибов и ягод. Рыжиков, клубники было столько, что, как говорили в народе, «хоть лопатой гребь, хоть литовкой коси!». Разреженный травяной покров состоял из разнотравья, а кислицу, хвощ, сныть, употребляли в пищу круглый год, заготавливая впрок. Богатые полезными ископаемыми почвы, к сожалению мало изученные, служили подспорьем черепановцам: известняком, как прекрасным минеральным удобрением обрабатывали поля; светло - серый песчаник, гравий, красно - бурая глина шли для постройки, ремонта дорог, строительства, изготовления посуды. Занимались сельским хозяйством: сеяли лен, овес, ячмень, кормовые культуры, разводили скот. Основным орудием были серп и деревянная соха,

а тягловой силой лошадь. Во времена крепостного права черепановцы страдали от малоземелья - на каждого мужчину выделялось до 6 десятин земли, женщинам земля практически не выделялась. Через каждые 20 лет проводился перемер земельных угодий.

Примерно 260 лет назад, в 1745 году по Пермскому краю прошел Сибирский тракт. Вокруг стали возникать новые поселения - починки: Баклуши, Заболотово, Дурыманы, Солоды, Селетки, Ларята, Башка и другие. Хлынувшие из центральной части России переселенцы быстро осваивали новые территории, вырубали леса, строили проселочные дороги, населенные пункты, подступая вплотную к деревне Черепаны. Наладилась торговля с близлежащими уездами Вятской губернии. Были определены базарные дни: по пятницам в Большой Соснове, по воскресеньям в Петропавловске. На базар, ярмарки - ярманки приезжали «шубники» и кожевники из Осы, торгуя воротниками, шляпами, рубашками. Из Вятки привозили затейливо расцвеченные и расшитые варежки, шубы, валенки, а также гармоники, тальянки, двухрядки, трёхрядки столбовые и казымовские. Зажиточные староверы охотно приобретали гармоники, передавая искусство игры из поколения в поколение. Деревня Черепаны издавна славилась гармонистами.

*...На деревне Черепаны я растягивал меха,
Хорошо ли плохо ли да только девки охали!..*

На базар, как и окрестные деревни, черепановцы везли лён, куделю, тканые и расшитые полотняные полотенца, пояса, половички, продукцию собственного хозяйства: сметану, творог, молоко (зимой замороженное в кружках), мясо, а также мочёную капусту, солёные рыжики и сушёные ягоды.

Несколько деревень старой, царской России составляли сельское общество, сельские общества - волость, волости - уезды, уезды - губернию. Черепановское сельское общество состояло из деревень: Черепаны, Селетки, Лежебоки, Малиновка. Черепановское сельское общество отличалось от сельских советов: оно не имело административного аппарата с широкими полномочиями. Волостью управляли 3 человека - выбираемый на три года старшина, писарь и земский начальник от полиции. С 1879 года, когда село Дурыманы

было переименовано в Петропавловск, Черепановское сельское общество стало входить в Петропавловскую волость Сарапульского уезда Вятской губернии. Вольнолюбивую деревню Черепаны редко посещали представители местной власти, хотя лучшие земли, пастбища, леса принадлежали губернатору, церкви и зажиточным крестьянам. До революции практически в каждом хозяйстве была своя лошадь, но хлеба зачастую не всегда хватало до нового урожая.

В 1900 в Черепанах было открыто начальное училище. До этого с 1864 учились в Дурыманах в начальном земельном училище, но всё же большинство населения было безграмотным. Вестниками Революции были возвращавшиеся с фронта солдаты, несущие службу во времена царской России по 25 лет. Агитаторы из Волости также рассказывали о новых порядках, свержении Царя - что вызывало переполох у местных жителей. Очень остро стоял вопрос о земле. Наиболее революционно настроенные солдаты и бедняки создали первую партийную ячейку, решавшую местные дела. С лета 1918 года повсеместно начали вспыхивать мятежи. Территория района заняли колчаковские войска. Деревня неоднократно переходила из рук в руки. Местные жители плохо разбирались в политике, остерегались и белых и красных. Белые хозяйничали 7 месяцев, убивая без суда и следствия жителей окрестных деревень: красноармейцев, сочувствующих советской власти, партийных и членов их семей. Местные жители хоронили и перезахороняли по приказу белогвардейцев тела погибших. Позднее жертвам революции ставили памятники и обелиски. На пригорке - бровке Домашнего лога у Селеток похоронены жители Солодов, Лежебок, Верх-Потки, Развил, Селеток, Черепан.

С 24 февраля 1921 года в районе началась коллективизация. Черепановцы неохотно шли в колхоз, но в 1929 году, когда по стране прошла массовая коллективизация, вступили, назвав колхоз «Труженик». Зажиточных, крепких хозяев обвинили в кулачестве, оторвав от семьи, отправили в Сибирь и на Алтай. Первая волна переселенцев, наших ссыльных земляков навсегда покинули родную деревню. Труд в колхозе был непроизводительный, тяжелый, урожай собирали небольшой, по 5 - 7 центнера с гектара. В 1930 году в селе Большая Соснова закончилось строительство МТС, колхозы получили право пользоваться крупной

сельскохозяйственной техникой, первый трактор был американский «Фордзон». Работали от зари до зари за трудовни. Колхозы отстраивались. В Черепанах появились: конный двор, складские помещения, ферма, телятник, кузница, бондарка (столярка), медпункт, магазин, но радио и электричества ещё не было.

Петров день - 12 июля считался одним из главных, престольных праздников и всегда отмечался в деревне Черепаны в складчину и с размахом. Ведь все жители были не просто земляками, всех связывали кровные или родственные узы. Столы накрывались в каждой избе, гости переходили из избы в избу, поздравляя хозяев и угощаясь домашним квасом, медовухой, кумышкой, брагой. Дети и молодёжь собирались за околицей, водили хороводы, пели песни под гармоники, играли до утренней зорьки. Весть о Великой Отечественной войне привёз уполномоченный из райцентра А.М.Галкин. Рассказав о положении на фронте, вручил повестки Большесосновского райвоенкомата. В 1941 году ушло на фронт практически все мужское население деревни Черепаны. Из Солодовского сельского поселения было призвано более 200 человек. Домой вернулись только 99 человек. Из наших земляков - 20 человек (Жужговы, Каракуловы, Сальниковы, Семушины, Черепановы) погибли в боях за Родину, пропали без вести в первые (1941 -1942) годы войны. Многим не было и 25 лет, о чем свидетельствует Книга Памяти Большесосновского района. На полях, в годы войны, работали женщины, старики и дети наравне со взрослыми. Никто не считался со временем, жили впроголодь, ели ржаной хлеб с мокрицей, опилками, мякиной, затирку. Всё продовольствие отправляли на фронт.

В послевоенное трудное время только стала налаживаться мирная жизнь, как деревню, едва поднявшуюся от лихолетья, захлестнула новая .94. В конце 50-х годы наметилась тенденция укрупнения населенных пунктов и колхозов, что привело к упразднению небольших русских деревушек, в том числе и деревни Черепаны. С конца 50-х годов жители начали переезжать в близлежащие населённые пункты: Солоды, Петропавловск, Большую Соснову, Очёр, а также соседнюю республику Удмуртию: в Воткинск, Ижевск. Первыми покинули деревню многодетная семья Тихона Сальникова.

К 1969 году в деревне Черепаны насчитывалось 21 хозяйство, 24 жилых строений, проживало 60 человек, из них 29 человек мужского населения, 24 - женского. В начальную школу дети ходили в Селетки, в восьмилетку в Солоды. Работал продуктовый ларек, два раза в год в Черепаны приезжала автолавка с мануфактурой и продуктами; один раз в год - быткомбинат. В деревне был один телефон, электричество и телевидение, раз в месяц привозили немое кино. Показывали его в конюховке, В 1973 году Черепаны покинули последние жители Романчук, Григорьевы. Деревня осиротела...

Деревня Черепаны по праву может гордиться своими жителями, вышедшими из нее и прославившими ее. Бывшие жители деревни - великие труженики: это работники сельского хозяйства, работники правоохранительных органов, военные, инженеры, медицинские работники, работники потребкооперации, образования, науки, культуры. Это Черепановы, Селетковы, Сальниковы, Нелюбины, Семушины, Щелкуновы, Шадрины, Жужговы, Жуковы, Каракуловы.

Из деревни вышли такие люди, как Илья Кириллович Черепанов - ветеран Великой Отечественной войны, «Отличник народного просвещения», Почетный гражданин Большесосновского района; Черепанова Анна Ивановна - «Отличник советской потребкооперации», награждена орденом «Знак Почета»; Александр Гордеевич Селетков - председатель ООО «Русь», «Заслуженный работник сельского хозяйства РФ», Почетный гражданин Большесосновского района; поэт и журналист Виктор Никифорович Черепанов, Алексей Федорович Сальников, профессор Пермского государственного политехнического университета; Кузнецова (Нелюбина) Светлана Афанасьевна - «Отличник народного просвещения» и многие, многие другие.

Нет на карте деревни Черепаны, но она живет в сердцах людей, навсегда связанных с ней местом рождения, древним погостом, отметкой в паспорте...

Была деревня Черепаны, была...да ветер разметал...

*Пусть давно ты в природной квартире
И ее уж свели зелена.
Но одна ты, одна в этом мире,
Дорога и жива для меня.
И когда я к тебе на свиданье
Прихожу, затуманив глаза,
Только ветер да птиц щебетанье,
Только я да еще небеса...*

Содержание

От автора.....	1
Вехи истории деревни Черепаны	2
А он не вернулся из боя... ..	13
Они сражались за Родину.....	14
Наш земляк и поэт Виктор Черепанов.....	19
Истории названия деревень: Черепаны... ..	31
На душе полегчало.....	39
Сэкономила.....	42
Вера.....	44
Мастера. Кузница. Бондарка.....	45
Школа.....	50
От мелочной лавки до автолавки.....	53
Старики рассказывали.....	58
Праздник в деревне нашей.....	61
Кумышка.....	65
Деревенские гармонисты	68
Модницы.....	73
Закадычные друзья.....	74
Кинемеханики.....	76
Гужевой транспорт.....	79
Не зря умом-то блистали.....	82
Райская ягода.....	84
Рыжиковый хоровод.....	87
Мы играли в чечки.....	89
На улице дождик.....	90
Беда.....	94
Фёдор.....	97
Хлебоборбы.....	99
Как Фёкла сыну невесту выбирала.....	105
Цветочки лазоревы.....	107
С червоточинкой.....	109
И один в поле воин.....	112

Деревенская история.....	115
Масленица.....	118
Были-небылицы в лицах бабушки Лукерьи.....	122
Как мужик свою бабу лечил.....	123
Грудотерапия.....	125
В розовых очках.....	128
Один день деревни.....	130
Макариха.....	138
Петровна.....	140
Бабай.....	144
Света и Бабай.....	145
Полудница.....	147
Шалопутные.....	150
Рождественские вечера.....	151
Кот «Мур».....	158
Заяц «Заяц».....	160
Нагостилась.....	162
Пашуня.....	163
В люди вышли.....	167
Фермер.....	169
Где родился- там и пригодился.....	173
Годы террора.....	178
Черепаны, Черепаны... Болью сердца говорю.....	180

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1) Николай Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Книга 2. «Изд. «ЭКСМО». Москва. 2004г.
- 2) История Российского государства. Царь Петр Алексеевич. Борис Акунин. «Издательство «АСТ». Москва. 2017г.
- 3) История России. Полная энциклопедия. Школьник Юлия Константиновна. ООО «Издательство «ЭКСМО». Москва. 2012г.
- 4) Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Типография издательства «Таврида» г. Симферополь 1992г.
- 5) С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Москва. «Русский язык» 1990г.
- 6) В. И. Даль. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. ООО «Издательство «ЭКСМО». Москва. 2007г.
- 7) Домострой. Издательство «Советская Россия» Москва. 1990г.
- 8) Глушко Е.А. Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. ГИПП «Нижеполиграф» Нижний Новгород. 1995г.
- 9) Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. В.П. Фелицин, Ю.Е. Прохоров. Москва. «Издательство «Русский язык». 1979г.
- 10) Русские пословицы и поговорки. Под редакцией В. П. Аникина. Москва «Художественная литература». 1988г.
- 11) Времена года. Православный народный календарь. «Издательство «Урал-Пресс». Пермь. 1991г.
- 12) Земля Сосновская ООО «Издательский дом «Пермские Новости» г. Пермь. 2004г.
- 13) Частушки. Л. А. Астафьева. Москва. Современник. 1987г.
- 14) Виктор Черепанов. Стихи. г. Пермь. 1998г. ИПП «РЕАЛ»
- 15) Книга Памяти Большесосновского района. ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда» г. Пермь. 2006г.
- 16) Материалы районного архива с. Б-Соснова
- 17) Годы террора. Том 4, часть 3. Том 5, Часть 3. г. Москва.
- 18) Бойцы трудового фронта Большесосновского района. ООО «Типография «Здравствуй». Пермь. 2012 г..

